

МАТЕРИАЛЫ
I Международной
научной конференции
«Донецкие чтения 2016.
Образование, наука
и вызовы современности»

Том 4

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

2016

Донецкий национальный университет

Уважаемые коллеги!

Перед Вами 8-томное издание материалов I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности». Здесь содержатся ответы на многие актуальные вопросы, но наиболее важным является сам факт проведения масштабной конференции, охватывающей практически все направления науки в Донецкой Народной Республике, против которой ведутся военные действия. Наши ученые не прекращают научную деятельность в осажденном, обстреливаемом городе.

Для Донецкого национального университета важна поддержка конференции со стороны научной общественности разных стран и, прежде всего, Российской Федерации. Мы высоко это ценим и выражаем всем участникам глубокую благодарность.

Надеюсь, что представленные результаты исследований в разных областях науки дадут новый импульс международному научно-образовательному сотрудничеству нашего университета с вузами, научными учреждениями России и других стран.

И.о. ректора ДонНУ,
доктор физико-математических наук,
профессор

A handwritten signature in blue ink, appearing to read 'С. В. Беспалова'.

С. В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Ассоциация юридических вузов России
Международная славянская академия наук,
образования, искусств и культуры

I Международная научная конференция

Материалы
конференции

**Донецкие чтения
2016.**

Том 4

Образование,

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ. КУЛЬТУРА
И ИСКУССТВО**

**наука и вызовы
современности**

г. Донецк
16–18 мая 2016 г.

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2016

ББК Ш.я431+Ч11я431

УДК 81+78+378

Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (научный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),

В.А. Дубровина, И.М. Артамонова, А.В. Трошкин

Д672 Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности:

Материалы I Международной научной конференции (Донецк, 16-18 мая 2016 г.). – *Том 4. Филологические науки. Культура и искусство* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – 218 с.

ISBN 978-5-9275-1956-9

ISBN 978-5-9275-1959-0 (Т. 4)

Ответственность за аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В четвертый том материалов конференции вошли научные исследования актуальных проблем лингворусистики, современной украинской филологии, изучения славянских языков, прикладных аспектов лингвистики, массовых коммуникаций и культурных явлений в научных парадигмах современной гуманитаристики.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам, проводящим исследования в области филологических наук, культуры и искусства.

ББК Ш.я431+Ч11я431

УДК 81+78+378

ISBN 978-5-9275-1959-0 (Т. 4)

ISBN 978-5-9275-1956-9

© Коллектив авторов, 2016

© Донецкий национальный университет, 2016

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель
Беспалова С.В. д.ф.-м.н., проф., и.о. ректора ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк)

Заместители председателя:

Бабурин С.Н. д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Метелица А.В. д.х.н., проф., проректор по развитию естественно-научного и физико-математического направления Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Члены программного комитета:

Галахова О.Ю. начальник отдела внешнеторговой политики МИД ДНР (г. Донецк)

Глухов А.З. д.б.н., проф., член-корреспондент НАНУ, гл.н.с. Донецкого ботанического сада (г. Донецк)

Варюхин В.Н. д.ф.-м.н., проф., член-корреспондент НАНУ. Заслуженный деятель науки и техники Украины, директор ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)

Вербенко И.А. к.х.н., с.н.с., и.о. директора НИИ физики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Ермаков П.Н. д.б.н., проф., член-корреспондент РАО, директор Института психологии, управления и бизнеса Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Илюхин А.А. д.ф.-м.н., проф., профессор кафедры математики Таганрогского института им. А.П. Чехова Ростовского государственного экономического университета (г. Таганрог)

Калиущенко В.Д. д.филол.н., проф., проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)

Керимов А.Д. д.ю.н., проф., главный редактор издания «Российский журнал правовых исследований» (г. Москва)

Кисляков С.В. д.ф.-м.н., член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией математического анализа Санкт-Петербургского отделения Математического института им. В.А. Стеклова РАН, профессор кафедры математического анализа Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

<i>Клещев В.Н.</i>	к.психол.н., проф., профессор кафедры бокса и кикбоксинга Российского государственного университета физической культуры (г. Москва)
<i>Ковалев А.М.</i>	д.ф.-м.н., проф., академик НАНУ, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)
<i>Колоней В.А.</i>	к.искусств, проф., и.о. ректора Донецкой Государственной Музыкальной Академии им. С.С. Прокофьева (г. Донецк)
<i>Мармазова Т.И.</i>	д.полит.н., проф., вице-президент Фонда «Юго-Восток» (г. Симферополь)
<i>Маслий Н.Ю.</i>	начальник отдела макроэкономической стратегии МИД ДНР (г. Донецк)
<i>Минкин В.И.</i>	д.х.н., академик РАН, проф., научный руководитель Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
<i>Пичугин В.В.</i>	заместитель Министра МИД ДНР (г. Донецк)
<i>Половян А.В.</i>	д.э.н., доц., директор ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)
<i>Приходько С.А.</i>	к.б.н., ст.н.с., директор Донецкого ботанического сада (г. Донецк)
<i>Ризниченко Г.Ю.</i>	д.ф.-м.н., проф., зав. сектором информатики и биофизики сложных систем кафедры биофизики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)
<i>Савоськин М.В.</i>	к.х.н., с.н.с., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)
<i>Скафа Е.И.</i>	д.пед.н., проф., проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)
<i>Шкаликов А.А.</i>	д.ф.-м.н., проф., профессор кафедры теории функций и функционального анализа Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)
<i>Aizenberg L.</i>	Professor Bar-Ilan University (Israel)

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ИННОВАЦИОННОГО КЛАСТЕРА ДОНБАССА

Беспалова С.В.

доктор физ.-мат. наук, профессор,
и.о. ректора

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк)
donnu.rector@mail.ru

Концепция развития на 2016–2020 годы Донецкого национального университета (далее соответственно – концепция, университет) направлена на восстановление, модернизацию, формирование и развитие ведущего научно-образовательного и инновационного кластера на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), содействующего решению стоящих перед регионом основных задач:

- возрождение и модернизация индустриальной и социальной инфраструктуры для самодостаточного и прибыльного экономического развития региона;
- восстановление социально-экономических условий жизни населения региона и повышение их качества до лучших мировых образцов;
- интеграция экономики и населения региона в единое экономическое, научно-образовательное и культурное пространство Российской Федерации и других стран СНГ;
- обеспечение научной и кадровой поддержки инфраструктурных, научно-технологических, инновационно-инвестиционных и социально-экономических программ и проектов региона;
- создание сбалансированной системы межнационального, межкультурного и межконфессионального взаимодействия и сотрудничества в регионе.

Позиционирование университета в республиканском, российском и международном научно-образовательном пространстве

Донецкий государственный университет основан в 1965 году (в 2000 году получил статус национального университета) как классический университет и обладает следующими признаками, которые, по мнению экспертной группы Евразийской ассоциации университетов, должны быть присущи таким университетам:

- ***высокий уровень подготовки специалистов;***
- ***возможность получения студентами базовых знаний в различных областях науки при оптимальном сочетании естественнонаучных и гуманитарных дисциплин;***

- преобладание в научной деятельности доли **фундаментальных исследований по широкому спектру наук**;

- способность к **формированию и распространению нравственных и культурных ценностей**.

Эти черты образования и соответствующие качества выпускников позволяют говорить об **особой роли классического университета в настоящее время – в период становления в Донбассе новой государственности**.

Интеллектуальный потенциал университета позволяет рассматривать его как **полигон для отработки разнообразных изменений в содержании и технологии образования**, особенно таких, как усиление фундаментальной подготовки, переход к созданию и реализации **междисциплинарных** знаний, активное использование в учебном процессе результатов и технологий научного поиска. В связи с переходом к **новым образовательным стандартам** университет может оказать значительную помощь в освоении их другими вузами (особенно по введению дисциплин гуманитарного и естественнонаучного циклов), выступая в роли **регионального научно-методического центра**.

Имея широкомасштабную подготовку кадров через докторантуру, аспирантуру, магистратуру, систему переподготовки и повышения квалификации, тесные связи со школами университет реализует идею **непрерывного образования в течение всей жизни**. Отличительной чертой университета является и то, что **выпускники работают во всех без исключения сферах деятельности**: экономике, науке, образовании, управлении, культуре, социальной сфере. Это дает университету возможность понимать и решать все проблемы подготовки специалистов для различных сфер деятельности, быть **лидером в реализации образовательной функции высшей школы**. Необходимо также учитывать, что именно классические университеты призваны готовить **преподавательские кадры** для системы высшего образования, особенно в области гуманитарных, естественных и точных наук.

Значительную часть выпускников университета составляют специалисты в области **гуманитарных и социально-экономических наук**. Именно эти науки отвечают в значительной степени за развитие культурной традиции народа, формируют представления о путях общественного развития, предлагают способы решения сложных социальных и экономических проблем.

В период восстановления и развития экономики ДНР потребуются, в первую очередь, работники естественных и технических наук, а также инженеры всех специальностей. В настоящее время актуальна необходимость подготовки многопрофильных специалистов, обеспечивающих проведение всесторонних общественных, социальных и экономических реформ. Потребность в высококвалифицированных кадрах будет только возрастать и расширяться спектр направлений их компетенций.

В настоящее время подготовка кадров естественного, гуманитарного и экономического профилей осуществляется на уровнях:

- **Бакалавриата** – по **51** направлению;
- **Специалитета и магистратуры** – по **58** специальностям;
- **Аспирантура** по **59** и **докторантура** по **20** специальностям.

Одной из первоочередных задач коллектива университета является восстановление контингента студентов. Общее количество студентов на 1 октября 2015 года – **8 365** (из них бюджетных – **4 635**).

Общее количество заявлений абитуриентов в 2015 году составило **12 824**, что больше чем в 2014 году. Всего в 2015 г. было зачислено **4 643** чел., в том числе: на дневную форму **2 340** студентов и на заочную – **1 801** студент.

Выпуск 2015 года составил **1 709** студентов. Дипломы с отличием получили **236** человек, что составило – **14 %** от общего количества выпускников. Рекомендации для поступления в аспирантуру получили **152** студента, что составляет **19 %**, и это на **9,3 %** больше чем в 2014 году. Эту динамику необходимо продолжать, поскольку подготовка научных кадров является сегодня наиважнейшей задачей университета.

Подтверждением международного уровня подготовки специалистов в университете является успешная Итоговая государственная аттестация, которую прошли **1 138** (70 %) наших выпускников в ведущих ВУЗах Российской Федерации.

Имея в настоящее время достаточный интеллектуальный потенциал, междисциплинарные научные подразделения и широко развернутые международные связи, университет способен сегодня выполнять и выполняет научные исследования по актуальным для региона направлениям и может предложить для восстановления Донбасса ряд результатов перспективных научных и технологических разработок, методик и технологий.

С 1 января 2016 года научные исследования ведутся в рамках **13** госбюджетных тем (из них **8** – фундаментальных, **5** – прикладных). Для их выполнения из госбюджета ДНР финансируются штатные научные сотрудники (**60** чел.) и совместители из числа преподавателей ДонНУ (**57** чел.). Исследования ведутся также на кафедрах в рамках **25** инициативных научно-исследовательских тем.

В университете по состоянию на 1 января 2016 года работают **1 767** штатных сотрудников (**79** внешних совместителей), из них: **670** научно-педагогических работников (**75** внешних совместителей). Научно-педагогические работники, имеющие ученую степень доктора и кандидата наук, составляет от общего числа научно-педагогических работников **64 %**, то есть **96** докторов наук (**21** внешних совместителей) и **335** кандидатов наук (**28** внешних совместителей).

Набор в аспирантуру в 2015 году составляет **84** человека на бюджетную форму и **5** – на контракт, что соответствует уровню 2013 года. Всего в 2015 году в университете обучалось – **196** аспирант (**6** по контракту), **1** соискатель и **3** докторанта.

Таким образом, университет сегодня – это многопрофильный научно-образовательный и инновационный комплекс, успешно адаптирующийся к современным социально-экономическим и общественно-политическим изменениям и вызовам, играющий активную интеграционную роль в республиканском, региональном и международном научно-образовательном и инновационном пространстве.

Миссия, стратегическая цель и задачи развития университета

Экономика ДНР в настоящее время нуждается в восстановлении и модернизации традиционных отраслей и предприятий, а также в определении новых траекторий технологического развития региона, которые могут быть реализованы в условиях ограниченных ресурсов и связей, что позволит перейти региону по ряду направлений к шестому технологическому укладу.

Этим процессам способствует принятие законов «Об образовании» и «О республиканских программах», разработка проектов законов «О науке и государственной научно-технической политике» и «Об интеллектуальной собственности» и ряда проектов программ развития экономики региона (Программа научно-технической поддержки и развития угольной отрасли, программы развития сельского хозяйства и другие), а также разрабатываемая Программа социально-экономического развития ДНР. Свой вклад в развитие Донбасса внесет реализация данной концепции развития университета.

Миссия университета – это подготовка высококвалифицированных кадров с высокими патриотическими, нравственными и культурными качествами, генерация и распространение знаний, выполнение фундаментальных и прикладных исследований; использование результатов исследований и технологических разработок для потребностей региона, консолидация интеллектуальных и материальных ресурсов для решения задач восстановления, модернизации и устойчивого развития региона.

Стратегическая цель – конвергенция образовательной, научной и инновационной деятельности университета и создаваемого вокруг него регионального кластера из заинтересованных предприятий, организаций и учреждений для достижения синергетического эффекта в развитии Донбасса посредством интеграции образования, науки и предпринимательства, т.е. осуществления перехода к модели развития «Университет 3.0».

Достижение указанной цели будет осуществляться путем реализации стратегического партнерства университета с республиканскими и местными органами власти, с представителями образовательного, научного и предпринимательского сообществ для решения следующих **основных задач развития университета** с перечнем необходимых мероприятий по их выполнению:

1. Модернизация образовательной деятельности университета на базе республиканских образовательных стандартов высшего образования с учетом перспективной потребности Донбасса и других регионов мира в высококвалифицированных специалистах:

- разработка новых и обновление действующих образовательных программ для востребованных направлений подготовки бакалавров, специалистов и магистров;

- расширение состава профилей по осуществляемым направлениям подготовки студентов с учетом мировых тенденций развития науки и технологий и потребностей работодателей;

- повышение качества подготовки бакалавров, специалистов и магистров путем координации и содействия в зачислении студентов университета в экстерны российских вузов для прохождения государственной итоговой аттестации, защите выпускных работ и получения дипломов Российской Федерации;

- согласование с российскими университетами образовательных программ двойных дипломов для подготовки магистров в том числе через системы дистанционного образования, структуры сетевых университетов и т.п.;

- открытие новых специальностей в аспирантуре и докторантуре университета, а также диссертационных советов по актуальным для региона научным направлениям;

- согласование с российскими университетами и научными организациями планов и программ совместной подготовки аспирантов, докторантов и соискателей из числа сотрудников университета с последующей защитой диссертаций в диссертационных советах Российской Федерации и других стран СНГ;

- выполнение форсайт-исследований потребностей работодателей региона для определения новых и оценки действующих направлений и профилей подготовки студентов;

- участие в разработке и согласовании новых республиканских и международных образовательных стандартов высшего образования;

- разработка и реализация программы обмена опытом образовательной и научной деятельности с университетами и научными организациями Российской Федерации и других стран СНГ и мира.

2. Обеспечение привлекательности и мотивированности обучения в университете для абитуриентов, а также взаимовыгодности сотрудничества с университетом для работодателей:

- составление, согласование и реализация ежегодных планов работы со школьниками и абитуриентами (заключение договоров со школами; руководство научных кружков в школах и в университете; координация деятельности Малой академии наук; развитие лица при университете; проведение дней открытых дверей и т.п.);

- развитие центра довузовской подготовки, в том числе организация бесплатных кратковременных курсов подготовки к вступительным экзаменам и собеседованию для абитуриентов;

- исследование показателей и критериев привлекательности и мотивированности обучения в университете и разработка способов их повышения;

- составление, согласование и реализация ежегодных планов работы с работодателями (заключение договоров с предприятиями, организациями и учреждениями; организация ярмарок вакансий; создание системы целевой подготовки магистров, аспирантов и докторантов и т.п.);

- исследование показателей и критериев взаимовыгодного сотрудничества университета и работодателей и разработка рекомендаций по организации взаимодействия с потенциальными заказчиками и потребителями образовательных услуг университета.

3. Расширение спектра образовательных, научных и инновационных услуг, предоставляемых университетом:

- подготовка и осуществление междисциплинарных образовательных программ обучения бакалавров, специалистов и магистров;

- разработка и реализация научно-образовательных и технологическо-производственных междисциплинарных программ подготовки аспирантов, докторантов и соискателей;

- составление и внедрение образовательных программ переподготовки и повышения квалификации кадров с высшим образованием;

- организация рабочих групп по научному консультированию и проведению научно-технических, социально-экономических и гуманитарно-правовых экспертиз;

- создание временных творческих коллективов для решения актуальных задач развития университета и региона;

- формирование инициативных межфакультетских команд и межуниверситетских (с участием научных институтов и предприятий) консорциумов для разработки и выполнения перспективных республиканских и международных проектов.

4. Активное внедрение в учебный процесс инновационных образовательных технологий, повышающих качество подготовки выпускников, производительность труда преподавателей и эффективность организации учебной деятельности в университете:

- разработка и реализация программы внедрения в образовательный процесс дистанционных методов обучения и обеспечения этого процесса средствами мультимедиа;

- организация и проведение курсов обучения преподавателей университета активному использованию на учебных занятиях технических средств мультимедиа;

- подготовка и выполнение проектов по организации факультативных виртуальных занятий как для студентов университета, так и для любых желающих: вебинаров, телеконференций, онлайн лекций и т.п.;

- разработка интерактивных (удаленных) лабораторных работ по естественным, экономическим и гуманитарным дисциплинам и участие в существующих веб-системах удаленных экспериментах в режиме реального времени;

- развитие методик активного обучения (деловых игр, мозговых штурмов, проектно-командного подхода и т.п.).

5. Обновление кадрового потенциала университета за счет создания условий для профессионального роста научно-педагогических работников университета и привлечения талантливых педагогов и ученых из ведущих республиканских, российских и мировых университетов, исследовательских институтов, центров и лабораторий:

- разработка стимулирующих механизмов для создания условий профессионального роста сотрудников университета (разработка и принятие Положения о стимулировании сотрудников университета за научные и педагогические достижения);

- разработка стимулирующих механизмов для привлечения сторонних сотрудников на временной основе (разработка и принятие Положения о временной работе в университете по совместительству и по гражданско-правовым договорам);

- разработка нормативно-правовых положений для привлечения иностранных граждан к сотрудничеству с университетом (разработка и принятие Положения о сотрудничестве университета с иностранными гражданами).

6. Создание благоприятных условий для максимально полной реализации личностного и профессионального потенциала сотрудников университета и обучающихся в университете:

- создание нормативной комиссии по редактированию и разработки нормативно-правовых документов университета;

- разработка новой редакции Устава Донецкого национального университета;

- разработка Программы развития Донецкого национального университета на 2016–2020 годы;

- разработка новой редакции Коллективного договора;

- разработка новой редакции Правил внутреннего трудового распорядка;

- введение в действие на факультетах, кафедрах и других структурных подразделениях системы личного планирования и отчетности: ежемесячных индивидуальных планов работы сотрудников университета;

- организация ежегодных рейтингов по категориям сотрудников с соответствующим поощрением победителей;

- внедрение в образовательный и исследовательский процесс обучения студентов проектно-командный метод взаимодействия между обучающимися и наставниками, а также проведение периодических соревнований между командами по защите результатов проектов;

- привлечение и содействие участию студентов и сотрудников университета в университетских, республиканских и международных мероприятиях, соревнованиях, фестивалях и т.п.;

- развитие организационные и технические возможности улучшения здоровья и совершенствования физического потенциала студентов и сотрудников

университета путем активного занятия спортом и участия в спортивных соревнованиях различного уровня.

7. Формирование научно-исследовательского, технологического и инновационного кластера вокруг университета, обеспечивающего международный уровень образования, исследований и разработок по решению актуальных проблем развития региона:

- интеграция с академическими и отраслевыми научно-исследовательскими институтами путем создания совместных кафедр в институтах и совместных научных лабораторий в университете;

- активизация работы по регистрации научных журналов и сборников научных трудов университета в Министерстве информации ДНР, а также по включению зарегистрированных периодических изданий университета в перечень рецензируемых научных изданий ВАК ДНР и РИНЦ;

- подготовка и публикация результатов научных исследований в университетских журналах и сборниках, а также в иностранных изданиях, входящих в число реферируемых изданий (РИНЦ, Scopus, Web of Science);

- расширение взаимодействия с предприятиями, организациями и учреждениями региона посредством заключения договоров о сотрудничестве и контрактов на НИР;

- закрепление партнерства с республиканскими и местными органами власти путем заключения договоров о партнерстве и контрактов на НИР;

- возобновление и развитие сотрудничества с зарубежными научными, образовательными и предпринимательскими организациями, а также благотворительными и венчурными фондами, через заключение соглашений о сотрудничестве с организациями и фондами Российской Федерации, других стран СНГ и мира.

8. Развитие инфраструктуры регионального кластера университета и формирование продуктивной образовательной, научно-исследовательской и инновационной системы университета с учетом интересов стратегических партнеров из других предприятий, организаций и учреждений:

- подготовка, согласование и заключение меморандума о создании кластера между университетом, научными учреждениями, предприятиями и организациями;

- создание научного парка университета и сети малых инновационных предприятий;

- создание центра трансфера технологий и инноваций и установление деловые контакты с аналогичными центрами в Российской Федерации и других странах СНГ;

- создание центра коллективного пользования научным оборудованием и установление деловые контакты с подобными центрами в Российской Федерации и других странах СНГ;

- создание студенческого конструкторского бюро;

- создание студенческого инновационного бизнес-инкубатора.

9. Повышение эффективности управления университетом и формирование результативной организационной структуры:

- создание Попечительского совета университета;
- создание Наблюдательного совета университета;
- формирование на базе факультетов научно-образовательных центров (НОЦ) естественных, гуманитарных и экономико-юридических наук (разработать новую редакцию Положения о НОЦ естественных наук в 2016 г., Положение о НОЦ гуманитарных наук – 2017 г., Положение о НОЦ экономико-юридических наук – 2018 г.);
- внедрение компьютерно-информационной системы менеджмента университета (кадры, бюджет, научно-образовательный процесс и т.п.);
- организация и проведение внутриуниверситетских курсов повышения квалификации для руководящих работников по вопросам управления персоналом, проектного менеджмента, управления качеством и т.п. (разработать программу 24-х часовых курсов в 2016 году, состав слушателей: деканы и зам. деканы (2016), зав. кафедрами (2017), профессора (2018), доценты (2019), др. сотрудники (2020));
- развитие системы студенческого самоуправления и самоконтроля для привлечения студентов к управлению университетом;
- содействие в учреждении Ассоциации выпускников университета.

10. Поддержка и развитие финансово-экономической автономности и устойчивости университета:

- формирование прозрачной и открытой системы распределения бюджетных средств общего фонда, контроля их расходов и отчетности (разработать Положение о системе, принципах и правилах распределения бюджетных средств);
- организация системы учета доходов и расходов внебюджетных средств специального фонда, которые поступают за оказание образовательных услуг и выполнение хозяйственных договоров и контрактов (разработать Положение о системе, принципах и правилах распределения внебюджетных средств);
- привлечение спонсорской помощи и благотворительных взносов на реализацию проектов развития университета (разработать Положение о системе, принципах и правилах привлечения и распределения благотворительных средств);
- разработка и реализация Программы развития материально-технической базы университета (строительства и ремонта помещений, закупки и эксплуатации компьютерной и офисной техники, приобретения и установки научного оборудования и т.п.).

11. Осуществление систематического мониторинга показателей деятельности университета и оперативной корректировки принятых решений в связи с объективными изменениями внешней и внутренней среды функционирования университета:

- создание системы оперативной отчетности образовательных и научных подразделений университета через локальную сеть университета;
- организация системы ежеквартального мониторинга показателей деятельности образовательных и научных подразделений университета (показатели кадрового состава, результаты образовательной и научной деятельности, финансовые данные и т.п.);
- формирование квартальных, полугодовых и годовых отчетов университета с применением средств инфографики (таблицы, графики, диаграммы и т.п.);
- представление годовых отчетов университета широкой публике и размещение их на официальном веб-сайте университета в сети Интернет с открытым доступом;
- построение системы самообследования деятельности университета (разработать Положение о самообследовании деятельности университета с указанием критериев, показателей, результатов и т.п.);
- создание системы менеджмента качества университета и подготовка документации для проверки и признания соответствия требованиям стандарта ISO 9001:2008 в отношении проектирования, разработки и осуществления образовательной деятельности в области среднего, дополнительного профессионального и высшего образования в соответствии с областью лицензирования и государственной аккредитацией, а также научно-исследовательской и инновационной деятельности.

12. Творческое развитие и приумножение лучших культурных и этнических традиций и ценностей многонационального населения Донбасса:

- разработка и реализация Комплексной междисциплинарной программы возрождения и развития русских гуманитарных традиций в научной, образовательной и воспитательной деятельности университета;
- выполнение Междисциплинарного проекта «Культура народов Донбасса»;
- разработка и реализация Проекта молодежной политики университета и Концепции патриотического воспитания молодежи университета;
- создание центра современного искусства в университете;
- создание и развитие Регионального отделения Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры на базе университета;
- создание и развитие Донецкого культурно-просветительского центра «Русский край» в университете при поддержке Фонда «Русский мир»;
- организация международных конференций, семинаров, круглых столов с участием представителей академических, образовательных и творческих сообществ Российской Федерации и других стран СНГ и мира;
- разработка системы поддержки участия сотрудников университета и студентов, аспирантов и докторантов в научных, образовательных и культурных

мероприятиях, которые проводятся в Российской Федерации и других странах СНГ и мира.

Ожидаемые результаты реализации концепции

Развитие университета будет являться цивилизационным ответом на актуальные социально-экономические и общественно-политические вызовы, возникшие перед ДНР, требующие консолидации интеллектуальных и материальных ресурсов для решения задач сбалансированного развития ДНР. От реализации данной концепции развития университета ожидаются следующие результаты в основных сферах деятельности университета.

Ожидаемые результаты образовательной деятельности:

- модернизация образовательной деятельности университета создаст предпосылки для качественного изменения содержания и направленности естественнонаучного, гуманитарного, экономического, юридического и педагогического образования, активного вовлечения молодых специалистов в реализацию результатов фундаментальных и прикладных исследований, инновационных разработок, что позволит решить ряд актуальных проблем для Донбасса.

- концентрация внимания на подготовке современных и эффективных управленцев-менеджеров как для системы государственной службы, так и для различных предприятий и предпринимательских структур, позволит оперативно провести инфраструктурные и социально-экономические реформы в регионе с учетом первоочередных потребностей населения;

- формирование активной гражданской позиции у обучающихся в университете, ориентированной на принципы исторической общности, патриотизма, обеспечения прав и свобод граждан, их интересов в условиях исторически сложившегося многообразия культур, взаимообогащения и межнационального согласия, обеспечит условия для сбалансированного развития Донбасса.

Ожидаемые результаты научной деятельности:

- на базе результатов научных исследований и технологических разработок университета будет осуществляться технологическая модернизация (в том числе, импортозамещение) промышленного, энергетического и агропромышленного секторов региона, а также ассортиментное обновление в сфере предоставления услуг, что обеспечит экологически чистое и ресурсосберегающее социально-экономическое развитие Донбасса;

- разработанные в университете методы мониторинга состояния окружающей среды, способы предотвращения и ликвидации ее загрязнений, методики и технологии переработки и утилизации промышленных и бытовых отходов будет иметь ключевое значение для восстановления эко- и техносфер Донбасса;

- комплексные исследования университета в области информационно-телекоммуникационных, био-, нано- и бионанотехнологий позволят сформировать современный технологический кластер и обеспечить рост

новых секторов экономики, что необходимо для развития в ДНР эффективной индустрии, способной конкурировать с передовыми зарубежными производителями товаров и услуг;

- новые парадигмы и подходы, которые будут разработаны в университете, к решению экономических и правовых проблем внутреннего и внешнего взаимодействия общества, государства и мирового сообщества позволят преодолеть экономическую и политическую изоляцию ДНР, а также обеспечат устойчивый рост экономики и социальных стандартов качества жизни населения;

- достигнутые результаты гуманитарных исследований университета обеспечат сохранение и популяризацию истории и культуры всех народов Донбасса, в том числе развитие международных, межнациональных и интернациональных связей на принципах дружественных, добрососедских и толерантных взаимоотношений.

Ожидаемые результаты инновационной деятельности:

- формирование инновационной инфраструктуры университета позволит сотрудникам и студентам стать ближе к проблемам реального сектора экономики и к насущным социальным потребностям населения;

- созданный региональный научно-образовательный и инновационный кластер обеспечит открытый доступ к достижениям университета для предприятий, учреждений и организаций Донбасса;

- университет станет центром превосходства в региональной инновационной системе и войдет в международные инновационные сети.

УДК 811.161.1

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ АББРОКОНСТРУКТОРА *БРОНЕ*

Бондарчук Т.А.

Донецкий государственный институт городского хозяйства
tanya04bond@gmail.com

Целью данной статьи является: дать описание абброконструктора *бронь*; систему возможных текстовых эквивалентов сложносокращенных словосочетаний (ССС); попытаться описать деривационную историю СССР для Толково-словообразовательного словаря сложносокращенных слов русского языка (автор – Теркулов В.И.) на примере СССР *бронепробиваемость*.

Традиционно считается, что «любое сокращение выступает сначала как вариант уже существующего слова (имеются в виду простые аббревиатуры типа *орг, мед, зав*) или словосочетания» [Ярмашевич М. А., с. 8]. Такая интерпретация «деривационной истории» СССР смешивает две различные по своей природе ситуации генерирования слова и словосочетания. Несомненно, только то, что СССР обычно соответствует одно или несколько эквивалентных словосочетаний, то есть словосочетаний, имеющих тождественное с СССР значение и находящихся с ним в отношениях свободной дистрибуции. Но факт существования подобных словосочетаний не может являться показателем направления деривационной связи. Он свидетельствует только о том, что СССР и эквивалентное словосочетание деривационно взаимосвязаны и могут свободно взаимозаменяться в тексте как абсолютные синонимы / номинативные дубликаты. Но СССР может и не быть произведено от структурно и семантически эквивалентного словосочетания, может и не «выступать сначала как вариант» этого словосочетания. Наоборот, в ряде случаев такое словосочетание возникает в результате развертывания СССР, является не первичным, а вторичным знаком по отношению к нему [2]. Покажем обозначенное выше различие взаимоотношений между СССР и эквивалентным словосочетанием на примере СССР.

Бронепробиваемость – Пробиваемость брони

ССС *бронепробиваемость* и словосочетание *пробиваемость брони* имеют абсолютно идентичное значение «максимальная толщина пробития в миллиметрах бронебойными снарядами, использующими кумулятивный эффект или эффект ударного ядра однородной стальной преграды» и могут употребляться как синонимы или номинативные дубликаты в одном и том же тексте.

Такие же отношения могут отмечаться и у пар, в которых словосочетание появилось в результате развертывания СССР. Однако анализ пары *бронепробиваемость – пробиваемость брони* показывает, что в ней именно СССР возникает в результате универбализации (компрессии в слово) словосочетания *пробиваемость брони*, в котором атрибут брони «бронированной стали» при создании СССР сокращается до аббревиационного конструкта (АК – сокращенный компонент СССР) *бронь-*. Аргументом, подтверждающим возможность данной трактовки отношений между компонентами

рассматриваемой пары, конечно же, не будет тот факт, что словосочетание *пробиваемость брони* имеет положительный баланс индексов упоминаний (44,46) на google.com (баланс индекса упоминаний – частное от деления числа упоминаний в поисковой системе (корпусе) слова (делимое) на число упоминаний словосочетания (делитель), в нашем случае: (слово) 454280 / (словосочетание) 10217 = 44,46). И выступать свидетельством первичности словосочетания по отношению к слову вряд ли будет. Сокращение числа употреблений словосочетания после возникновения аббревиатуры, приводящее к формальному упрощению текстов, в которых данные единицы употребляются, привели к подобному дисбалансу индекса упоминаний. Впрочем, для пар «словосочетание – производенное от него ССС» подобная экономия усилий в написании с целью сжатия текста характерна. Для этого аббревиатуры и создаются. И, очевидно, процесс вытеснения ССС аббревиатурой уже на стадии завершения [1].

В докладе более подробно рассмотрены ССС абброконструктора *бронь*: «бронетехника – бронированная техника», «броневеомобиль – бронированный автомобиль», «бронетранспортер – бронированный транспорт» и т.д.

Таким образом, можем предположить, что ССС *бронепробиваемость* является вторичным эквивалентным знаком, возникшим в результате универбализации модификационного словосочетания *пробиваемость брони*.

В заключение приведу словарные статьи об этимологии и использовании рассмотренных слов.

Бронепробиваемость – пробиваемость брони

Этимология ССС. Необходимость оценки *бронепробиваемости* впервые возникла в эпоху возникновения морских броненосцев. Уже в середине 1860-х годов на Западе появляются первые исследования по оценке *бронепробиваемости* сначала круглых стальных ядер дульнозарядных артиллерийских орудий, а затем и стальных *бронепробиваемых* продолговатых снарядов нарезных артиллерийских орудий. К этому же времени развивается отдельный раздел баллистики, изучающей *бронепробиваемость* снарядов, и появляются первые эмпирические формулы расчётов *бронепробиваемости*. Между тем, различие методик испытаний, принятых в различных странах, привело к тому, что к 1930-м годам XX века накопились значительные расхождения по оценке *бронепробиваемости* (и соответственно *бронестойкости*) брони.

1. *Бронепробиваемость* – максимальная толщина пробития в миллиметрах бронепробиваемым калиберным или подкалиберным снарядами, или кумулятивными снарядами артиллерийскими или ракетными снарядами, или различными типами мин, авиационных бомб, и иных снарядов, использующих кумулятивный эффект или эффект ударного ядра (УЯ) однородной стальной преграды. *Толщина пробития брони* не имеет практического значения без сохранения снарядом остаточного заброневоего действия. После *пробития брони* в заброневое пространство по разным способам оценки *бронепробиваемости*, должны выйти целые снаряды, сердечники, ударные ядра, либо разрушенные фрагменты этих снарядов или сердечников, фрагменты кумулятивной струи или ударного ядра.

2. Рассчитать *бронепробиваемость* сплошного сердечника можно так:

$$\text{БП} = 4,5 * 10^{-11} * \text{НЧС}^2 * \text{ПЛТ} * \text{УДЛ},$$

где Нс – начальная скорость снаряда, м/с; ПЛТ – плотность сердечника, кг/м³; УДЛ – удлинение сердечника, мм (<http://monster-igstab.livejournal.com/112824.html>).

3. *Бронепробиваемость* – пробитие прочной защитной облицовки из специальных стальных плит на военных судах, танках и т.п. (<https://translate.google.com.ua>).

4. Способность снарядов проникать сквозь броню, называется *бронепробиваемостью* (http://vladfoto.narod.ru/_navy/THEORY/ARMOR/penet.htm).

5. *Бронебойный*, -ая, -ое. *Пробивающий броню*. *Бронебойный* снаряд. *Бронебойное* оружие (<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-2231.htm>).

6. В игре используется система расчёта *бронепробиваемости* СССР, которая гласит: считается, что снаряд *пробил броню*, если после пробития в заброневом объёме (т.е. за бронёй) оказалось более 75% его массы. Если мгновенная *бронепробиваемость* оказывается больше, чем приведённая толщина брони, то значит снаряд *пробил броню* (<http://www.gamer.ru/world-of-tanks/teoriya-probitiya-broni-v-igre>).

7. *Бронестойкость* – устойчивость броневой защиты к воздействию средств поражения заданного типа... (Постановление Правительства РФ от 10.09.2009 N 720 (ред. от 06.10.2011) Об утверждении технического регламента о безопасности колесных транспортных средств).

8. Индикатор *бронепробития* и направления орудия. В идеальных условиях (лист брони к орудию направлен без наклона) зелёный цвет индикатора означает, что вероятность *пробить броню* в этом месте наиболее высока; оранжевый – 50/50; красный – такая вероятность крайне низка либо пробитие невозможно.

1. Бондарчук Т.А. Гнезда эквивалентности сложносокращённых слов в аббревиационной группе с аббревиационным элементом (в публикации).
2. Теркулов В.И. Два типа трактовки эквивалентности «слово – словосочетание» в толково-словообразовательном словаре сложносокращённых слов русского языка (в публикации).
3. Ярмашевич М. А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ярмашевич Марина Аркадьевна. – Саратов, 2004. – 480 с.

УДК 81'1:811.161.1

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ АББРЕВИАЦИОННОЙ ГРУППЫ С КОМПОНЕНТОМ ЭКО-

Будник С.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
sve24733994@yandex.ru

Проблемам аббревиации посвящено множество работ, однако исследований, посвящённых анализу морфемного состава, а также установлению значений аббревиатур, насчитывается немного. Донецкая

лингвистическая школа занимается разработкой новых методов работы с аббревиационным материалом, что обусловлено активной работой над Толково-словообразовательного словаря сложносокращенных слов русского языка.

Целью данной работы является структурный анализ аббревиационного гнезда, содержащего компонент *эко* -.

Для достижения цели предусматривается решение следующих задач:

1. Установить типы абброконструкта *эко* в русском языке;
2. Дать толкование возможных значений абброэквивалента *эко*;
3. Дать толкование возможных значений абброморфемы *эко*.

Получив распространение в начале XX века, процесс аббревиации приобретает все более устойчивые позиции в словообразовании. Аббревиатура – слово, образовавшееся в результате универбализации путем замены компонента словосочетания его сокращенным дублетом – абброэквивалентом (*эко*клуб – экологический клуб). Однако следует заметить, что помимо ситуаций образования слова на базе словосочетания в языке отмечаются и ситуации образования единиц, подобных аббревиатурам, на базе слова путем присоединения к ним морфематизированных аббревиационных конструктов – абброморфем (*эко*антибиотики – экологические антибиотики). Данный процесс Донецкая лингвистическая школа предлагает именовать квазиаббревиацией. На основе квазиаббревиатур часто возникает псевдоунивербализации. Данное явление развивается по принципу аналогии, где производные словосочетания «были созданы только ради заполнения деривационной лакуны, предопределяемого действующим в русском языке корреляционным стереотипом «каждому сложносокращенному слову должно соответствовать эквивалентное словосочетание» [2].

Для различения аббревиатуры и квазиаббревиатуры применяются метод ономазиологического анализа в терминах ономазиологических структур/моделей и метод количественного анализа, который заключается в сопоставлении суммарного количества случаев использования аббревиатуры и эквивалентного словосочетания. Например, в поисковой системе Google насчитывается 28717 случаев употребления сложносокращенного слова *экокатастрофа* и 1972000 – словосочетания *экологическая катастрофа* (частное от деления количества употребления ССС на количество употреблений словосочетания составляет 0,0145 %), что говорит о происхождении слова на базе словосочетания, а не наоборот, т.к. вторичное словосочетание вследствие искусственного происхождения определенно не может употребляться чаще слова.

В аббревиационной группе, содержащей компонент *эко*-, наблюдается приблизительно равное количество сопоставляемых единиц: 28 квазиаббревиатур и 27 аббревиатур. Большое количество сложносокращенных слов в группе объясняется влиянием экстралингвистического фактора: языку сложно игнорировать современный тренд на экологически *чистую* продукцию. В самом сочетании слов *экологически чистый* наблюдаем существование дополнительного релятора (чистый). На наш взгляд, именно данный экстралингвистический фактор повлиял на появление в языке таких единиц, как *экодизайн*, *экодом*, *экокожа*, *экосумка* и мн.др. Для привлечения потребителей – приверженцев защиты окружающей среды и “зеленого” стиля – были созданы такие лексические единицы, как *экокожа*, *эконубук*, *экозамша*, *экошпон*,

экочеловечек, экогоришочек. Прибавляя компонент *эко-* к номинатам со значением материала, из которого получают изделия, адресант указывает на его искусственность (новое со-значение слова *экологический* – «искусственный»). При этом часто сложносокращенные слова с элементом *эко* заменяют уже существовавшие наименования для искусственных материалов, тем самым переводя номинацию на новый уровень трактовки объекта: от «искусственный» к «искусственный + экологически чистый / экологически значимый». Так, например, номината *экокожа* имеет синонимы *кожзаменитель* и *дерматин*. Реализация данного семантического переноса отмечается и у остальных перечисленных выше номинат. Можно сказать, что названия материалов с АК *эко-* являются часто семантически обманчивыми: например, *экошпон* (материал, имитирующий древесину), с одной стороны, имеет экологически обоснованное значение: не предполагает вырубку леса, а значит, не является причиной потенциальной экологической катастрофы, одно из звеньев которой – уничтожение растительного мира, но с другой стороны, логически противоречит значению исследуемого АК: пластик вредит окружающей среде, являясь синтетическим изделием, требующим длительного процесса распада.

Компонент *эко-* представляет собой усеченную форму прилагательного *экологический*, которое обладает значением “связанный с экологией; свойственный экологии, характерный для нее” [1], и в квазиаббревиатурах получает статус морфемы, или абброморфемы, поскольку в нем не отражается конкретная семантика прилагательного *экологический*, а реализуется обобщенная семантика морфемного типа «связанный с чем-то, имеющим отношение к экологии». Например, *экоантибиотики* – это антибиотики, которые сохраняют кишечный микробиоценоз, а не «антибиотики, связанные с экологией».

Таким образом, в аббревиационной группе с конструктором *эко-* выделяем гнезда абброэквивалентов и абброморфем. Абброморфемы составляют большую часть АГ *эко-*, причиной чему являются экстралингвистические факторы.

1. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
2. Климович С.М. Структурно-семантичні типи аброутворень в українській мові: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. – Херсон, 2008. – 224 с.

УДК 376.68 – 056.87

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПРОПОВЕДЬ (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ СТАЖЕРАМ-ТЕОЛОГАМ)

Волчкова М.К.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
e.grechina@donnu.ru

Последние два десятилетия в системе государственного академического и частного духовного образования отмечается увеличение контингента иностранных слушателей (преимущественно англоговорящих стажеров из США, Австралии, Канады), уже имеющих базовое богословское образование,

изучающих русский язык как средство общения в русскоязычной церковной среде. Профессиональное служение церкви – процесс во всех смыслах лингвоёмкий, предполагающий высокий уровень практического владения устной и письменной речью, глубокое знание стилистики, в том числе структурных и речевых особенностей религиозных жанров.

Опираясь на многолетний опыт работы со стажерами-теологами, преподаватели РКИ отмечают недостаточную оснащенность учебного процесса по аспекту «Русский язык для теологов» соответствующими средствами обучения. Каталоги крупнейших издательств, специализирующихся на выпуске литературы по РКИ («Русский язык. Курсы», «Златоуст», «Флинта», ЦМО МГУ), предлагают единичные издания по данному направлению. Дефицит учебных материалов послужил толчком к созданию на кафедре лингводидактики ДонНУ профессионально-ориентированного спецкурса «Русскоязычная проповедь», предназначенного для иностранных стажеров богословских специальностей, владеющих русским языком на уровне В1-В2.

Среди многообразия речевых жанров церковной коммуникации фундаментальным является проповедь, в которой реализуются просветительские и дидактические задачи пастырского слова.

Спецкурс «Русскоязычная проповедь» раскрывает языковой, функционально-стилистический, лингвокультурный аспекты проповеднического жанра как разновидности публичного выступления.

Цель спецкурса – достижение коммуникативной компетенции в церковно-религиозном дискурсе, развитие речевых навыков и умений, необходимых для самостоятельного продуцирования текстов жанра проповеди.

Спецкурс организован по тематическому принципу и состоит из восьми уроков, в каждом из которых учебный материал объединен духовной тематикой, куда входят «Воскресные проповеди по Евангельским чтениям», «Рождественский цикл», «Пасхальный цикл». Такая организация материала обеспечивает лучшее запоминание тематической лексики и фразеологии, дает возможность наблюдать внутрисистемные лексические связи.

Лингвистическое наполнение спецкурса соотносится с логикой построения функциональной стилистики; в данном случае изучаются экстралингвистические параметры и языковые особенности религиозного стиля. Так, при рассмотрении лексического массива проповедей особое внимание уделяется архаической и церковнославянской лексике и фразеологии Священного Писания (*врата* Великого Поста, *агнец* Божий), богословской догматической терминологии (*подвижник*, *мученик*, *празднество*, *литургия*, *Рождество*, *воскресение*, *преображение*), книжной лексике (*благодатный*, *тищетный*, *дивный*, *бескорыстный*, *непосильный*, *высший*, *духовный*; *воспрянуть*, *стремиться*, *творить*, *возводить*, *создавать*; *воистину*, *поистине*, *чрезвычайно*, *сколь*).

Морфологическая и синтаксическая специфика языка проповеди выражается в употреблении субстантивированных частей речи ("Истинно, истинно говорю вам, кто напоит *одного из малых сих* только чашей холодной воды во имя ученика, не потеряет награды своей" (Мф. 10:42); *не знающие Господа*; благословен *грядущий*), архаичного глагольного управления (человек пугается *этими мыслями*), императивных конструкций («Дивный путь "малых дел", пою тебе гимн! *Окружайте*, люди, себя, *опоясывайтесь* малыми делами

добра — цепью малых, простых, легких, ничего вам не стоящих добрых чувств, мыслей, слов и дел. *Оставим большое и трудное...*» арх. Иоанн Крестьянкин), простых предложений, осложнённых причастными и деепричастными оборотами («Маленькое зло, *попавшее, как соринка, в глаз души*, сейчас же выводит человека из строя жизни.» арх. Иоанн Крестьянкин), однородных членов предложения («Стоит лишь *обратить* внимание на мелочи, на пустяки и *стараться* не согрешить в самых *маленьких и легких* делах.» арх. Иоанн Крестьянкин), инверсии в расположении второстепенных членов предложения (исполнять *волю Божию* очень трудно, *молился усердно*; «Поступки нужны для доброго привития к человеку *жизни высшей, психологии небесной, воли светлой, желания доброго, сердца справедливого и чистого, любви нелицемерной*» арх. Иоанн Крестьянкин) и др.

Большое внимание уделяется композиционным особенностям жанра проповеди, средствам связи предложений внутри текста, способам введения основной и иллюстративной информации.

Текстовый материал, представленный неадаптированными фрагментами из проповедей архимандрита Иоанна Крестьянкина, архимандрита Кирилла (Павлова), священника Николая Булгакова, митрополита Сурожского Антония, отражает особенности современной русской духовной речи. Тексты проповедей служат вдохновляющим примером и отправной точкой для творческой работы учащихся.

УДК 81'42

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Гладкая Н.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Nata.gladkaya25@yandex.ru

Интернет в современном обществе играет значимую роль. Люди все больше времени проводят, сидя перед компьютерами и общаясь в чатах или при помощи социальных сетей. Интернет превратился в уникальную информационно-коммуникативную среду, которая предоставляет неограниченные возможности своим пользователям, создавая уникальную виртуальную действительность. Но, с другой стороны, интернет-общение создает ряд существенных препятствий нормальному общению. Полное отсутствие мимики и модуляций голоса явно уменьшает содержание сообщения. Интернет-общение привело к нейтрализации оппозиции устной и письменной речи, тем не менее, в последнее десятилетие исследователи отмечают возросший интерес к невербальным средствам, сопровождающим письменную речь. В большинстве своем, это касается средств визуальной информации. Можно отметить, что использование изображений в сфере речевой коммуникации отвечает потребностям современного общества. Учитывая тот факт, что любой монолог по своей природе диалогичен, следовательно, реакция адресата является неотъемлемой частью вербального или невербального общения.

«Создавая или воспринимая высказывание в процессе коммуникации, каждый человек, прежде всего, опирается на свой опыт и знания о мире, соотнося сказанное с действительностью и производя мыслительные операции по выявлению смысловых ядер текста» [2]. Многие ученые отмечают, что одной из основных форм коммуникации в сети является игра. Именно игровой компонент в общении и нестандартное использование речевых норм «реализуется в виде установки на достижение комического эффекта» [3].

Важным условием успешного общения является умение адресата понять интенцию говорящего, проникнуть в самую суть высказывания. Современная реальность представляет собой синтез объективной реальности, картины мира, личной и социальной жизни с медиапространством. Поэтому, проблема понимания и восприятия в современном обществе у представителей различных лингвокультур является крайне актуальной. Доминирование в современном интернет-пространстве визуальных образов можно считать попыткой преодоления речевых барьеров, это определяет актуальность нашего исследования. Интернет-коммуникация не просто дополняет вербальное сообщение визуальными образами, а направляет восприятие в соответствии с требованиями и веяниями массовой культуры, «что приводит к преобладанию у воспринимающего субъекта более примитивного конкретного мышления» [1]. Поэтому, активное использование креолизованных текстов в социальных сетях представляется наиболее эффективным средством преодоления языкового барьера и создания новой медиареальности. Интернет представляет собой идеальную среду для создания и развития смеховой стихии. Поэтому, вопрос о том, почему одному человеку что-то кажется смешным, а другой остается к этому равнодушным представляется наиболее сложным и в то же время интересными и актуальным. Для восприятия креолизованных текстов адресат должен обладать не только чувством юмора, но и уметь извлекать из комического текста «элементы имплицитного смысла высказывания, которые непосредственно, очевидным образом в смысл предложения не входят, но выводятся слушающим в речевом акте». В комическом тексте имплицатуры создают «эффект обманутого ожидания». Жанр демотиватора, как один из наиболее распротраненных жанров креолизованных текстов, по своей природе ориентирован на смысловую неоднозначность.

Для лингвистического подхода следует выделить сигналы юмористического в тексте, которые в зависимости от национально-специфических и индивидуальных особенностей адресата могут быть им опознаны и идентифицированы. В данном аспекте теория М. Минского о механизме порождения юмористического эффекта в отношении к фреймовой теории крайне важна и имеет большую «объяснительную силу для изучения механизмов становления юмора на основе лингвокогнитивного подхода». При создании юмористического фрейма используются две структуры: исходный фрейм (информация, появляющаяся в сознании первой) и юмористический фрейм (фрейм, заменяющий исходный). «Юмористический фрейм – это в большей или в меньшей мере видоизмененный ИФ». Юмористические фреймы могут ассоциироваться с определенными сценариями. Сценарии представляют собой не только «зрительные, но и иные виды внутренних мысленных образов: межличностные процессы общения, стандартные сценарии поведения,

предписываемые культурной, институциональные структуры» [2]. Визуальный компонент активизирует в сознании реципиента определенные стереотипные образы, характерные для представителей различных лингвокультур. На рис. 1 совмещаются два фрейма-сценария: правильное питание (стакан сока) и плотный калорийный ужин. Визуальный компонент активизирует в сознании реципиента определенные стереотипные образы, характерные для представителей различных лингвокультур.

Рис. 1

Вербальный компонент демотиватора имеет определенное значение, но не обладает смысловой самостоятельностью вне соотнесения с изображением. Поэтому, вербальная составляющая демотиватора ориентирована на изображение и становится понятной при установлении семантической связи с иконической частью и без нее теряет смысловую завершенность. Возможность достижения желаемого комического эффекта в демотиваторе зависит от включенности адресата в определенный культурный контекст и требует от реципиента фоновых знаний.

Таким образом, мы пришли к выводу, что креолизованные тексты занимают одно из главенствующих мест в интернет-коммуникации, а теория фреймов представляется наиболее продуктивной для реализации вывода в креолизованном тексте. Любое высказывание интерпретируется участником коммуникационного акта, поэтому конечный смысл высказывания в значительной степени зависит от этой интерпретации. Вопрос баланса между вербальной и иконической составляющей остается открытым, и это обеспечивает целесообразность дальнейшего исследования данной темы.

1. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Красноярский гос. ун-т; под ред. А.П.Сковородникова. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104-110.
2. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1998. – С. 52–92.
3. Щурина Ю.В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Вестник Новгородского государственного университета. – № 57. – 2010. – С. 82-86.

УДК 811'44: 82-31

РОЛЬ ЭПИТЕТОВ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Горбунова Ю.С., Захарова Т.Ю.

ИФЖиММК ЮФУ
julialychkina@yandex.ru

Художественные и стилистические приемы, используемые автором, зависят всегда от темы. Писатель изображает жизнь в соответствии с объективной реальностью, и в центре внимания находятся не просто факты, события, люди

и вещи, а те закономерности, которые действуют в жизни, взаимоотношения человека и среды, героя и времени, в котором он живет. Рассказ о Понтии Пилате занимает часть произведения и представляет одну из основных сюжетных линий в романе «Мастер и Маргарита». М. Булгаков посвятил много времени изучению теологии и богословия, чтобы написать данный отрывок, он не пересказывает, а переосмысляет евангельский сюжет. Иешуа (Иисус) у него не сын божий, а человек, олицетворяющий собой добро и справедливость. Но, как Иисус, он обречен на муки. Писатель хотел выяснить, что лежит в основе человеческого поведения? Стечение обстоятельств или ряд случайностей, предопределение или следование каким-то нравственным идеалам? Ответы на эти вопросы автор ищет в главах, посвященных Иешуа и Понтию Пилату.

Эпитеты служат выражением мысли и видения писателя в конкретном случае употребления, эпитеты помогают нам лучше увидеть полную картину того, что хотел передать нам автор. Эпитет – слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее свойство предмета или обновляющее его нарицательное значение, выполняющее в первую очередь эстетическую и усиительно-выразительные функции; другими словами, образная характеристика какого-либо лица, явления или предмета посредством выразительного метафорического прилагательного [1, 458].

Эпитеты раскрывают перед нами совсем другую картину: они добавляют совершенно новые детали, которые непосильны обычному повествованию. Текст, лишенный экспрессии, теряет свою выразительность, а без выразительности он представляет собой обычную констатацию фактов и совсем другой стиль речи. Попробуем интерпретировать эпитеты, связанные с личностью Понтия Пилата.

Действие ершалаимских сцен о Понтии Пилате происходит в течение одного дня. С самого начала рассказа нам было известно лишь то, что Понтий Пилат является прокуратором Иудеи, но ничего о его прошлом и его характере мы не знаем, автор не описывает его личность, а позволяет нам самостоятельно разобраться в его характеристике.

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца ирода великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат» – именно так начитается вторая глава романа. Если брать во внимание только лишь лексическую повествовательную сторону содержания, мы можем сказать, что прокуратор Иудеи в плаще красного оттенка вышел в крытую колоннаду, еле передвигая ноги. Но с другой стороны, если рассмотреть эпитеты в семантическом контексте, то мы видим совсем другую картину. Эпитет **«кровавый»** свидетельствует о том, что этот человек запятнал себя убийствами многих людей и является достаточно жестоким, а его походка – *«шаркающая»* – говорит о том, что он настолько устал, что даже передвигаться для него стало непосильным трудом. Далее мы сможем увидеть, что и голос прокуратора **«тусклый»** и **«больной»**, что также помогает дополнить характеристику персонажа.

Далее из рассказа мы узнаем, что прокуратор ненавидел этот город и что у него была постоянная головная боль от запаха розового масла. Эпитет **«проклятая розовая струя»** усиливает значение запаха для прокуратора, далее *«... примешивался все тот же жирный розовый дух»*, эпитеты говорят о том,

что ненавистный запах был везде, куда бы он ни шел, где бы ни находился. И все было для него *«тошной»* мукой. М. Булгаков приводит скрытое сравнение этой боли с мучениями в аду с помощью эпитетов *«...боялся качнуть пылающей адской болью головой»*, вокруг была *«дьявольская жара»*, *«безжалостное солнце»*, *«кипящие облака»* и *«черное небо»*. Трактование евангельского текста Булгаковым не содержит прямого указания на «Рай – Ад» или «Бог – Дьявол», но благодаря эпитетам мы видим, что весь мир, окружающий Понтия Пилата, был иносказанием ада. Люди были *«с горящими глазами»*, и даже сам прокуратор был *«с бешеным взором»* и *«горячечными мыслями»*, что подчеркивает трагизм происходящих событий. Но когда появляется Иешуа, все меняется, если вспомнить, то у прокуратора прошла головная боль, когда подсудимый предстал перед Понтием Пилатом. Иешуа Га-Ноцри был способом исцеления прокуратора, но ему нужно было сделать выбор. Нравственный выбор Понтия Пилата – это билет из одного мира в другой.

Можно сделать предположение, что в данном рассказе ад был на земле, и прокуратору необходимо было совершить нравственный выбор. Мы не знаем, что могло бы случиться, если бы Понтий Пилат не струсил и помиловал Иешуа. Но прокуратор прошел через целые испытания своей совестью во имя искупления своего греха, *«одним из самых главных грехов он считает трусость»*. Иешуа Га-Ноцри противопоставлен тому аду, в котором он оказался, ему было не место в этом мире, он познал истину, именно поэтому он был распят, как и Иисус, сын божий, в евангельских текстах. В конце рассказа Понтий Пилат был измучен: голос его был *«треснувшим»*, головная боль все также *«адской»*, воспоминания были *«тупыми»* и *«ноющими»*, свет был *«беспокойным»* в такт его личному беспокойству, голос затем становится *«больным»*, а глаза – *«жадными»*. В конце своего пути он наконец познает истину и становится достойным следовать за Иешуа. Окончание рассказа было следующим: *«Луна быстро выцветала, на другом краю неба было видно беловатое пятнышко утренней звезды. Светильники давным-давно погасли. На ложе лежал прокуратор. Подложив руку под щеку, он спал и дышал беззвучно. Рядом с ним спал Банга. Так встретил рассвет пятнадцатого нисана пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат»*. В данном отрывке эпитеты свидетельствуют о том, что мучения для Понтия Пилата кончились, мы не можем сказать, что случилось потом, отошел ли он в мир иной к Иешуа или просто обрел покой.

Представленные в анализе личности Понтия Пилата эпитеты не были единственными эпитетами, участвующими в построении образности текста. Эпитеты в романе «Мастер и Маргарита» относятся к описанию других героев, внешнего мира и окружающей обстановки, что помогает нам представить исчерпывающую картину мира, задуманную автором.

Таким образом, проведя частичный анализ эпитетов в романе М.А.Булгакова, мы можем с уверенностью говорить о важности функционирования эпитета в тексте, но интерпретация этого стилистического средства не может быть однозначной, в силу субъективности, что и является самой большой проблемой в анализе. Тем не менее, эпитеты – неотъемлемая часть нашей речи, которая помогает нам в выражении наших мыслей и чувств, а также в восприятии художественного текста. Эпитет – путеводитель в мире литературы.

СПЕЦИФИКА САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ «ВОДИТЕЛЬ»

Дмитриева О.А., Миронова О.С.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
dmoa@mail.ru

За последние десятилетия лингвистика, взяв курс на антропоцентризм, все более активно вовлекает в качестве объекта изучения различные сферы проявления человека в языке. Самопрезентация – явление, свойственное языковой личности и обусловлена, скорее, экстралингвистическими факторами – психологическими и социальными, что объясняет активный исследовательский интерес и психологов, и социологов. В лингвистике термин «самопрезентация» используется в двух значениях: первое значение более узкое, конкретное и буквальное, а второе – более широкое: «1) представление, т. е. называние своего имени (только имени; имени-отчества; имени и фамилии; только фамилии; имени, отчества и фамилии) и должности, социального статуса, роли при знакомстве или в ситуации приветствия с малознакомым человеком; 2) коммуникативная (в том числе вербальная) стратегия управления впечатлением о говорящем у адресата» [Лаппо, с.74]. В нашем случае самопрезентация представляется и в качестве стратегии, и в качестве представления, но сохраняющего анонимный характер.

Изменение образа жизни человека, развитие научно-технического прогресса, следовательно, и расширение сфер взаимодействия, в рамках которых осуществляется коммуникация, привели к появлению новых способов самопрезентации. В данной статье рассматриваются способы самопрезентации автовладельцев и классификация инскрипций (знаков и надписей) на частных автомобилях.

Согласно А.В. Оляничу, автомобильная коммуникация принципиально состоит из двух типов текстов, порождаемых автомобильным дискурсом – текстов карнавально-рекреативного и профессионального характера. «Автодорожная магистраль в России - это зона риска для жизни, социальных коллизий и конфликтов как с властью в лице дорожной полиции, с криминалом, так и между самими участниками дорожного движения» [Олянич, с. 154]. Кроме того, автомобильная коммуникация характеризуется дистантностью и анонимностью, именно эти свойства определяют специфику самопрезентации водителей автотранспорта.

Мы предлагаем классифицировать инскрипции на автомобилях по принципу институциональность/персональность. К институциональным относятся надписи, оформленные по ГОСТу и размещенные согласно законодательству (Правилам дорожного движения), к персональным - те надписи, которые самостоятельно размещают на своем автомобиле владельцы, при этом отмечается разнообразие заложенных в них интенций. Существует целая индустрия по производству и изготовлению на заказ различного рода инскрипций для автомобилей как институционального, так и персонального характера.

Все инскрипции, размещенные на автомобиле определяются степенью жесткости прескриптивов: жесткие и средние прескриптивы отражены в

Правилах дорожного движения РФ, нейтральные – персональные, наличие и выбор которых наиболее ярко характеризуют языковую личность «водитель». Перейдем к рассмотрению.

Инскрипции, обусловленные жесткими прескриптивами. В разделе «Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения» ПДД РФ на транспортных средствах должны быть установлены опознавательные знаки: «Автопоезд», «Шипы», «Перевозка детей», «Глухой водитель», «Учебное транспортное средство», «Ограничение скорости», «Крупногабаритный груз», «Тихоходное транспортное средство», «Опасный груз», «Длинномерное транспортное средство», «Начинающий водитель». Речь идет о знаках, позволяющих считывать информацию за короткое время, что объясняется спецификой взаимодействия водителей на дороге.

Инскрипции, обусловленные средними прескриптивами, размещаются по желанию, но упоминаются в ПДД РФ и оформляются согласно ГОСТу: знак «Врач» – в виде квадрата синего цвета с вписанным белым кругом, на который нанесен красный крест и знак «Инвалид» – в виде квадрата желтого цвета со стороной и изображением символа дорожного знака.

Из всех перечисленных институциональных знаков, наибольшей карнавализации подвергся знак «Начинающий водитель». Согласно ГОСТу, данный знак представляет собой квадрат желтого цвета (сторона 150 мм) с изображением восклицательного знака черного цвета высотой 110 мм – сзади механических транспортных средств (за исключением тракторов, самоходных машин и мотоциклов), управляемых водителями, имеющими право на управление указанными транспортными средствами менее 2 лет. Как правило, автомобилисты негативно относятся к новичкам на дороге, из-за нерешительности и неопытности, считая их частой причиной пробок и аварий на дороге. Использование начинающими водителями шуточных инскрипций, в виде надписи, где вместо восклицательного знака изображен чайник, говорит о стремлении смягчить негативное отношение. Выбор знака «чайник» связан со стереотипами и номинациями виртуальной коммуникации, в которой неопытных пользователей ПК называют «чайники». Мы отметили тенденцию обращения неопытных водителей к прецедентности: использование портрета персонажа из передачи «Наша Russia» Бородача, который по сюжету передачи является причиной разных проблемных ситуаций сам того не желая и цитации его крылатой фразы «Понять и простить!».

Существуют персональные инскрипции, маркированные гендерной спецификой. В современном коммуникативно-массовом сознании сложился стереотип, согласно которому женщины плохо водят автомобили, что отразилось в высказываниях «Женщина за рулем – это обезьяна с гранатой!», «Женщина за рулем – богиня! Пассажиры молятся, пешеходы крестятся...», «Женщина за рулем – что звезда в небе: ты ее видишь, а она тебя – нет», «Девушка за рулем, машина без водителя». Для минимизации негативной реакции со стороны водителей-мужчин, женщины-водители часто используют инскрипции шуточного характера: рисунок туфельки на высоком каблуке; надписи: «Блондинка за рулем», «Путаю педали», «Могу учудить». Интенция подобных инскрипций заключается в стремлении предупредить других

участников дорожного движения о неопытности водителя, соответственно, бессмысленности претензий к манере его вождения. Следует отметить, что подобная самоирония характерна только для женщин. Мужчинам не свойственно шутить над своим стилем вождения, поскольку в социуме аксиоматично представлен стереотип, согласно которому мужчины – хорошие водители, независимо от стажа за рулем.

Среди инскрипций – самопрезентаций, носящих персональный характер, по частотности мы выделили следующие:

1. Указания на увлечения, на предпочтения и хобби водителя. Например: инскрипции, указывающие на различные виды спорта (волейбол, футбол, баскетбол, бокс, единоборства), увлечения – охота (наклейка с изображением охотника), отношение к собакам (наклейка любимой породы собаки), танцы (с указанием жанра танца: балльные, хип-хоп, брейк данс, латинские), на любимую марку автомобиля («I'm Subarist», «Matis club»).

2. Демонстрация принадлежности к определенной социо-профессиональной группе, например, рисунок парашюта и надпись «Никто, кроме нас» свидетельствует о службе водителя в воздушно-десантных войсках.

3. Выражение благодарности, которое можно разделить на две группы социальные и личные.

К социальным относятся инскрипции, все более набирающие популярность: «Спасибо деду за победу!» «С Днем Победы!» и др. Мы предполагаем, что рекуррентность подобных инскрипций связана с последними политическими тенденциями, когда ряд лидеров западных стран принижают значимость победы советского народа над фашистскими захватчиками.

Личные надписи на автомобилях указывают на значимые события, произошедшие в жизни автовладельца. Как правило, это рождение ребенка: «Любимая спасибо за сына/дочь!». Инскрипция выполняется в традиционных для нашей культуры цветовых решениях: в голубом цвете в случае рождения мальчика, в розовом цвете, в случае рождения девочки.

4. Косвенное указание на материальное благосостояние. В данном случае мы наблюдаем инскрипции, указывающие на то, что машина получена в подарок: «Это подарок любимого мужа», «Это подарок от мужа за сына/дочку!», «Это как надо любить человека, чтобы подарить ему такую машину!».

5. Надписи, выражающие социальный протест автомобилистов, в том числе и против аварийного состояния дорог: «Волгоград – город плохих дорог», «Продаю квадратные колеса», «Я плачу налоги! Где мои дороги?», «Какой мэр, такие и дороги», «Какая жизнь — такая машина».

6. Шутки: надпись по всему левому борту ЗАЗ-369М: "Вы обгоняете автомобиль ЗАЗ-968М". На правом борту: "Вас обгоняет автомобиль ЗАЗ-968М"; на автомобиле марки «Orel», сзади, вместо штатной надписи фигурирует слово "OREL"

7. Информирование о событиях и планах: «Кто куда, а я – жениться!», «Ищу мужа», «У меня родился/родилась сын/дочь!», «Еду за дочкой!».

8. Презентация характера и стиля вождения: «Моя фамилия – Шумахер», «Ребенок за рулем», «Прошу не обгоняй – в машине теща», «Щас все брошу и перестроюсь в правый ряд», «Расступитесь, иду на посадку!».

9. Шутливое обыгрывание низкого социального статуса водителя, управляющего старым автомобилем. Особой популярностью пользуются надписи на автомобиле Ока: «Десять минут позора и на даче», «А я что, не человек?», «Ока ЖЕЕР», «Спасибо, что вы не смеетесь над моей машиной», «Я красный Ferrari». На капоте у Нивы зафиксирована надпись «LAND NIVER», на Запорожце надпись краской: «HUMMER».

Как показал анализ практического материала (было проанализировано 537 единиц), инскрипции представляют собой креолизированный текст, к лингвистическим характеристикам персональных инскрипций относятся активное использование эмоционально-оценочной лексики, разговорной лексики и сленга, завуалированная обценная лексика, фразеологизмы.

Резюмируем. Инскрипции, вербализующие самопрезентацию языковой личности «водитель», подразделяются на институциональные и персональные. Самопрезентация водителей определяется прескриптивами, среди которых мы выделили три уровня: жесткие, средние и нейтральные. Жесткие и средние прескриптивы отражены в законодательстве РФ, персональные, по сути, и являются непосредственно самопрезентацией, поскольку отражают ценностные приоритеты водителя, транслируемые им в рамках автомобильного дискурса.

1. Лаппо М.А. Самопрезентация и самоидентификация в различных типах дискурса // Вестник НГУ. Серия: Психология. – 2012. – Т. 6. Выпуск 2. – С. 72–76.
2. Олянич А.В. Автомобильный дискурс / Дискурс-Пи. – 2015. – Т.12. Вып. 2. – С. 153–155.

УДК 81-115

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ЯЗЫКА УЧЕБНОЙ ЛЕКЦИИ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Казанцева И.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
e.grechina@donnu.ru

Формирование навыков устной научной речи играет ведущую роль в процессе обучения иностранных учащихся русскому языку. Анализ учебных пособий показывает, что они, как правило, базируются на письменных источниках. Иностранные студенты, естественно, переносят особенности письменной речи на устные типы общения и в результате затрудняются в понимании преподавателя-предметника.

Проанализируем однородный по тематике материал учебных лекций и учебной литературы. Что представляет собой учебная лекция? Определим это понятие как разновидность монолога, построенного в рамках научного стиля, но функционирующего в устной форме. Сопоставление материала выявляет общие по языку и строю элементы, свойственные научному стилю: лексику (специальную и общенаучную), предложно-падежные сочетания, микротексты. Эта связь 2-х форм научной речи дает основание исходить из типовых письменных текстов, лингвистически моделирующих ту или иную ситуацию, с

которой студенты встречаются на практике. Ситуации определяют логику построения текста, его лексико-грамматический состав. В прямой зависимости от характера описания находится и языковой материал.

Для учебной лекции характерны более простые синтаксические построения за счет меньшего употребления причастных и деепричастных оборотов, придаточных предложений. Наоборот, резко возрастает количество риторических вопросов, вводных слов, обращений, повторов. Они служат, с одной стороны, свидетельством поисковой мыслительной деятельности лектора, с другой – они являются средством мобилизации внимания слушателей, создания контакта с аудиторией.

В учебной лекции обращают на себя внимание различного рода слова и выражения, свойственные устной разговорной речи («вот здесь», «значит», «получается» и т.п.). Встречается большое количество предложений с обратным порядком слов, с местоимением «это», с частицей «вот».

В устной речи по сравнению с письменной диалог и монолог не настолько четко противопоставлены. Различно само по себе и назначение учебных монолога и диалога в отличие от внеучебных. Так, например, учебный диалог заранее спланирован, подготовлен, рассчитан на достижение цели обучения. Назначение учебного диалога сказывается и на его структурных особенностях – количестве реплик, направлении развития движения и т.п.

Следует заметить, что устная речь более диалогична по своей природе. Это проявляется и в учебных лекциях, где встречается большое количество диалогических вкраплений, преследующих цель мобилизовать внимание слушателей.

В учебных лекциях проявляется и такой тип диалога, когда следует вопрос преподавателя, а затем ответ студента. Такой учебный прием служит для активизации знаний студентов по предмету. В лекции может также встречаться диалог, близкий по форме к полилогу. На основе вышесказанного сформулируем некоторые методические рекомендации. Во время учебного процесса преподавателю-русисту следует выделять время для обучения особенностям устной научной речи. С этой целью необходимо уделять максимум внимания порядку слов в предложениях, вопросо-ответным построениям, простым неполным или распространенным придаточным предложениям, различного рода повторам, вводным словам и конструкциям.

УДК 821.161.1.09

ПРИНЦИП «ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ» В ПОЭТИКЕ А. ПУШКИНА

Квашина Л.П.¹, Красицкая Н.С.²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

²Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского
lyukva@bk.ru

Известно, сколько упреков и нареканий у современников вызвал образ героя в поэме «Кавказский пленник» А. Пушкина. Поэму критики почти единодушно

хвалили, а героя ругали, упрекая его в неопределенности и противоречивости: «Характер кажется странен и вовсе непонятен. В нем замечаются беспрестанные противоречия» [3, с. 109]. Пушкин, обобщая свой творческий опыт, так сформулировал стоявшую перед ним задачу: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которая сделалась отличительными чертами молодежи XIX века [4, с. 52]. Обычно в этом высказывании внимание привлекает перечисление «отличительных черт» героя, однако для того, чтобы судить поэта по «законам, им самим над собою признанными», стоит обратить внимание на особенности собственно пушкинского словоупотребления. По замечанию С. Бонди, в пушкинском словаре значение глагола «изобразить» несколько отличается от современного, оно ближе к значению «выразить», облечь в образ [см. 5].

Для «школы гармонической точности» «изобразительность» не сводится к миметичности, сосредоточенности на предметности. Если оценивать героя с позиций объективной «изобразительности», то характер Пленника предстает насквозь субъективным и схематичным. Но и в плане лирического завершения герой оказывается как бы недоосуществленным, поскольку он «не всеобъемлюще субъективен»: он то сливается с образом поэта-изгнанника, заданного «Посвящением», то разворачивается неожиданными сторонами, удаляясь от автора. С позиций романтической изобразительности, вставные элементы и этнографические описания «бесполезно разрывают нить интереса и не вяжутся с тоном целой поэмы» [1, с. 46], однако, по тонкому замечанию другого критика, изнутри пушкинского стиля, «этот беспорядок есть только мнимый, и нестройное представление предметов отражается в душе стройным переходом ощущений» [2, с. 48-49].

В первой южной поэме Пушкина поэтика повествования и изображения формируется как бы у нас на глазах: в процессе воплощения замысла между образом «бедного поэта» «Посвящения» и «черкешенкой молодой», между картинами жизни горцев и историческим финалом устанавливаются неявные, но значимые, а для поэтического мира конструктивные связи. Укажем, например, на выразительное дублирование слов Пленника в прощальном монологе Черкешенки, на контрастную соотнесенность черкесской песни и финального поступка героини. В такого рода переключках и формируется образ героя, который с трудом укладывается в предзаданные рамки и модели.

Семантические параллели, намеченные в «Кавказском пленнике», отчетливее проступят в «Цыганах», а впоследствии станут формой художественного видения и воплощения характера в прозе. Интересно отметить, что зрелый Пушкин «Пленника», в отличие от других романтических произведений, перечитывал с удовольствием, гордился своими находками, словом, относился к поэме как к «молодой поросли», которая не просто обещает, но гарантирует богатый урожай.

1. Вяземский П.А. О «Кавказском пленнике», повести, соч. А.Пушкина // П.А.Вяземский / Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984.
2. Киреевский И.В. Нечто о характере поэзии Пушкина // И.В. Киреевский / Критика и эстетика – М.: Искусство, 1979.

3. Погодин М.П. Кавказский пленник. Повесть А. Пушкина // М.П. Погодин / Русская критическая литература о произведениях А.С. Пушкина: хронол. сб. критико-библ. ст. / собр. В.Зелинский: в 7 ч. – 2-е изд. – М., 1897–1905. – Ч.1. – М.: Типография А.Г.Кольчугина, 1897.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. – М.: Воскресенье, 1997. – Т. 13.
5. Селиванова С.Д. Поиски героя (по рукописям «Кавказского пленника» / С.Д.Селиванова // Замысел, труд, воплощение... – М.: Изд-во МГУ, 1977.

УДК [81`22/`24:316.77]:378.091.212-054.62

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ

Колесниченко Л.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
им. М. Туган-Барановского»
l.kolesnichencko@yandex.ru

Активизация межэтнической и межкультурной коммуникации, связанной с глобальными и не всегда позитивными процессами, происходящими в современном мире, стала визитной карточкой нашего времени. Одной из многих возможностей, призванной внести свой вклад в смягчение остроты и уменьшение угроз современных вызовов, является попытка наладить контакты между представителями разных лингвокультурных сообществ, чему, безусловно, способствует знание основ межкультурной коммуникации (МКК).

В последние годы интерес к изучению теории и практики МКК значительно возрос, однако нельзя утверждать, что все проблемы МКК уже решены. Нам кажется, представляет определенный интерес исследование вопроса МКК социальной группы «иностранцы», приезжающие в другую страну для получения нефилологического образования. Вхождение этой группы в МКК имеет свои особенности.

Так, в отличие от других социальных групп иностранцев, студенты четко знают конечную цель и срок своего пребывания в стране, поэтому им не свойственен болезненный страх потери своей идентичности; они открыты и психологически настроены на общение. Но существуют и негативные моменты, связанные с недостаточно высоким уровнем мотивации на разных этапах обучения. Кроме того, система родного языка, национальные особенности и психологический тип индивидов также иногда сказываются негативно, провоцируя развитие у студентов культурной депрессии. Но понимание этих процессов со стороны преподавателей и благожелательное отношение окружающих смягчает и нивелирует эти явления МКК.

Обратимся к вопросу о роли культуры в формировании МКК. Известно, чтобы по-настоящему узнать чужой язык, легко и свободно общаться на нем, недостаточно выучить его формальную сторону: существует «нечто», без чего эти знания кажутся ограниченными и полноценного общения не получается. Это «нечто» - культурно-национальный фон изучаемого языка, включающий в себя некоторые сведения из области политики, истории, религии, географии, искусства, существующих традиций, бытовой культуры, системы ценностей.

Иными словами, как отмечал А.П. Садохин, «два знания – языка и культуры – обеспечивают эффективное и плодотворное общение»[3, с. 95].

Коснемся более подробно вопроса вхождения студентов-нефилологов в мир чужой культуры и успешного осуществления МКК.

Чтобы стать успешным участником МКК, не испытывая языковых и культурных барьеров, индивид должен обладать, во-первых, следующими знаниями:

- собственно лингвистическими, включающими фонетическую, лексическую и грамматическую системы изучаемого языка;
- этнокультурными, помогающими понять мир изучаемого языка и национальный характер его носителей;
- лингвокультурными, являющимися основой для свободной и позитивной МКК;
- этнокоммуникативными, позволяющими организовать речевое общение с учетом норм поведения, характерных для мира народа-донора.

Во-вторых, на основе полученных знаний у индивидов должны сформироваться компетенции: языковая, этнокультурная, лингвокультурная и этнокоммуникативная. Отличие компетенции от знаний состоит в том, что к сумме знаний добавляется комплекс определенных умений, с помощью которых достигаются цели коммуникации.

При обучении студентов-нефилологов перед преподавателем стоит сложная двуединая задача: с одной стороны, сформировать достаточную языковую, этнокультурную, лингвокультурную и этнокоммуникативную компетенции, с другой – этот материал должен быть сминимизирован, так как ограничены длительность обучения и физические возможности студентов. Добиться этой цели можно с помощью:

- тщательного отбора материала;
- систематизации лингвистических, культурных и коммуникативных знаний;
- осуществления принципа подачи материала в системе.

Остановимся на вопросе формирования языковой компетенции.

По мысли большинства современных ученых, языковая компетенция включает фонологические, лексико-семантические и грамматические компоненты лингвистических знаний и является основой для формирования коммуникации, так как, не имея лингвистических знаний, можно общаться только с помощью невербальных средств или через переводчика.

Объем языкового материала, необходимый для иностранных студентов-нефилологов, достаточно хорошо изучен, однако результаты обучения началам коммуникации часто бывают неутешительны: студенты неплохо справляются с чтением и письмом, но гораздо хуже – с аудированием и говорением.

Именно развитие навыков МКК способствует формированию навыков аудирования и говорения на специальные учебные темы.

Для осуществления успешной коммуникации из широкого пласта культурологических знаний необходимо выбрать главное, имеющее для данной культуры фундаментальное значение. Известным ученым В.И.Карасиком введено понятие «культурной доминанты», которую он определяет как «наиболее важные для данной культуры концепты»[2,с.178]. Понятие

«культурной доминанты» стало базовым для отбора и минимизации этнокультурных знаний при обучении студентов-иностранцев.

Это общие положения, однако еще в недостаточной мере исследован содержательный план системы и не выделен конкретный круг доминантных концептов, необходимых иностранцам для получения этнокультурных знаний. Преподаватели-практики подчас действуют в этом плане интуитивно, руководствуясь собственными предпочтениями.

Говоря о лингвокультурных знаниях и лингвокультурной компетенции, мы понимаем некоторую искусственность такого ее выделения среди других видов компетенций, так как лингвокультурная компетенция не существует в отрыве от языковой и культурной компетенций и все они, в свою очередь, не существуют без коммуникации.

Работа над лингвокультурной лексикой ведется на протяжении всего срока обучения студентов. По мере накопления знаний и формирования лингвокультурной компетенции у студентов происходят качественные изменения в восприятии неродного языка: чужой мир, ограниченный прежде лишь учебными темами, неожиданно расширяется, становясь все более интересным и красочным.

В нашем случае группы студентов редко бывают моноэтническими, и это хорошо, так как навыки коммуницирования формируются одновременно по нескольким направлениям в зависимости от субъектов коммуникации: преподаватель (носитель языка) – иностранный студент, иностранный студент – иностранный студент (представители разных этнокультур в группе), иностранный студент – иностранный студент (представители разных этнокультур в других группах), иностранный студент – представители языка-донора, исключая преподавателя. На этой основе возникает межличностная внутригрупповая коммуникация – общение студентов внутри группы; межличностная межгрупповая коммуникация – общение с преподавателем и иностранными студентами других групп; межличностная – с другими носителями языка. Поскольку участники общения являются представителями разных культур, все эти типы коммуникации относятся к МКК.

К концу обучения иностранные студенты-нефилологи без труда вступают в МКК, свободно коммуницируют и хотя не в полной мере, но понимают мир другой культуры, спокойно и, как правило, доброжелательно относятся к тому, что прежде казалось непонятным, странным и даже смешным. Так, благодаря овладению МКК происходит процесс адаптации к чужим национальным традициям, образу жизни и в целом к новой культуре.

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. - М.: Русский язык, 2002. – с. 269.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 178.
3. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 95.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – с. 624.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Кулиш С.В., Груба О.Б.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

ГПОУ «Донецкий техникум промышленной автоматики»

Kulish3011@gmail.com

Деловое общение является необходимой частью профессиональной деятельности, важнейшим видом отношений с другими людьми. Методика же формирования умений делового общения (ДО) как целостного единства с присущими ему закономерностями и особенностями на современном этапе еще окончательно не выработана. А будущая профессиональная деятельность требует от студента не только умений совершать профессиональные речевые действия, но и навыков общения с деловыми партнерами. Считаем необходимым изложить наше понимание категории «деловое общение», а также определение видов общения, технологии и психологии делового общения, его базисных составляющих. Деловое общение – это «сложное приобретенное умение», формирующееся либо в процессе «естественного» приспособления человека к условиям профессиональной деятельности, либо посредством «специально организованного обучения».

В основе разработки технологии ДО должна лежать *«функциональная модель»* обучения конкретным формам общения. Опыт работы позволяет определить перечень ситуаций (форм) учебно-профессионального делового общения учащегося: семинары, научные конференции, деловые и ролевые игры, круглые столы, защита курсовых и магистерских (дипломных) работ. Эти формы общения, на наш взгляд, учитывают сферы, темы и ситуации, в которых студент проявляет *способность к общению*. Именно названное умение является показателем меры его готовности выступать участником общения, в границах которого учащийся проявляет себя уже как *«речевая и деловая личность»*.

Содержание такого делового общения может определяться целым рядом детерминант. Ведущими, на наш взгляд, являются:

- коммуникативная компетенция,
- профессиональная компетенция,
- поведенческая компетенция.

Коммуникативная компетенция формируется взаимодействием языковой, предметной и прагматической компетенций. В свою очередь языковая компетенция связана с лингвистической стороной организации коммуникативных единиц, она обеспечивает формирование у говорящего умений строить грамматически правильные и осмысленные высказывания. Предметная компетенция обеспечивает полученные знания о том фрагменте мира, который выступает предметом речи. Прагматическая – раскрывает коммуникативные намерения говорящего, условия общения, формируя у него *«способность использовать высказывания в определенных речевых актах, соотнося их с интенциями и условиями общения»*.

Профессиональная компетенция предполагает совершенствование умений профессионального характера, таких, как способы получения информации,

овладение средствами построения монологического и диалогического высказывания; моделирование деятельности профессионального общения в системе деловых игр и т.д.; развитие навыков самостоятельной работы, а именно: умение сгруппировать сведения; творчески переработать информацию в цельное, логически связное сообщение по теме; выразить личное отношение к изложенному материалу, дать оценку событиям, фактам, явлениям.

Поведенческая компетенция связана с ситуативной обусловленностью процесса общения. Формой ДО выступает деловой этикет, основы которого включают в себя: *культуру речи* (предполагает грамматическую и стилистическую правильность оформления высказываний, их уместность и соответствие конкретным ситуациям делового общения); знание, владение и следование принципам *кодекса деловых коммуникаций* (правило качества и дозированной информации; правило релевантности, правило такта (т.н. «прайвеси»), правило одобрения, согласия и др).

Для успешного общения необходимо: *развивать* у студентов умение понимать психологию собеседника и мотивы его поведения; *учить* наблюдать за психолого-поведенческими реакциями партнера по общению, анализировать их; *вырабатывать* свой стиль ведения диалога, основой для которого могут быть: прагматичность, решительность, настойчивость, последовательность, эмоциональность, спонтанность, креативность. Известно, что способы общения подразделяются на вербальные и невербальные. Исследователи утверждают, что с помощью слов «передается 7% информации; 55% информации воспринимается через выражение лица, позы, жесты; 38% - через интонации и модуляции голоса». Уточним, что невербальные средства общения во многих ситуациях помогают лучше, чем речевые, понять состояние партнера, расположить его к себе, выразить свое эмоциональное отношение. Достижение желаемого результата при невербальном общении напрямую зависит от знания культурных и национальных традиций собеседника – оппонента и переходит в плоскость межкультурной коммуникации.

Таким образом, все изложенное свидетельствует, о том, что предлагаемая методика формирования навыков делового профессионального общения в большей степени способствует удовлетворению учебно-познавательных потребностей учащихся и является важным условием становления их как успешных специалистов.

УДК 81'367.332=161.1

КОНЦЕПЦИЯ «АСИММЕТРИЧНОГО ДУАЛИЗМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАКА» С. КАРЦЕВСКОГО В ПРОЕКЦИИ НА СИНТАКСИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ЯЗЫКА

Курмакаева Н.П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
kurmakayeva@mail.ru

Лингвистическая наука начала ХХІ века отмечена яркой тенденцией к системному описанию фактов языка. При этом под системой языка принято

понимать «известным образом организованное (т.е. упорядоченное) иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее данную структуру в данную субстанцию для выполнения определенных целей» [2, с.30]. А понятие структуры связывают со схемой отношений (внутри и вне изучаемого объекта).

Благодаря исследовательской деятельности членов Пражского лингвистического кружка, ярким представителем которого был С. Карцевский, в языкознании прочно укрепились идея о языке как о функциональной системе. Разработанная ими «динамическая» концепция языка получила широкое признание. Тезис современного языкознания об «открытом» характере языковой системы, включающей наряду с «центральными» (первичными, прототипическими, специализированными) также и «периферийные» (вторичные, непрототипические, неспециализированные) элементы, можно в определенной степени считать развитием мысли С. Карцевского об «адекватных знаках» и «транспонированных значимостях знака», об «асимметричном характере», одновременной неизменности и подвижности языкового знака [1, с.85].

В языкознании в связи с подобными лингвистическими фактами сформулирован очень емкий тезис: «Система языка никогда не бывает «правильной» полностью: она лишь стремится к равновесию, но никогда его по существу не достигает: в целом для языковых систем характерно неустойчивое или относительное равновесие» [2, с.52–53]. Сравним это с мыслью, высказанной С. Карцевским: «... природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [1, с.85].

Очевидно, что каждая конкретная языковая система «обладает своей мерой упорядоченности». В каждом ярусе языка, в каждом формальном классе и каждом парадигматическом (или другом) объединении, наряду с регулярными базовыми, исходными образованиями, имеют место всякого рода «исключения»: отклоняющиеся формы, окказиональные образования, функциональные эквиваленты, «выдвинутые» на место инварианта, исходной специализированной для данной позиции единицы. Поэтому в каждой системе (в т. ч. в системе частей речи и членов предложения) складывается определенный диапазон варьирования любой сущности.

С. Карцевский так сформулировал свое видение системных отношений лингвистических единиц и одновременно высказался о дифференциальном характере знака (чтобы тот отличался от простого сигнала): «...всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно. Иначе говоря, он одновременно принадлежит к ряду переносных, транспонированных значимостей одного и того же знака и к ряду сходных значимостей, выраженных разными знаками» [1, с. 87].

В связи с подобными явлениями нередко заявляют об отсутствии порядка в системе и, в частности, о невозможности засвидетельствовать факт корреляции членов предложения (ЧП) с соответствующими частями речи (ЧР), о «схоластическом» характере учения о членах предложения. Тем не менее,

взаимоотношения ЧР и ЧП на уровне симметричных и асимметричных синтаксических связей продолжают устанавливаться и изучаться как лингвистические закономерности, свидетельствующие о центростремительных силах языкового знака при наличии в нем и огромного центростремительного потенциала.

Следует признать плодотворной идею, что существует ядро языковой системы, которое образуется за счет предельных единиц языка, имеющих свои четкие категориальные признаки, и неопредельные, периферийные знаки, с нечеткими, слабо выраженными, контаминированными или синкретичными признаками. Например, категория имени прилагательного содержит ядро в составе полных форм с полной падежно-числовой парадигмой и периферию в составе кратких форм, не имеющих падежной парадигмы и ограниченных только сказуемостной функцией, а также слов типа *беж, индиго, бордо* и т.п., неизменяемых, постпозитивных, однако квалифицируемых как определения при господствующем существительном. Одновременно те или иные адъективные формы (как ядерные, так и периферийные) в определенных синтаксических условиях способны выполнять и любую другую функцию в предложении, не переходя в иную часть речи, а выступая как функциональный эквивалент (далее ФЭ) «адекватного знака». Например:

Сегодня она пришла в бордо (в чем? – неморфологизованное дополнение, ФЭ субстантива, неспециализированное для данной позиции слово);

Гляженое (1) *лучше* (2) *хваленого* (3) (рус. посл.): (1) *что?* – неморфологизованное подлежащее, ФЭ номинатива, неспециализированная для данной позиции словоформа; (2) *каково?* – морфологизованная для субпозиции присвязочной части именного сказуемого форма прилагательного, ФЭ спрягаемого глагола (так как не способна самостоятельно, без посредства связочного глагола передавать категорию предикативности), словоформа неполной специализации; (3) *чего?* – неморфологизованное дополнение, ФЭ субстантива, неспециализированная для данной позиции словоформа. Таким образом, все словоформы данного предложения являются представителями функционально-синтаксической периферии. При этом (1) и (3) сохраняют принадлежность к морфологическому центру категории прилагательного, эксплицируя омосинтаксемную соотнесенность, а (2) находится на ее периферии.

Факты упрямо свидетельствуют, что язык, демонстрируя элементы своей структуры как пребывающие «в состоянии относительного равновесия», всегда стремится к симметрии, в том числе и на синтаксическом уровне. Поэтому о лингвистических знаках, особенно с точки зрения их функционирования в синтаксической системе, можно говорить, вслед за С.Карцевским, как об «адекватных» (специализированных для данных позиций) и транспонированных (неспециализированных) значимостях.

Ученый предлагает изучать в синтаксисе не только собственно сдвиги, но направления, цели, зависимости от конкретных ситуаций, т.е. закономерности этих сдвигов. Необходимо, по его справедливому мнению, выяснять, в связи с чем «значимость знака приходит к своей противоположности», «обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [1, с.90].

Так, например, вне поля зрения лингвистов остаются очевидные различия в свойствах словоформ, предназначенных для данной синтаксической функции, и форм слов или словесных комплексов различной степени сложности, «выдвинутых» в позицию в качестве неспециализированных со всеми вытекающими из этого последствиями. Отсюда незатихающие споры о позиционном составе ряда моделей предложений и прямые или косвенные указания исследователей на необходимость разрешения проблемы корреляции ЧП и замещающих их определенных форм тех или иных ЧР через выявление специализированных и неспециализированных словоформ в позиционном составе предложений различной структурной организации. В этом заключается суть «асимметричного дуализма» синтаксического знака. Учет степени специализации («адекватности» по Карцевскому) существен для квалификации частеречной принадлежности репрезентантов позиционного состава, особенно в спорных случаях. И что особенно важно, С. Карцевский подвел к глубокому историко-философскому выводу: «Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать» [1, с.90]. Наблюдать эту эволюцию – задача не одного поколения лингвистов.

1. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85–90.
2. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Отв. ред. член-кор. АН СССР Б. А. Серебrenников. – М.: Наука, 1972. – 566 с.

УДК 81'373.46

ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Малеева Е.С.

Университет прикладных наук БФИ (Австрия, Вена)
elenars@mail.ru

Старообрядческие села в Болгарии – Казашко и Татарица – в последние годы привлекают все большее внимание лингвистов, фольклористов и искусствоведов (1). Интерес представляет язык жителей села Татарица, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, данная община проживает вне территории митрополии уже почти 300 лет, в связи с этим интересно сопоставление лексического фонда жителей региона с данными донских казачьих говоров. Во-вторых, данные говоры существуют в иноязычной инокультурной среде, однако родственной славянской (болгарской). В основу заметок легли материалы, собранные автором в полевой экспедиции 2010 года. Изучение речевой практики проводилось с использованием метода включённого наблюдения в условиях, максимально приближенным к неформальным. Информанты опрашивались по вопросам, уточняющим семантику лексических единиц, связанных с обозначением материальной и духовной культуры носителей языка.

Село Татарица расположено в 7 км на запад от Силистры и в 3 км от Дуная. Согласно преданиям, более 300 лет назад казаки бежали из Румынии, из северной Добруджи, уклоняясь от службы в армии, и поселились в Болгарии в пределах Османской империи у Дуная, вблизи нынешнего села, где тогда жили татары, которые вынуждены были покинуть свои дома из-за частых набегов казаков. Турецкие власти лояльно относились к староверам, дали им земли, разрешили построить церковь, иметь вооруженных казаков и обучать их военному искусству, выбирать на кругу атамана и священника. После освобождения в 1878 году эта территория осталась в Болгарии, а с 1919 по 1940 годы южная Добруджа входила в состав Румынии, и лишь в 1940 году вернулась в границы государства Болгарии. Население Татарицы наряду с рыболовством активно занимается земледелием, садоводством и виноградарством.

В настоящее время в селе Татарица проживают около 700 человек, как русские, так и болгары, большинство браков смешанные. Молодежь предпочитает уезжать в большие города и за границу в поисках работы. Люди религиозны, на службу приходят и русские, и болгары, так как церковь относится к болгарской епархии. Сами себя жители Татарицы считают *«русскими донскими казаками»*, говоря, что люди называют их липованами, так как *«наши праотцы рисовали на лепи»*. Как рассказала нам коренная жительница села Акулина Калистратовна Зиновеева, 1942 года рождения, *«праотцы заселились в этом селе, дяди наши, бабки жили, и мы тут живём... Мама моя здесь родилась, тятя родился»*. Казачки поведали нам, как их родственники и односельчане пытались в 1946 году вернуться в Россию, *«поедем туды на жизнь»*, говорили они, однако многие умерли в пути: *«много людей поехали... Сильно трудно пережили: война, голод, холод незнакомое место, поумирало много»*. А другие, которые остались, жили в бедноте, работали у македонцев за еду: *«за сахар да за олею»*. Важным в семье липован являлось воспитание детей. Казачки рассказывали: *«Дома говорим по-русски, а когда придет болгар – по-болгарски... Раньше нас, девчат, не пущали в город учиться. Девочка коло мамы дома. Ни по городам бегать. Дома, коло мамы: будешь плесть, будешь прясть, будешь рогожки ткать, будешь копать»*. Мужа, как принято у казаков, называли хозяином. Так, Ирина Вавиловна Бузинова, 1927 года рождения, вспоминала: *«А он 1924 года был, мой хозяин (о муже)»*. Отца называли *«тятей»*: *«Тятю Вавил звали, а мама Анисья была»*. Как рассказала казачка, *«она была страшно ловчая и послушная, что мама скажет, всё выполняла»*. Она прожила с мужем 60 лет, отца не могла послушаться, вспоминала, как выходила замуж: *«2 года он меня ждал, молодая – не расписывали. Сильно хотели меня, и свекруха, и свекор... Родители отдавали. Как бился тятя. Только за его иди. Он мне упал на душу, мне жалко его. А я хотела за Евсейку, а Евсейка – пьяница. А тятя: «Только за Пахома. Если за Пахома не пойдешь – иди со двора. Отец прав, и плачу сейчас за ним (мужем)»*. Особое внимание уделялось культуре питания. Как рассказывала Мария Стефановна Костева, 1951 года рождения, *«мы сядем за круглый стол. Все содимся. В одну чашку, такую большую нальют. Кто захватит. Большая семья была. Мужчины содятся первые, а бабы уже ходят, подносят. Старая бабушка чтоб села. Так было. Молимся Богу, а тогда содимся. А когда встанем, опять помолимся Богу: «Спаси, Христос, за хлеб, за соль»*.

Научный интерес среди лексики материальной культуры представляют наименования посуды. Были названы такие имена существительные, как *горшок* (*горшочек*), *кастрюля*, *кувшин*, *ложка*, *махоточка*, *сковорода*, *тарелочка*, *чашечка* (*чашика*), *чугун* (*чугунок*). В воспоминаниях о детстве информанты замечали, что самой популярной для приготовления и хранения пищи была глиняная посуда. В ней готовили, подквашивали молоко, хранили в зиму продукты. Как показал анализ материала, для обобщённого наименования такой посуды использовались сочетания *черепяная посуда*, *посудина*, *черепки*, она удобна была тем, «*что не горячо было брать их*». Продавалась такая посуда в магазине, так как был свой завод либо «*привозили просто такие торговцы, повозки. Они постеляют туда солому. Кричат: «продаю горшочки, тарелочки*». Горшки были разных цветов и размеров, но чаще кофейного цвета. Выбирали горшок «*по украше, так и глядят, чтобы был выпеченный*». Если сырая (глина), он тяжёлый. Если готовый, крепкий, то он лёгонький бывает. Вместе с горшками продавали и продукты: «*Возили по селу, старуха кричала: «Кисло мяко»*» (Бузинова). Все продукты держали в погребе. Представляет интерес имя существительное *махотка*, которое казачки описали так: «*Махоточка для малака, высокая, примерно 2 литра, для малака*». Слово *махотка* в значении «маленький глиняный горшочек» встречается уже в русских письменных памятниках XVII века (СРЯ, 9, 49) (2). С подобной семантикой «небольшой горшок для хранения продуктов, варки пищи и т.п.» (СРНГ, 18, 52) языковая единица употребляется и в говорах. В донских говорах лексема *махотка* зафиксирована как в значении «небольшой глиняный горшок» (СДК, 279), так и с семантикой «большой глиняный горшок для молочных продуктов». Казачки с удовольствием делились рецептами блюд. Нам рассказали, как пекли хлеб, готовили блины, борщ (*ити мы тут говорим*), брынзу, каймак, котлеты (котлетики), крем карамел, мамалыгу, маратуру, пироги с брынзой, с капустой, с картошкой, с каймой, сметану, пельмени, суп, сыр, шарбу. Как видно из приведенного ряда, большой пласт лексики питания встречается в русском литературном языке. Донским говорам известны имена существительные: *каймак*, *мамалыга* и *щерба*. Одним из самых известных молочных продуктов у казаков считается *каймак* – «густые пенки, снятые с кипяченого или топленого молока» (СДК, 204). В словарях литературного языка лексема *каймак* имеет помету «областное» и обозначает «сливки, снятые из кипяченого или топленого молока; сыр из сливок»). Популярной у казаков является и каша – мамалыга. Так, например, нам рассказывала жительница Волгоградской области Манушкина Валентина Поликарповна: «*Мамалыгу делали эта из муки как вот щас манка, тада этого ещё не было. Солютъ, вымешиваютъ и ф печь становють. И она варится в кипятке, помешиваиш яе. Она ня сильно густая и ня сильно жидкая. Ядятъ сначала с кислым, а на второе с пресным молоком, а на закуску со смятаной*». Казачки же села Татарицы поясняли нам, что «мамалыга – это каша из кукурузной муки».

Популярным промыслом у жителей Татарицы было рыболовство. Казачки рассказывали: «*А я сеточку растягую тятину. Рыба всякая была, некрупная была, бабошка, вентерики («рыболовная снасть, самоловка для рыбы из сети») стояли. Столько рыбы в вентярях. Столько рыбы!. Рыбу жарили, шарбу варили, шаламур*». Существительное *шарба* имеет в донских говорах несколько

вариантов употребления – щерба, шарба, пшарба. Диалектное название *щерба* является заимствованным из тюркских языков и широко бытует во многих русских говорах. Слово *щерба* в 19 веке входило в состав общенародного языка. В настоящее время имя существительное известно в ряде славянских языков и даётся в современных словарях литературного языка с пометой *областное*.

Болгарская кухня представлена именем существительным *гювече* и сочетанием *крем карамель*. Абсолютно неизвестным для нас стало слово *маратура*, которое казачки пояснили нам так: «*это к зиме кислый перец, помидоры кладешь, фасоли наварим, помидоров вытянем кисленько*». Для липован важной является праздничная еда, они рассказывали: *На Пасху мы готовим баранятину. Из баранёнка. Или мясушко, или из серёдошки супик наготовим. Потом котлетки. Только не подходит водку у нас пить за столом. А потом Пасху. На Масленку блины делаем, ладочки, вареники делаем*. Потом пояснили, что ладочки – это оладушки.

В заключении хочется подытожить, что все наши информанты с большой любовью и теплотой отзывались о Болгарии и своём селе. Как сказала одна из казачек, «*своего села и собачка мила*». Как показал анализ материала, в речи сельчан Татарицы встречается лексика болгарского языка, русского литературного языка и донских казачьих говоров. Такого рода этнолингвистические исследования позволяют охарактеризовать лексику материальной и духовной культуры, вычленить собственно донские диалектные новообразования, показать взаимодействие языков и культур.

1. См. об этом: Пригарин А.А. Отражение процессов формирования в исторической памяти группы русских старообрядцев на Дунае // Гуманитарная мысль Юга России. 2005, № 1. С. 88–108; Гуманитарная мысль Юга России. 2006, № 1. С. 94–116. Узенова Е.С. Старообрядческие говоры в Болгарии: современное состояние // Simpozij Obdobja 26: Slovenska narečja med sistemom in rabo. Ljubljana, 2009. С. 141–147 и др.
2. Использовались данные словарей: СДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003 (=СДК); Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л., 1981 (=СРНГ); Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982 (=СРЯ).

УДК 811.161.1'04'366.58

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ В СЕМАНТИКЕ ФОРМ СЛАВЯНО-РУССКОГО ПЕРФЕКТА

Маркова Т.Д.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова
tatiana.markova2012@gmail.com

Отто Есперсен в «Философии грамматики» замечает сложность в определении места для перфекта в универсальной системе глагольных времён и называет эту форму пермансивом: «перфект не может найти себе места в данной простой системе, так как, помимо временного момента, он выражает результативность. Это настоящее время, но настоящее время сохранения (permansive present): перфект представляет нынешнее состояние как результат прошлых событий, а поэтому его можно назвать ретроспективной разновидностью настоящего времени. <...> Весьма вероятно, что древний

индоевропейский перфект был первоначально интенсивным или «пермансивным» настоящим временем» [2]. Далее, опираясь на материал европейских языков, Есперсен отмечает ещё одну деталь, связанную с семантической неустойчивостью перфекта: перфект склонен превращаться в форму прошедшего времени, хотя эта тенденция и не проявляется с одинаковой силой во всех языках. Так, в русском языке перфект стал универсальным прошедшим временем. Это не только откорректировало его семантику, но и кардинально изменило его значимость. Исследование семантики форм перфекта в Прологе XVI в., в частности, позволяют говорить о совершенно новых смыслах этой формы в контексте фрагментов Пролога. В Прологе перфект ведёт себя далеко не только как пермансив. В формах перфекта просматриваются смыслы, которые можно назвать этернальными (вечностными), а сам перфект соответственно – этернативом.

В первые века христианства на Руси и особенно в XIV-XV веках сформировался парадоксальный инвариант ценностной парадигмы Руси – жизнь «во времени, но тем, что выше времени» [1, с. 9]. Именно осмысление бытия в двуединстве временного и вечного было кардинально новым в познании мира христианской Русью. Этносу предстояло совершить духовный и ментальный прорыв для осознания себя в точке соприкосновения двух разных миров. Это не могло не отразиться в языке. Осмысление столь глобальных бытийных категорий требовало от этноса максимального напряжения всех творческих сил, а от языка – поиска новых форм или беспрецедентного обновления семантики прежних форм.

Вечность, по мысли В.Н.Лосского, не есть бесконечность или длительность без начала и конца, которую можно мыслить как некую неоконченную линию, при этом рассматривая историю мира как отрезок этой линии, ограниченный началом творения, с одной стороны, и концом света – с другой. Вечность есть обладание всей полнотой бытия [4, с. 231]. В Вечности одинаково реальны и ценностны и прошлое, и настоящее, и будущее. В древнерусском языке ощущение Вечности, очевидно, нашло своё отражение в категории перфекта, совмещающей в своём значении семантику прошедшего и настоящего.

Постижение Вечности происходило (и происходит) в диалоге. Это диалог внутренний, духовный, практика которого осваивалась на Руси в течение первых веков после принятия крещения. Речь идёт о молитвенном делании, освоенном русскими подвижниками и аскетами вслед за Византийскими исихастами. К XIV-XV векам исихазм пропитывает все стороны русской духовной жизни, выливается в расцвет русской аскетики, мистической философии, всех видов искусства. Именно в это время диалог русского человека с Богом достигает своего апогея. Молитва становится не только нормой, но и инвариантной формой русской жизни. Инок – в буквальном смысле гражданин иного мира, представитель Вечности, носитель идеала святости – самая почитаемая фигура на Руси. Именно в эту эпоху потоки духовных смыслов в избытке изливались в сознание и душу этноса, минуя язык, однако, осмысливаясь в дальнейшем, воссоздавались в самых разных культурных формах – иконописных, архитектурных, литературных, языковых.

Однако русский исихазм целым рядом признаков отличался от Византийского образца. Ведущей отличительной чертой была тринитарность

исихазма Древней Руси, организующая сообразно своей природе все остальные элементы духовности и культуры. Поклонение Святой Троице родилось именно в русской культуре. Византия не знала этого праздника, она не знала ни Троичных храмов, ни Троичных икон. На Руси же вместе с осмыслением культа Святой Троицы, вместе с вхождением этого Дня в русский праздничный круг православие, радикально переработав Византийское наследие, обрело свои неповторимые, уникальные черты [3, с. 94]. При этом необходимо иметь в виду, что образ Святой Троицы стал жизненно важным мотивом на Руси того периода – времени княжеских междоусобиц и татаро-монгольского ига. В концепции тринитарности родилась идея единения Руси и освобождения от татар. В связи с этим православие, духовность, аскетизм и культ Святой Троицы – всё это было не просто особенностями культуры и ментальности, но идеологической основой выживания русского этноса. В этой связи Е.Н.Трубецкой подчёркивает: не в поклонении Христу состоит высшая цель духовного призвания Руси, «а в неразрывном и неслиянном с Ним соединении», в приобщении (уже здесь, в земной жизни) к Его миру – иному, горнему, миру Вечности [5, с. 171].

Таким образом, становится понятной особенность сложившегося к XV-XVI векам этнического мировоззрения, которая отразилась в обратной перспективе. В иконописи – это взгляд на человека, его дела и жизнь «из иконы», из горнего мира, из Вечности. Подобное стремление видеть всё происходящее «глазами иконы» наблюдается и в литературе (вспомним уникальный стиль русского летописания), и в языке. В языке же средством создания эффекта обратной перспективы стал перфект, превратившийся в конце концов в единственную, универсальную форму русского прошедшего времени. Всё, что происходит в настоящем и будущем, когда-то превращается в прошедшее, выражающееся перфектом – вечностным временем, в семантике которого соединены темпоральные и эвиденциальные смыслы. Причём эвиденциальность, засвидетельствованность, имеющая место в русском перфекте, – это засвидетельствованность как раз в обратной перспективе – «глазами иконы».

Всё, сказанное выше, подтверждается анализом семантики форм перфекта, употреблённых в древнерусском Прологе XVI века, которыми неизменно обозначаются либо действия, являющиеся смысловой кульминацией повествуемого события, либо действия Бога. Поэтому можно утверждать, что неповторимость семантики перфекта состоит не только в актуализации семы результативности. Вопрос в том, какова эта результативность, каков её аксиологический статус. Так, вопреки кажущейся семантической близости форм аориста и перфекта, в тексте Пролога они оказываются семантически не равноценными даже тогда, когда аорист передаёт семантику результата. Если результативность, выражаемая формой аориста, – это точка на линии причинно-следственных связей, позволяющая выстроить последовательность действий в прошлом, то перфект указывает направление от прошедшего к будущему, причём в аспекте результата, уходящего в Вечность и актуального для Вечности.

1. Антоненко М. Протопресвитер Александр Шмеман: эсхатология как богословие времени // Труды Нижегородской духовной семинарии: Сборник работ преподавателей и студентов. Вып. 5. – Нижний Новгород, 2007. – С. 7-27.
2. Есперсен О. Философия грамматики. Электронный ресурс (режим доступа: http://whwww.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/esper/20.php).

3. Клибанов А.И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублёва // Андрей Рублёв и его эпоха: Сборник статей под ред. М.В.Алпатов. – М.: Изд-во «Искусство», 1971. – С. 62-102.
4. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
5. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. 2-е изд. – М.: «Лепта-Пресс», 2003. – 320 с.

УДК 811

ЗНАЧЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСОМ *ВОЗ-* И РЕФЛЕКСИВНЫМ ПОКАЗАТЕЛЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Марченко Е.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
elimarco@mail.ru

В лингвистических исследованиях особое место занимают работы, посвященные изучению рефлексивных глаголов, их грамматических, лексических и словообразовательных особенностей (работы Ш.Р. Басырова, Н.А. Янко-Триницкой, Э.Ш. Генюшене, В.П. Недялкова и др.). Тем не менее, дальнейшие исследования в этой сфере не теряют актуальности, что объясняется многогранностью самого глагола, его смысловым объемом, широтой структуры и сочетаемости.

В данной работе рассматриваются глаголы, образованные при помощи сложного форманта, состоящего из рефлексивного показателя и аффикса, которые вместе создают смысловое единство (напр., *гулять* – *прогуляться*, *суматоха* – *суматошиться*). Такие единицы, вслед за Ш.Р. Басыровым, мы определяем как глаголы с рефлексивным комплексом (ГРК). Рефлексивным показателем в русском языке выступает элемент *-ся* (или его вариант *-сь*), который в грамматиках русского языка (труды Г.П. Цыганенко, Н.А. Зевахина, И.А. Мельчук,) определяется преимущественно как аффикс (постфикс). Вторым компонентом в составе ГРК является приставка *воз-* (основное выражение) и ее звуковые варианты *вз-/вс-*, *воз-/вос-*, *возо-/взо-*.

Для исследования из словарей русского языка было выбрано 143 единицы с комплексом *воз-* + *-ся*, при этом в выборку не вошли глаголы, в которых морфема выполняет грамматическую, а не словообразовательную функцию (*вздохматить* – *вздохматиться*, *впрячь* – *впрячься*).

По составу словообразовательных элементов анализируемые глаголы можно разделить на три структурных типа:

1. Глаголы, образованные исключительно при помощи комплекса *воз-* + *-ся* (48 единиц): *горевать* – *взгореваться*, *охать* – *взохаться*, *мечтать* – *возмечтаться*, *плясать* – *восплясаться*, *кивать* – *вскиваться*;

2. Глаголы, в образовании которых помимо РК участвует суффикс (49 единиц): *вить* – *возвиваться*, *лихо* – *взлиховаться*, *холм* – *всхолмиться*;

3. Глаголы, образованные от рефлексивных при помощи префикса (46 единиц): *хорохориться* – *всхорохориться*, *опечалиться* – *возопечалиться*, *молиться* – *взмолиться*, *катиться* – *воскатиться*, *кривиться* – *вскривиться*.

Нередко деривация сопровождается чередованием звуков: *слать* – *воссылаться*, *течь* – *востекаться*, *волк* – *взволчиться*.

По типу производящей основы выбранные глаголы являются:

отглагольными (94 единицы): *взбарахтаться*, *встужиться*, *взобратся*, *восклоняться*, *воспокаяться*, *восчувствоваться*, *вскиваться*;

отсубстантивными (40 единиц): *воскрыляться*, *воспламеняться*, *взребриться*, *вскрапивиться*, *взбелениться*;

отадъективными образованиями (9 единиц): *взъяриться*, *взбодриться*, *взмилиться*, *всхорашиваться*.

Некоторые лексемы требуют этимологического анализа, поскольку на современном этапе развития языка они утратили связь с мотивирующей основой, а часть из них имеет устаревшую производящую основу (*взариваться/воззриться* от устар. глагола *зреть* – «видеть, смотреть»).

Говоря об особенностях семантики глаголов, сначала необходимо рассмотреть значение морфем, входящих в их состав. Так, постфикс **–ся/сь** по происхождению является возвратным местоимением (застывшая форма В.п.). Присоединяясь к глаголу, он либо обозначает обращенность действия на лицо, его осуществляющее, либо сливается с глаголом и функционально коррелирует с суффиксами, полностью утратив местоименное значение «себя» (ср. *воздержаться* и *возжигаться*, *воздымиться*, *взвихриться*).

Исторически префиксы восходят к предлогам. Старославянский предлог *възь*, употребляясь при глаголе, постепенно утрачивает функцию части речи и закрепляется как префикс **въз-**. После падения редуцированных он дает два варианта – **воз-** (с вокализированным *ъ*) и **вз-** (с редуцированным *ъ*) и их соответствующие алломорфы – **вос-** и **вс-**. Характерной чертой приставок является то, что им присущи те или иные значения до соединения с исходными словами. Исследователи (Ковалёв П.К., Гордеев Ю.М. и др.) отмечают, что приставка **воз-** ярко проявляет пространственное значение «направление движения вверх». Поэтому при анализе семантической структуры дериватов одной из задач является установление того, какой элемент смысла принадлежит мотивирующей основе, а какой – приставке.

Следует отметить, что глаголы с **воз-/вос-** в большинстве своем – старославянского происхождения, имеют книжный характер, отмечаются как устарелые и почти не употребляются в разговорном языке. Глаголы с вариантом **вз-/вс-** отражают народно-литературный тип древнерусского языка. Некоторые из них являются и более поздними образованиями, на что указывает их отсутствие в Старославянском словаре (по рукописям X - XI веков), а также в Словаре древнерусского языка (XI - XIV вв.).

По семантике глаголы представленной выборки можно распределить на обозначающие:

- **направление движения вверх**: *взбираться/взобратся*, *вздираться*, *взринуться*, *возвиваться*, *взметнуться*,
- **начало действия**: *взбунтоваться*, *взвихриться*, *воспламениться*, *взгораться*, *вскланяться*, *вознамериться*;
- **продолжительность действия**: *взариваться*, *взглумляться*, *воспротивляться*, *восторгаться*, *всхорашиваться*;

- **завершение действия:** *взгнездиться, взгромоздиться, воспользоваться, вскарабкаться;*
- **одноразовое действие:** *всколыхнуться, вскупнуться, встрепенуться, встряхнуться;*
- **стать, принять форму:** *взлохматиться, взъерошиться, взребриться, встопыриться, всхолмиться;*
- **состояние, эмоции:** *взбодриться, встосковаться, взгореваться, взгорюниться, востужиться, возъяриться, вскрапиться, взохаться;*

Зачастую в глаголах реализуется несколько значений: *взгореться* «начало действия» (*Начать гореть, вспыхнуть*) и «состояние» (*Взгореться радостью*); *воспалиться* «реакция организма» (*Горло воспалилось*) и «прийти в состояние крайнего возбуждения» (*Воспалиться гневом*).

Среди глаголов также встречаются разговорные единицы, просторечия: *взбарахтаться, вспетушиться, всхорашиваться, всхорохориться, вздурачиваться*; диалектизмы: *всклеманиться, взбачиться, взбелениться, взголодобиться, взбулгачиться, взгубиться, вздрямиться, возголомениться*.

Таким образом, в семантическом объеме большинства анализируемых глаголов прежние значения морфем – лишь часть комплекса значений. В некоторых примерах на значение деривата влияет постфикс (*восчувствоваться* – одно из значений – «прийти в себя»), в других – приставка, которая может «подчинять» себе семантику глагольной основы, задавать семантическую доминанту списку глаголов (к примеру, группа глаголов со значением «направление движения вверх»). Во многом значение производных глаголов зависит от семантики производящей основы: *вспяцаться* (*пятиться* – о движении назад, обратно; ср. нареч. *вспять*). Иногда деривация может носить стилистический характер, например, лексемы, встречающиеся в народно-поэтических текстах: *вздивоваться, возжалобиться, возмечтаться, воскатиться, восчудиться, воскручиниться, возопечалиться* (*Вскатилось красно солнышко*).

В современном русском языке образование глаголов при помощи комплекса **воз- + -ся** не является продуктивным, что объясняется, во-первых, характером производящей основы (как правило, лексика с отвлеченным, абстрактным значением), во-вторых, спецификой префикса **воз-**, который на сегодняшний день считается устаревшим и имеет синонимичные приставки (*воздивоваться, вздивиться* – *удивиться*). К тому же, он является стилистически маркированными (принадлежность к высокому стилю), придает лексемам оттенок торжественности и архаичности.

1. Басыров Ш.Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. – Донецк, 2014. – 562 с.
2. Гордеев Ю.М. Поле направленности (глаголы движения и их распространители) в современном русском языке. – Саратов, 1974. – 20 с.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие для студентов. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
4. Цыганенко Г.П. Состав слова и словообразование в русском языке. – К.: Радянська школа, 1978. – 151 с.

ВАРИАНТЫ ХРИСТИАНСКОГО ИМЕНИ *МИХАИЛ* В ОСНОВАХ СОВРЕМЕННЫХ ФАМИЛИЙ ДОНЕТЧИНЫ

Новикова Ю.Н.

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры
mova79@yandex.ru

После принятия христианства на Руси обряд наречения именем новорожденного от родителей перешёл к церкви. В церковных календарях и святцах указывалась этимология каждого имени, что позволяло предположить или определенным образом смоделировать судьбу его носителя. Приём именованья *в честь святых* стал своеобразным привлечением народа к религии. А.В.Суперанская называет этот процесс "первой антропонимной кодификацией" [3, с. 74]. Церковь запрещала давать детям при крещении прежние традиционные славянские автохтонные имена.

В антропонимике наблюдается неоднозначность относительно использования термина для обозначения христианских личных имён, нередко их называют *календарными, каноническими, греко-христианскими*. Практика ономастических исследований показывает, что наиболее мотивированными являются термины *церковно-христианские имена* или *христианские имена*, предложенные В.В. имчуком и апробированные многими ономастами.

Система имён, которые бытуют в основах фамилий, формировалась в течение многих веков. Образующей базой этих единиц является греко-латинский христианский календарь, в который входят имена греческого, древнееврейского, латинского происхождения. Они закреплены не как заимствованные, а как собственно русские элементы, которые подверглись фонетическим и морфологическим изменениям в процессе адаптации: *Алексеев* < *Алексей* (греч.), *Михайлов* < *Михаил* (др.-евр.).

Целью нашего исследования является определение русских и украинских вариантов христианского имени *Михаил* в основах современных фамилий Донетчины, установление их продуктивности в процессе образования фамилий.

Михаил – др.-евр. имя, "равный богу Яхве" [2, с.200-201]. В Библии Михаил именуется также "великий князь, стоящий за сынов народа", Михаил Архангел, архистратиг (т.е. предводитель) Небесного Воинства, сражающегося с силами зла. На страницах Ветхого Завета Михаил выступает как Учитель: он посвятил в чудеса мироздания Адама и Сифа, научил Адама земледелию, Авраама богопознанию, был учителем Моисея [2, с. 449].

Адаптируясь, христианские имена активно включались в словообразовательный процесс. Наиболее активно в образовании фамилий использовались усеченные, суффиксальные и усеченно-суффиксальные варианты имени, которые в период становления фамилий были популярны не только в быту, но и в официальных документах.

С XI в. наряду с базовыми, нейтральными вариантами широко используются и производные от них деминутивные и гипокористические варианты [6, с. 597].

От базового полного имени *Михаил* (разг. *Михайла*; стар. разг. *Михайло*) образованы фамилии (15): *Михайлевич, Михайлевский, Михайленко, Михайлец, Михайлин, Михайличенко, Михайлишин, Михайлишен, Михайло, Михайлов, Михайловин, Михайлович, Михайловский, Михайлюк, Михайлюков*. Носителей фамилий – 498 [1].

Производными формами русского имени *Михаил* являются: *Михайлушка, Миха, Миша, Мишака, Мишаня, Мишара, Мишата, Мишука, Мишуля, Мишуня, Мишура, Мишута, Михаля, Миханя, Михася, Ася, Миня / Мина, Миняша / Минаша, Минюша / Минюша, Мика, Михайлушка, Михай / Михей* [2, с. 200-201]. От них образованы следующие фамилии (табл. 1):

Таблица 1

Варианты рус. имени <i>Михаил</i>	Фамилии	Количество	
		фамилий	носителей фамилий
1	2	3	4
Михаля	Михалько, Михалёв, Михалец, Михалко, Михаленко, Михалин, Михальо, Михалёк, Михалюк, Михолёв	10	79
Миня / Мина	Минев, Минько, Миняк, Минёв, Миненко, Минин, Минко, Минов, Минкин	9	41
Миша	Мишенко, Мишук, Мишик, Мишин, Мишец, Миш, Мишов	7	21
Михей	Михей, Михеев, Михейко, Михеенко, Михейкин	5	22
Мишуня	Мишуненко, Мишунко, Мишунец, Мишунин, Мишунов	5	10
Мишура	Мишуров, Мишура, Мишуренко, Мишуров	4	7
Миханя	Миханенко, Миханов, Миханец	3	9
Мишута	Мишутин, Мишутенко	2	9
Мишка	Мишкин, Мишков	2	12
Миха	Михин, Михота	2	7
Мишука	Мишуков, Мишук	2	7
Мишаня	Мишанич, Мишанев	2	6
Мишака	Мишакин, Мишаков	2	5
Михася	Михасько, Михасев	2	3
Михай	Михай	1	1
Мика	Микин	1	3
Мишара	Мишарев	1	1
Мишата	Мишаткин	1	1
Михайлушка / Михайлушка	Михайлушкин	1	1
Минаша	Минашкин	1	5
22		63	250

От производных форм украинского имени *Михайло* [4, с.236-240] образованы такие фамилии (табл. 2):

Таблица 2

Варианты укр. имени <i>Михайло</i>	Фамилии	Количество	
		фамилий	носителей фамилий
Миць	Мицик, Миц, Мица, Мицай, Мицак, Мицах, Мищенко, Мицук, Мицул, Мицюк, Мицяк	11	10
Мись	Мисак, Мисенко, Мисик, Мись, Мисько, Мисюк, Мищенко, Мищин, Мищук	9	92
Михно	Михненко, Михнов, Михнюк, Михнев, Михнец	5	17
Михась	Михасьо, Михасько, Михасев, Михасов	4	7
Михайлик	Михайличенко, Михайликов, Михайличец, Михальченко	4	40
Михайлуньо	Михайлунев, Михайлунь, Михайлуньо	3	13
6		36	179

В количественном отношении фамилий, образованных от суффиксальных и усеченно-суффиксальных форм христианских имён, значительно больше, чем фамилий, образованных от полных христианских имен. Исследователи отмечают, что запас бытовых имён, от которых образовывались фамилии, практически безграничен [5, с. 6].

Таким образом, варианты имени *Михаил* в современных фамилиях Донетчины различаются по степени продуктивности. Проведенный анализ позволил выявить наиболее популярные русские и украинские варианты (рус. *Михаля, Миня / Мина, Миша, Михей, Мишуня*; укр. *Миць, Мись, Михно*). Отдельные формы имени *Михаил*, преимущественно редкие, сегодня выступают как фамилии (рус. *Михей, Михай, Мишура*; укр. *Мись, Михайлуньо*).

1. Новикова Ю.М. Практичний словозмінно-орфографічний словник прізвищ Центральної та Східної Донеччини / Ю.М.Новикова / Під ред. проф. Т.Ю.Ковалевської та проф. І.Є.Намакштанської. – Донецьк: «Вебер» (Донецька філія), 2007. – 996 с.
2. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён: Более 3000 единиц. – 6-е изд., стереотип. / Н.А.Петровский. – М.: Русские словари, Астрель, 2000. – 480 с.
3. Суперанская А.В. К вопросу о кодификации личных имен // Ономастика и грамматика. Сб. статей АН СССР, Ин-т рус. яз.; Отв. ред. Л.П.Калакуцкая. – М.: Наука, 1981. – С.74-97.
4. Трійняк І.І. Словник українських імен / І.І.Трійняк. – К.: Довіра, 2005. – 509 с.
5. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Б.О.Унбегаун / Общ. ред. Б.А.Успенского. – М.: Прогресс, 1989. – 442 с.
6. Чучка П.П. Історія власних назв. Розвиток імен і прізвищ / П.П.Чучка // Історія української мови: лексика і фразеологія. – К.: Наук. думка, 1983. – С.592-620.

УДК 81'373.611.161.1

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ТОПОНИМОВ С ОБРАЗНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Петров А.В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Таврическая академия (структурное подразделение), г. Симферополь
liza_hada@mail.ru

Ономастика является важнейшим комплексным разделом современного языкознания, которая имеет свой терминологический аппарат, круг проблем и

ряд методов исследований [1, с. 18]. Одним из основных разделов ономастики является топонимика, включающая в себя наибольшее количество объектов исследования. Активно развивается и ономография. Так, «Словарь коннотативных собственных имён» Е.С.Отина является первым в истории русской лексикографии собранием онимов различных разрядов, которые функционируют в языке и речи как обычные собственные имена и как единицы, которые приобрели дополнительные коннотативные значения.

В исследовании представлена методика анализа коннотатом, разработанная профессором Е.С.Отиным и отчасти уточнённая нами. Рассмотрим её применительно к тополексемам.

1. Определить прямое, так называемое «географическое» значение топонима, приводимое в энциклопедиях и справочниках, с целью выявления ядерных признаков, положенных в основу образности.

2. Учесть данные ассоциативных словарей, провести ассоциативный эксперимент и очертить ассоциативные значения носителей языка.

3. Проанализировать контекстуальное значение топонима, опираясь на его окружение и проведя компонентный анализ лексемы с учётом культурно-исторических знаний о денотате. В результате установить список сем, актуализировавшихся в различных контекстах. При этом необходимо учитывать и контексты с урбанонимами.

4. Определить частотность развиваемого контекстуального значения (или значений) и степень их образности.

5. Проанализировать производные лексические единицы и способ их образования. Например: *Мекка-на-Каме. Власти Пермского края планируют увеличить поток туристов к 2020 году в пять раз – до 2,5 млн человек*: <http://www.acexpert.ru>.

6. Определить роль грамматических категорий в развитии коннотативных значений, например, множественного числа [2]. Ср. *Мекка – Мекки. Тур по кулинарным Меккам мира. 200 тысяч долларов, и вы побываете в лучших ресторанах со всего мира*: <http://news.meta.ua/metka>; *Молодёжный чемпионат мира, проходящий в таких мекках, как Торонто и Монреаль, стал подарком всем канадским болельщикам*: <http://news.meta.ua/metka/>

7. Прокомментировать логическую схему сравнения, которая уточнялась в работах А.А.Потебни, В.М.Огольцева, Т.А.Тулиной. Так, в числе средств выражения сравнительных отношений Т.А.Тулина выделяет «эксплицитные (при помощи отдельных словесных знаков) и имплицитные (обусловлено семантикой)» [5, с. 51]. Логическая структура сравнения включает в себя четыре члена: показатель сравнения (m), основание сравнения (C), предметные переменные данного отношения (A , B), а также уточняющие компоненты α – уточнитель A и β – уточнитель B . Ср.: *Чистый район, дешёвый шопинг, отличное обслуживание и развитый туристический сервис – всё это превратило Шэньчжэнь (A) в признанную «туристическую (C) Мекку (B) Китая (α)»*: <http://www.china.su>; *Новая Зеландия (A) – Мекка (B) для молодых (β) карьеристов (β)*: <http://www.kariera.orc.ru>.

Лексически могут быть оформлены все четыре члена логической структуры сравнения, три или два. В одном контексте может быть использовано несколько одноимённых компонентов логической структуры сравнения: *Мекка*

(В) всемирного анархизма (С₁), сумасбродства (С₂), греха (С₃), шалая (α) и беспутная (α) Ялта (А)!: <http://www.крымотека.com>; Увы, идея сделать Усть-Вымь (А) **Меккой** для туристов (С₁) – любителей робинзонады (С₂) – не нашла отклика: <http://www.respublika11.ru>.

8. Описать синтаксическую функцию топонима (составное именное сказуемое, несогласованное определение, представленное приложением, степень распространённости приложения).

Итогом анализа является определение коннотативного фона топонима.

Представим предложенную методику анализа на примере лексемы *Мекка*. «Географическое» значение тополексемы: «*Мекка* – город в Саудовской Аравии, в 70 км от Красного моря. Главный религиозный центр и место паломничества мусульман, родина основателя ислама Мухаммеда». Следовательно, топоним включает следующий спектр денотативных сем: ‘религиозный центр’, ‘святыня’, ‘ислам’, ‘место паломничества’, ‘место собрания большого количества людей’, ‘признанный религиозный центр’, ‘почитаемое место’.

Для рассмотрения развившихся коннотативных созначений данной тополексемы обратимся к «Словарю коннотативных собственных имён» Е.С. Отина: «1. Место притяжения людей, вызывающее повышенный интерес. *Институт Склифософского был Меккой*. 2. Признанный центр чего-либо. *Один за другим гаснут огни на Бродвее. Мекка театрального искусства...* 3. Почитаемое место. *И вот опять сомкнулись веки – Стою и грежу наяву. О грустный вздох родимой Мекки! Я столько лет тебя зову*» [4, с. 235].

Ассоциативные значения топонима: *Израиль, храм, Медина, турист, паломник, храм, мусульманин, поклонение, восток, мечеть, память, поездка, центр, святыня, ислам, город, Мухаммед, молитва, религия, вера*: <http://www.reright.ru>.

Проанализируем логическую структуру сравнения в контексте *Крым (А) как (т) Мекка (В) туризма (С)*. В нём лексически оформлены все четыре члена логической структуры сравнения, что является довольно редким явлением, поскольку зачастую в контекстах не представлен показатель сравнения – сравнительный союз *как*.

Синтаксическая функция топонима – составное именное сказуемое. Лексическая единица входит в состав генитивной конструкции, возможна конструкция с предлогом *для*. Ср.: *Тапольца – Мекка для астматиков. Под городом Тапольца есть «сухие» пещеры. В них была выделена и оборудована территория для лечения пациентов*: <http://www.astrea-tour.ru>.

Генитивная конструкция часто выносится в заголовок. Ср.: *Мекка байдарочников. Усть-Донецкий район – это уникальный историко-природный комплекс*: <http://www.geocaching.su>; *Мекка армрестлинга*: <http://www.armsport.spb.ru>; *Мекка для рыболовов. В Краснодарском крае общая площадь водохранилищ 60 тыс. гектаров и 55 тыс. га прудов и озёр*: <http://www.rybolovnn.ru>.

Топоним распространяют препозитивные адъективы, такие, как *антикварный, горнолыжный, медицинский, туристический, настоящий* и др., которые могут выполнять функцию компонента С: *Старочеркасск – туристическая Мекка*: <http://www.yndx.ru>; *Бахчисарай – настоящая «Мекка»*

туристов: <http://www.perekor.info>; Геленджик – экскурсионная Мекка: <http://www.myvideo.az>.

Определяемый субстантив-топоним в родит. падеже выступает в качестве гиперонима по отношению к компоненту *A* и выполняет функцию α . Ср.: **Бад Гаитайн** (*A*) – горнолыжная (*C*) **Мекка** (*B*) **Австрии** (α): <http://www.euguide.ru>; **Новый Афон** (*A*) – туристическая (*C*) **Мекка** (*B*) **Абхазии** (α): <http://www.bestmaps.ru>.

В качестве компонента α может выступать и адъектив. Ср.: *Для казахов и прогрессивной части бухарцев* **Троицк** (*A*) стал «**Уральской** (α) **Меккой** (*B*)» – в медресе «*Расулия*» ездили учиться со всей Средней Азии: <http://www.pochel.ru>.

Лексическая единица, выполняющая функцию компонента *A*, часто опускается в заголовках. Ср.: *Новая* (β) «**мекка**» (*B*) *туризма* (*C*) *в Коми* (α): <http://www.rkomi.ru>. Наблюдения свидетельствуют о том, что в образных контекстах с тополексемой *Мекка* частотен компонент *A* со значением локатива.

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика / В.Д.Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Калинин В.М. Поэтика онима / В.М.Калинин. – Донецк, 1999. – 408 с.
3. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М.Огольцев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, – 1978. – 160 с.
4. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С.Отин // Донецк: Юго-Восток, 2004. – 412 с.
5. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке / Т.А.Тулина // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 51-62.

УДК 81'367

К ВОПРОСУ О ПОЛУПРЕДИКАТИВНОСТИ УТОЧНЯЮЩИХ И ПОЯСНЯЮЩИХ ОБОСОБЛЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сафронова Н.А.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
natalia_1271@mail.ru

В современной лингвистике широко распространена точка зрения, согласно которой обособленные члены предложения относятся к полупредикативным конструкциям. Традиционно под полупредикативностью понимается значение добавочного сообщения (утверждения), характерного для обособленных членов предложения. Это значение можно считать семантической составляющей полупредикативности. Вместе с тем неоднократно отмечалось, что полупредикативность имеет и собственное грамматическое выражение в категориях относительного времени, сопутствующей модальности и персональности [6: 206].

В то же время в «Русской грамматике» (1980) все обособленные члены предложения разделены на 2 типа: 1) полупредикативные и 2) поясняющие (или уточняющие) [4: 181]. В результате подобного деления уточняющие и поясняющие члены лишаются статуса полупредикативных конструкций. Между тем эта точка зрения не может не вызывать возражений. В. Матезиус полагал, что в оценочных приложениях «предикативная функция не так сильна, как в пояснительном и уточнительном приложениях» [1: 505]. Е.С.Скобликова, говоря

об обособленных уточняющих конструкциях, замечает, что «в широком понимании даже и этим обособленным членам предложения присущ элемент полупредикативности..., что обнаруживается в возможной иногда замене их придаточными или вставными предложениями» [5: 254]. С.В.Мещеряков и В.И.Чуглов также полагают, что для уточняющих и поясняющих членов характерна «неполная предикативность») [2, 7].

Согласимся с точкой зрения В.И.Фурашова, который замечает, что «разбиение всех обособленных членов на полупредикативные и поясняющие (уточняющие) осуществлено на разных основаниях: полупредикативность понимается как явление конструктивно-синтаксического уровня, а пояснение (уточнение) как явление логико-синтаксического уровня» [6: 205].

Действительно, понимание полупредикативности как значения дополнительного сообщения, утверждения, не препятствует отнесению к полупредикативным уточняющих и поясняющих членов предложения, т.к. уточнение и пояснение – разновидности добавочного сообщения. Кроме того, в качестве одного из критериев отнесения члена предложения к полупредикативным лингвисты отмечают «имеющуюся обычно возможность замены обособленного члена придаточным предложением, однородным или второстепенным сказуемым» [3]. Полупредикативность уточняющих и поясняющих конструкций также может проявляться в возможности в большинстве случаев замены этих конструкций полипредикативными. Ср: *Вихрова взяли позже, по возвращении домой (Л.Леонов) – Вихрова взяли позже, когда он вернулся домой; На юге, в волостях, населённых украинцами, красные мобилизовали молодёжь (М.Шолохов) – На юге (это было в волостях, населённых украинцами) красные мобилизовали молодёжь.*

Грамматические составляющие полупредикативности – категории относительного синтаксического времени, сопутствующей модальности и персональности – также присутствуют в названных конструкциях и могут быть представлены имплицитно или выражаться при помощи специализированных средств – лексико-грамматических показателей темпоральности, модальных слов и частиц: *В прежнее время, – допустим, в шестнадцатом году, – я мог избить казака, рискуя тем, что в бою он мне пустит в затылок пулю, а после февраля пришлось свернуться...* (М.Шолохов); *Где-то недалеко, сзади, наверное в хвосте роты, шла батарея* (М.Шолохов); *Они (нигилисты) популяризировали естественнонаучную, т. е. в то время материалистическую, философию* (Н.Бердяев). Полагаем, что немногочисленность таких примеров связана с теми логическими отношениями, которые представляют собой уточнение и пояснение. Если уточнение понимать как сужение объёма понятия, а пояснение как тождество, равнозначность соотносимых понятий, то очевидно, что совпадение модально-временного плана уточняющей или пояснительной конструкции с модально-временным планом предикативной основы будет наиболее обычным для данных конструкций. При этом возможность включения лексико-грамматических показателей субъективной модальности и темпоральности в состав уточняющих и поясняющих обособленных конструкций также доказывает их полупредикативную природу.

Особый интерес вызывают деепричастные конструкции, которые традиционно относят к полупредикативным конструкциям, то есть им

приписывается значение относительно самостоятельного добавочного сообщения (утверждения или отрицания). Однако есть случаи, когда деепричастия и деепричастные обороты выполняют функцию пояснения: *В таком случае это будет уже совершенно новый и оригинальный способ выигрывать тяжбы – убивая противников на дуэли (Ф.Достоевский)*. Для введения деепричастной конструкции в подобных случаях может использоваться и такое традиционное средство присоединения обособленных оборотов со значением пояснения, как союз *то есть*: *Всё это Кислородов сообщил мне даже с некоторою щеголеватостию бесчувствия и неосторожности и как будто делая мне тем честь, то есть показывая тем, что принимает и меня за такое же всеотрицающее высшее существо, как и сам он, которому умереть, разумеется, ничего не стоит (Ф.Достоевский)*. Лишать поясняющие деепричастные конструкции при этом полупредикативного статуса вряд ли целесообразно. Отношения пояснения представляют собой не что иное, как интерпретацию автором ситуации, названной в предикативной части. Деепричастные конструкции со значением пояснения могут иметь в своём составе показатели субъективной модальности (например, неуверенности, предположительности и др.) и относительного времени. Относительное временное значение таких конструкций может быть квалифицировано как псевдовременность, которая характерна и для деепричастий интерпретативно-оценочного типа. Лишая поясняющие деепричастные конструкции полупредикативного статуса, мы тем самым должны признать неправомерность отнесения к полупредикативным и деепричастных конструкций, представляющих собой оценку или интерпретацию ситуации, представленной глаголом, с которыми поясняющие конструкции имеют много общего как с точки зрения семантики, так и с точки зрения общности проявления категории относительного синтаксического времени.

Таким образом, на наш взгляд, поясняющие и уточняющие обособленные конструкции также могут быть отнесены в разряд полупредикативных, а разбиение обособленных членов на полупредикативные, с одной стороны, и уточняющие или поясняющие, с другой, оказывается не вполне корректным и требует дальнейшего рассмотрения.

1. Матезиус, В. Язык и стиль [Текст] / В.Матезиус // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1967. – С. 444-523.
2. Мещеряков, С.В. О полупредикативности поясняющих членов предложения [Текст] / С.В. Мещеряков // Языковые значения, формы и категории: Сборник научных статей к 70-летию профессора В.И. Фурашова. – Владимир, 2005. – С. 110-123.
3. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова // <http://www.diclemedicaljournal.com/>
4. Русская грамматика. В 2 тт. [Текст] / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 710 с.
5. Скобликова, Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие [Текст] / Е.С.Скобликова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.
6. Фурашов, В.И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения [Текст] / В.И.Фурашов // Многоаспектность синтаксических единиц. – М.: Прометей, 1993. – С. 204-216.
7. Чуглов, В.И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке (структурно-семантический аспект): Автореф. дис. ...докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / В.И. Чуглов. – Ярославль, 2012. – 45 с.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПЕРИФЕРИИ ДЕНОТАТИВНОГО КЛАССА <РОСА>

Симашико Т.В.

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
t.simashko@narfu.ru

В лингвистике последних лет вопросы о способах структурирования семантического пространства, о возможности представления его в виде когнитивных моделей, о специфике закрепления в языке познаваемого мира являются наиболее актуальными и обсуждаемыми [Воркачев, 2009; Кори́на, 2013; Методологические проблемы, 2001; Семенова, 2006; Теркулов, 2010; Ширшикова, 2012 и многие другие].

Одним из путей описания многообразной информации, сложившейся в языковом сознании и находящейся в постоянном воспроизведении и производстве, считаем фрагментацию языковой картины мира посредством денотативных классов как сложных единиц, отражающих совокупное знание об определенном объекте действительности. В этом отношении единицы, включенные в денотативные классы, рассматриваются в аспекте реализации кумулятивной функции языка. Следовательно, если речь идет об одном из объектов, то единицы, репрезентирующие его, должны быть однородными. Однако если освоение определенной сущности мира, накопление о ней информации и закрепление ее в знаках происходит в разных жизненных сферах, то состав денотативного класса в принципе не может быть однородным.

Условием «примирения» неоднородности состава и однородности информационного поля денотативных классов могут стать принципы их формирования. Определяющим из них считаем создание ядра (базового фонда) единиц, составляющих однородную, хотя и неструктурированную на первоначальном шаге анализа совокупность. Их однородность определяется наличием в значениях единиц или во внутренней форме одного и того же денотативного признака, причем он не обязательно занимает доминантное положение, так как независимо от его позиции в значении, он имеет отношение к выражению какой-то доли смысла того объекта, который им назван. Например, доминантным признаком в слове *вьюн* – ‘мелкий песок, легко поднимаемый ветром’ Карг. Олон. [СРНГ, вып. 6, с. 66] – является признак ‘песок’, однако наличие признака ‘ветер’ позволяет включить данное слово в денотативный класс с таким же именем наряду со многими другими единицами, отражающими свойства, действия, качества этого природного явления.

Следовательно, денотативная общность единиц создает смысловую (информационную) однородность, а сам денотативный признак можно признать именем соответствующего класса. Полученные таким образом денотативные классы интересны в разных отношениях. Они различны по объему, что позволяет судить о степени разработанности того или иного из них, а значит и о внимании людей к отдельным явлениям природы. Отличаются они и по составу исконных

и заимствованных единиц, по насыщенности или незначительности однокорневых слов среди единиц внутри класса, по их преимущественной принадлежности к различным частям речи. Неодинаковы они по объему номинаций в виде словосочетаний в сравнении со словами, различаются своей интерпретационной «энергией», проявляющейся в степени развитости переносных значений слов и продуцировании фразеологизмов.

И все же представляется, что самым существенным является то, что включение в денотативный класс единиц не только литературного языка, но и различных диалектов является основанием для утверждения того, что их совокупность, скрепленная единым формально-семантическим признаком, достаточно полно репрезентирует обозначенный соответствующим именем фрагмент национальной картины мира. Поэтому моделирование концептуальных структур на их основе, думается, позволяет представить накопленный запас общенародных знаний о том или ином объекте.

Вместе с тем поскольку познание мира многогранно, и наряду с его повседневным освоением сложились и иные способы, преследующие другие цели, обладающие собственными средствами и выполняющие свои функции, то, располагая сведениями о наличии определенного запаса знаний о том или ином объекте, можно имя денотативного класса использовать как имя-метку с целью привлечь сведения, накопленные в иных сферах, например, в научной или художественной. Тем самым, помимо ядра денотативного класса, может быть выделена его периферия, как дальнейшее знание в противовес ближайшему, если использовать термины А.А. Потебни.

Следовательно, этот шаг переводит анализ на иную ступень. С одной стороны, он позволяет выявить материал, органично связанный с тем запасом сведений, который представлен базовым фондом (ядром) денотативного класса, а значит, не нарушает его единства. Даже, напротив, поддерживает, ведь известно, что нет неизменных границ между разными сферами: например, по мере усвоения языковым коллективом каких-то понятий многие ранее научные термины переходят в обиходный язык, хотя, возможно, и не в полной мере сохраняя их содержание. С другой стороны, вполне обозримый состав ядра денотативного класса, который позволяет моделировать концептуальные структуры, отражающие устоявшиеся знания об определенном фрагменте мира, дает возможность определить разную степень их активности в других сферах, выявить, за счет чего расширяется, углубляется, дублируется или индивидуализируется периферия.

Обратимся к некоторым примерам, раскрывающим сопоставление концептуальных структур и признаков, которые установлены на материале ядра денотативного класса <роса> и его эстетической периферии.

Анализ единиц базового фонда денотативного класса <роса> показал, что данное явление природы осмысливается и как предмет, и как процесс, однако эти концептуальные признаки «рассредоточены» в разных группах единиц, причем признак процесса проявляется в степени интенсивности и его фазах. Тогда как в высказываниях, извлеченных из художественных текстов, с их направленностью на создание целостного микрообраза, описание росы предстает одновременно в его предметных и процессуальных признаках. Нередко роса изображается в

сочетании таких признаков, которые вовсе не выявлены в базовом фонде. Например, такими являются признаки ‘блеск’ и ‘цвет’ росы: *Бесчисленными алмазами блестит на листьях деревьев роса* (И. Соколов-Микитов); *Шелестят золотые сережки, / И горят серебряные росы* (С. Есенин); *И сверкает поле / Утренней росой, / Точно изумрудом / Или бирюзой* (И. Суриков). Сам признак цвета может раскрываться в момент его «становления»: *Капли росы на них, наливаясь солнцем, желтели* (В. Попов).

В отличие от базового фонда, в котором представлен концептуальный признак размера капель росы – ‘мелкие’, в художественных текстах капли росы изображаются крупными: *Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы* (И. Тургенев); *<...> везде блестели росинки, кое-где внезапно загорались крупные капли* (И. Тургенев); *Роса на всем – сединой лежит на валунах, крупными каплями, готовыми вот-вот сорваться, – на колосьях, на стеблях полевых цветов* (Е. Богданов).

В художественных текстах концептуальный признак ‘ограничение существования росы отдельными отрезками суточного времени’ может реализоваться как целенаправленное действие утра или солнца: *Загорелось утро по-летнему <...> / А потом поползло по земле, словно крадучись, / Где жемчужинки, где и алмазинки / У росистой травы отбираючи* (Л. Мей); (Солнце) *По лугам с травы высокой / Росу собирает, / И от солнечного зноя / Поле высыхает* (И. Суриков).

Роса может изображаться как побудительная сила, обостряющая восприятие запаха, цвета: *Море пахло остро, так пахнут огороды, обильно политые росой* (К. Паустовский); *Но на предрассветной заре деревья, травы, и цветы опять оденутся в краски, гораздо более яркие, чем днем, потому что эту яркость придаст им роса* (К. Паустовский).

Разумеется, в художественных текстах часто находят выражение и такие концептуальные признаки, которые выявлены в базовом фонде: *Друг, проснись! давно зарею / Ночка темная сменилась, / И, умывшись росой, / Зелень снова оживилась* (С. Григорьев); *Часы бежали. Небо потемнело; / С росой на землю пала тишина* (М. Лермонтов); *Ты всю ночь проходила по крохотной той / Колдовской и росистой тропинке июня* (Вл. Луговской). Употребляются нередко и устойчивые сочетания, которые отражают народное представление о росе как о Божьем даре, сохраняя высокую стилистическую окраску: *Спят луга, спят леса, / Пала божия роса* (А. Блок).

Нередко скрыто или явно роса сравнивается со слезой (со слезами), сопрягаясь в некоторых контекстах с печальным, горестным или благостным состоянием души: *Недвижен воздух, замерла вода, / Роса, как слезы, связана с утратой* (И. Эренбург); *А роса в лесу – как слезы / На серебряных ресницах* (С. Клычков); *Открылся мир прекрасной грезы, / И засинели небеса, / Как благодарственные слезы, На розах вспыхнула роса* (Д. Мережковский).

Несомненный интерес представляет собой употребление образа росы как тропа, что соответствует специфике поэтического мышления, особым средствам его выражения. В этих случаях наиболее ярко проявляется потенциал слова-образа, например, *Я из теплого тлена прорвусь, / Хоть былинкой вернусь / на любимую Русь. / На вечерней заре / упаду под косою / и заплачу от счастья /*

прозрачной росой (В. Костров). Образ росы и слез (*заплачу от счастья*) внутренне взаимосвязаны, ассоциативно вызывая в сознании признаки чистоты, духовного очищения.

В художественных сравнениях предмет и объект всегда оказываются взаимодополняющими, глубокими, открывающими простор для ассоциаций: *Я подумал – она бессильна, прекрасна и бессильна, как роса* (В. Гроссман); *Что ж! Юность росой отдымилась, / И встретила зрелость зарю. / И август сдаётся на милость / Идущему вслед сентябрю* (М. Дудин); *С чем же сравнить/ Тело твое, человек? Призрачна жизнь, Словно роса на траве, / Словно мерцанье зарниц* (А. Яшкин). Обращение к образу росы, как видно даже из немногих приведенных примеров, возникает в лирических и философских раздумьях писателей разных поколений, обнаруживает в русском сознании значительный нравственный и эстетический потенциал этого слова-образа. В целом состав единиц эстетической периферии находится в соответствии с преимущественной позитивной оценкой, которая выявлена на материале ядра денотативного класса <роса>. Созвучно сказанному и следующее высказывание: *Достоевский считал произведения литературы росой, которая должна благотворно лечь на души молодого поколения* [Б. Кенжеев).

Таким образом, фрагментация семантического пространства посредством выделения денотативных классов дает возможность представить семантическую целостность определенного объекта действительности и его внутреннюю дифференциацию, которые отражаются в разноструктурных единицах, хранящихся и участвующих в производстве новых смыслов в различных сферах деятельности людей.

1. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 25 – 36.
2. Воркачев С.Г. Категориальный синтез: от лингвокультурного концепта к лингвокультурной идее // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Серия: Филологические науки, 2009, № 2 (36). – С. 4–18.
3. Корина Н.Б. К вопросу о когнитивной оценке пространственных моделей в языке // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. 10 (138). – С. 159–162.
4. Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 182 с.
5. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (последнее обращение 15.04.2016). Часть материала взята из картотеки, собранной автором.
6. Семенова Т.И. Экспериментальная семантика модуса кажимости // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Том 4. вып. 1. – С. 5–13.
7. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова; отв. ред. С.А. Мызников. – Вып. 1 – 46. М.; Л.; СПб: Наука, 1965 – 2013. (в тексте – СРНГ).
8. Теркулов В.И. Номинатема: опыт определения и описания / научный ред. М.В. Пименова. – Горловка: ГГПИИЯ, 2010. – 307 с.
9. Ширшикова Е.А. Категоризация действительности по признакам «тяжелый», «легкий» прилагательными английского языка // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 60–63.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВЕ И ТЕРМИНЕ

Стебунова А.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
alla.stebunova@mail.ru

В деривационном аспекте проблема отношения *термин–слово* представлена в работах С.Ю. Адливанкина, Л.Ю. Буяновой Л.М. Алексеевой. Прежде всего отметим, что значительный вклад в понимание рассматриваемой проблемы был сделан в связи с разработкой дериватологической школой концепции словообразования.

Мы рассматриваем понятие двойственности природы термина преимущественно как свойство противоречивости, и наполняется двумя смыслами. Во-первых, данное понятие трактуется как неоднозначность термина. Термин – это такой код, который в отличие от кода естественного языка носит более условный, абстрактный характер; но особенностью термина как знака в отличие от других знаков (символов), используемых наукой, является то, что это – *языковой* знак. А это означает невозможность окончательной аксиоматизации его значения. Таким образом, в термине как языковом знаке (вербальном символе), с одной стороны, заложено свойство быть средством формализации и абстрагирования, а с другой – актуализированы все свойства языкового знака. Именно в этом смысле понимается нами неоднозначность термина.

Во-вторых, двойственность термина в аспекте нашего исследования трактуется как свойство принадлежать конкретному тексту и одновременно многим текстам. Нам представляется, в настоящее время в терминоведении несколько недооценивается явление двойственности термина. Это приводит к невозможному с точки зрения динамики языка пониманию термина как варианта слова естественного языка.

Решение проблемы двойственности природы термина, заключающейся в том. Что термин принадлежит одному и одновременно многим текстам, можно осуществлять путем введения понятия дефинитивного критерия статуса термина. Основываясь на этом критерии, можно утверждать, что термин порождается в конкретном тексте через дефиницию, в то время как дефиниция порождается на основе предшествующих концепций, которые присутствуют во множестве ранее порожденных текстах.

Результаты анализа современных терминологических исследований позволяют заключить, что в них содержится своеобразный парадокс, который можно сформулировать следующим образом: термин не зависит от контекста и одновременно зависит от него. До недавнего времени господствовало только одно мнение: термин не зависит от контекста. Например, в работе И.С. Квитко [2, с.73]. указывается на то, что «поскольку каждый термин в идеале может иметь только одно значение, обусловленное содержанием соотносимого с ним понятия и раскрываемое в дефиниции, он должен быть понятен вне контекста».

Приоритет установления зависимости термина от контекста принадлежит представителям логического направления в лингвистике – В.В. Налимову [4],

В.В. Петрову [5]. В собственно терминологической литературе под влиянием «инженерного» направления сформировалось противоположное мнение: «независимость термина от контекста – важное свойство упорядоченных терминологических систем». Это утверждение основывается на концепции Д.С. Лотте [3, с. 45].), который считал, что «смысловое содержание термина обусловлено тем понятием, которое данный термин должен выражать... не может зависеть от того предложения, в котором он употреблен, а должно определяться лишь всей системой понятий и соответственно терминологией данной области знания».

В рамках динамической концепции термина решение указанного парадокса зависит от осознания двойственной природы термина, «Независимость термина от контекста должна пониматься как одновременная зависимость (через дефиницию) от других текстов, и, наоборот, зависимость термина от текста означает одновременную независимость от других текстов из-за другой, более высокой степени абстракции, которая делает возможным порождение термина только в определенном тексте, на определенной ступени развития знания».

В.В. Налимов [4, с. 350] полагает, что «если кто-нибудь, читая серьезную статью по математической статистике, встретит незнакомые ему термины и захочет воспользоваться специальным толковым словарем терминов, то это не принесет ему большой пользы, поскольку важно знать не просто строгое определение термина, но и все те концепции, которые с ним связаны. Таким образом, этот языковой барьер можно назвать, если угодно, и концептуальным барьером».

Таким образом, на наш взгляд самое удачное решение проблемы соотношения термина и слова естественного языка представлено в работах функционального направления, главной из которых мы считаем исследование В.П. Даниленко [1]. В нем терминология анализируется в пределах той системы, в которую она естественным образом входит, т.е. в составе лексики языка науки, рассматриваемой как «функциональная подсистема, формирующаяся на базе естественного языка».

1. Даниленко В.П. Русская терминология. – М.: Наука, 1978. – 230 с.
2. Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.В. Терминологические проблемы редактирования. – Львов, 1986. – 86 с.
3. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. – М., 1961. – 110 с.
4. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1974, - 112 С.
5. Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. – 1988. – №2. – С. 39-48.

УДК 376.68 – 056.87

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

Сторчак Л.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
e.grechina@donnu.ru

Культура коммуникации – это одно из психолого-педагогических и методических требований, составляющих профессиограмму преподавателя, обучающего студентов русской речи.

Многие педагоги прошлого и современности подчеркивали, что учителю на уроке нужны эмоциональность, инициативность, артистизм, целеустремленность и т.д. Однако преподаватель-русист должен прекрасно владеть языком. Его речь является не просто средством передачи новых знаний, навыков, умений, не просто средством демонстрации правильного языка, но и средством педагогического воздействия, формирования высокоуровневой мотивации обучаемых. В этом стимулирующая, организующая, контролирующая функции речи преподавателя русского языка.

Речь преподавателя сопровождают средства выразительности: интонация, логические ударения, громкость, тембр речи. Актуальны при работе в аудитории и невербальные средства: мимика, жесты, позы, телодвижения.

Лингвистические исследования конца XX – начала XXI в.в. отмечают влияние стихии разговорного языка, в частности, на «организованную речь», к которой относится и речь преподавателя. В настоящее время снижается уровень качества произношения. Это прослеживается в нечеткости артикуляционных переходов, в различных видах компрессии слов, словосочетаний, в заглушении тембровых характеристик звуков основным тоном (т.е. интонация выражена, а звук различается недостаточно); в частотности пауз и их звуковом наполнении, сопоставимом со словесными «сорняками»; в смысловом и стилистическом нарушениях при использовании интонационных средств и т.д.

Леонтьев А.А., определяя общение как процесс установления и поддержания контакта между людьми, полагал важным создание между ними психологического контакта (2,58). Им подчеркивалась важность языковой и невербальной специализации речевого воздействия. Важной внутренней характеристикой общения является полиинформативность (1,38). Это единство содержательного, выразительного и побудительного планов высказывания. Преподаватель только тогда сможет правильно решать коммуникативные задачи, если он умеет соединить в педагогическом общении «преподаватель – студент», а затем и «студент – студент» информативную и эмоционально-волевою сферы.

Вызывает интерес умение преподавателя русского языка ставить вопросы. Вопрос преподавателя – один из ведущих речевых актов урока. Функции вопроса в общении и поведении многообразны: способ получения информации (информационный вопрос), способ подтверждения предположения (подтверждающий вопрос), организующее средство (вступительный вопрос), средство проверки внимательности (контрольный вопрос). На уроках русского языка используются закрытые – открытые – зеркальные, однополюсные – встречные – альтернативные вопросы, вопросы для ориентации и др.

Преподаватель русского языка должен уметь сам через постановку вопроса решать дидактические задачи и учить их пониманию студентов. Важна при этом не только семантика, но и просодия вопроса. Например, при проверке домашнего задания материала предыдущего урока, т.е. при проведении устного опроса, при выполнении упражнений на активизацию языковых и речевых знаний, навыков, умений – просодические средства, которые преподаватель избирает при формировании вопроса, включает пословное акцентирование, повышение громкости, замедление темпа.

Необходимо отметить, что в методике (теории и практике обучения русскому языку) многое ещё не исследовано: это и «лингвистика» языковых,

речевых, коммуникативных ошибок, это и возможности компьютерной дидактики, это и аспекты коммуникативной компетенции русиста и др. Для реализации контактоустанавливающих, оценочных и др. коммуникативных намерений необходимо владеть умением выбирать для конкретных целей различные средства речевой выразительности.

Известно, что язык располагает огромным количеством интонационных смыслов. Среди них строгость, уверенность, удивление, восхищение, ирония, нежность, возмущение, неуверенность, неискренность. Чтобы обучать студентов культуре речи, преподаватель русского языка должен сам уметь адекватно пользоваться этими тонкостями русской речи. Преподаватель русского языка должен владеть орфоэпическими, грамматическими нормами русского языка. Это касается и исконно русских слов, и заимствований. Особенно это важно, когда обучаются студенты, владеющие русским языком.

1. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. – М., 1989.С. 38.
2. Леонтьев А.А. Психология общения. – Тарту, 1974.С.58

УДК 81'373.611

ПРОЕКТ ТОЛКОВО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Теркулов В.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
terkulov@rambler.ru

1. Создаваемый экспериментальной группой кафедры русского языка ДонНУ «Толково-словообразовательный словарь сложносокращенных слов русского языка» (далее – Словарь) – это не альтернатива уже существующим Словарям сложносокращенных слов. Это словарь другого типа – толково-словообразовательный, а точнее – «толково-эквивалентностный». Создание такого Словаря обусловлено необходимостью расширить информацию о сложносокращенных словах (далее – ССС) для нужд редактирования и перевода. Задачи словаря: всесторонне описать базовый блок апеллятивных узуальных ССС языка (сейчас словник словаря составляет ок. 70000 ед.); дать наиболее полную актуальную характеристику ССС: орфоэпическую, орфографическую, грамматическую, лексическую, стилистическую и историческую; описать систему возможных текстовых эквивалентов ССС; установить «этимологию» / деривационную историю ССС.

2. ССС мы считаем сложное слово, в составе которого обнаруживается «редуцированный(ые)» компонент(ы) – аббревиационный(ые) конструкт(ы) (АК). В языке обязательно должен существовать деривационно связанный с ССС синтаксический эквивалент. В случае если синтаксических эквивалентов слову не обнаруживается, мы говорим о переходе АК в разряд аффиксоидов и не рассматриваем слово с таким АК в Словаре. Например, мы считаем ССС слово **зоофак**, поскольку параллельно в текстах употребляются деривационно связанные с ним и функционально и семантически эквивалентные ему

наименования *зоологический факультет* и *факультет зоологии*. В то же время за пределами Словаря остается слово *зооинженер*, поскольку оно не имеет синтаксического эквивалента, и поэтому находящийся в его составе компонент *зоо* трактуется нами как аффиксоид.

3. За пределами Словаря остались также онимные номинации (эргативы, прагматонимы и т.д.), например ДонНУ, ФИФА и под., и маркировочные наименования типа АК-24, ЛС-26 и под. Кроме того, в Словарь не вошли текстовые сокращения, создаваемые авторами научных статей для сжатия текста, а также узкоспециальные графические сокращения типа ТГ (тематическая группа), ЯМ (языковая метафора) и под.

4. Мы, соглашаясь с мнением авторов словарей сокращений, что частичносокращенные слова (ЧСС) типа *автодрезина*, *электроутюг* обычно легко понимаются и не нуждаются в расшифровке, все-таки включаем их в Словарь по следующим причинам:

а. для полноты описания системы ССС языка;

б. такие слова могут заменяться в текстах большим количеством деривационно связанных с ними текстовых эквивалентов, знание которых может оказать помощь литературным редакторам и переводчикам. Например, ССС *автозапчасти* имеет в качестве эквивалентов такие единицы: *запчасти*; *автомобильные запчасти*; *автомобильные запасные части*; *запчасти для автомобиля*; *запчасти для авто*; *запасные части для автомобиля*; *запасные части для авто*;

в. достаточно часто ЧСС все-таки требуют дополнительного толкования. Неясность трактовки может быть вызвана симультанностью АК (термин А. Бровца). Например, *электроудочкой* могут назвать и электрическую удочку, и электронную удочку, но это разные приспособления, и их различие должно быть объяснено в словаре. Кроме того, не всегда расшифровка ЧСС позволяет определить его значение. Например, расшифровка ЧСС *ветгруз* (*ветеринарный груз*) все равно не отвечает на вопрос о том, что значит это слово/словосочетание; расшифровка ЧСС *автокомбинат* (*автомобильный комбинат*) также мало информативна.

5. Структура словарной статьи включает следующие блоки: блок 1 – заглавное слово и актуальные системные характеристики ССС, блок 2 – текстовые эквиваленты ССС, блок 3 – толкование значения (значений) слова, блок 4 – синонимы и гипо-гиперонимы, блок 5 – производные слова, блок 6 – «этимология» / деривационная история слова.

6. Блок 1. Заглавное слово, орфоэпическая информация – указание на особенности произношения ССС, варианты написания, грамматическая информация, например: *Автогóнка* (не рекомендуется *авто-гонка*), *-и*, ж.

7. Блок 2. Система текстовых эквивалентов. Нами различается текстово-деривационная эквивалентность и текстово-модификационная эквивалентность.

а. **Деривационные текстовые эквиваленты (ТДЭ)** – функционально и семантически тождественные ССС и деривационно связанные с ним слова и словосочетания. В словарной статье после пометы ТДЭ первым приводится наиболее частотный ТДЭ, а затем после точки с запятой через запятую – менее частотные:

А́втомобѳнка, -и, ж. Спортивные соревнования в скоростной езде на автомобилях. ТДЭ: *автомобильная гонка; гонка автомобилей, гонка на автомобилях.*

б. Под **текстово-модификационной эквивалентностью (ТМЭ)** мы понимаем ситуацию текстовой взаимозамены единиц, находящихся в прямых или опосредованных **модификационных** мотивационных (деривационных) отношениях, которые обеспечивают возможность только однонаправленной замены маркированного компонента пары (ССС) немаркированным (но не наоборот).

А́втокосме́тика, -и, (ж. ТДЭ: *автомобильная косметика, косметика для автомобиля, косметика для авто)* ТМЭ: *косметика.*

в. Для слов, имеющих ограничения в употреблении, даются стилевые и стилистические пометы: *А́втоалья́нс, -а, м. Экон.*

г. Рядом со словами, вышедшими из употребления, даются пометы *истор., арх.:* *Нарко́м, -а, м., истор.*

8. Блок 3. Толкование значения слова, например: *А́втокомбина́т, - а, м.* Учебное заведение, обучающее специалистов по автомобильному транспорту.

9. Блок 4. Лексические текстовые эквиваленты, то есть слова, находящиеся с СССР в синонимических (Syn.) или гипо-гиперонимических отношениях (Hiper), но не эквивалентные ему формально.

ААА [а-а-а́] (м., нескл. Терм.: хим. Метод количественного определения элементного состава вещества по спектрам поглощения атомов. ТДЭ: *Атомно-абсорбционный анализ, Атомный абсорбционный анализ, Метод атомно-абсорбционного анализа.* ТМЭ: *Анализ, Абсорбционный анализ, Атомный анализ)* Syn.: *ААС³, ААС⁴ (см.), Атомная абсорбиометрия, Атомная абсорбционная спектрометрия, Атомная абсорбционная спектроскопия, Атомно-абсорбционная спектрометрия, Атомно-абсорбционная спектроскопия, Метод атомно-абсорбционной спектрометрии, Метод атомно-абсорбционной спектроскопии.* Hiper.: *Атомная спектрометрия, Атомная спектроскопия, Абсорбционная спектрометрия, Абсорбционная спектроскопия, Спектрометрия, Спектроскопия.*

10. Блок 5. Производные от СССР слова (после знака *), например: *А́втогара́ж, -а, (м.* Помещение для стоянки, заправки и ремонта автомобилей. ТДЭ: *автомобильный гараж, гараж для автомобиля, гараж для автомобилей, гараж для авто.* ТМЭ: *гараж.* Hiper.: *стоянка, автостоянка) *автогаражный, -ая, -ое.*

11. Блок 6. Этимология (деривационная история, после знака *): производящая единица; тип универбализации или псевдоунивербализации; модель образования, ономазиологическая модель, например: *А́втогара́ж, -а, (м.* Помещение для стоянки, заправки и ремонта автомобилей. ТДЭ: *автомобильный гараж, гараж для автомобиля, гараж для автомобилей, гараж для авто.* ТМЭ: *гараж.* Hiper.: *стоянка, автостоянка *автогаражный, -ая, -ое.) * гараж ■* Квазиабревиация с препозитивным формантом: Суш1ед > АМ[Ч^{осн} Прил1ед] + Суш1ед ♦ Объект: Статус + дестинатив.

12. Пример словарной статьи

А́втомобѳд, -а, м. Завод, на котором изготавливаются автомобили и запасные части к ним. ТДЭ: *автомобильный завод; завод по производству*

*автомобилей, АЗ. ТМЭ: завод. Syn.: áвтогигáнт (см). * áвтозавóдец, -дца; áвтозавóдский, -ая, -ое; áвтозаводскóй, -ая, -ое. * автомобильный завод ■*
Прямая универбализация: Прил1ед+Сущ1ед > ЧоснПрил1ед+Сущ1ед ♦
Объединение людей: Предприятие + дестинатив.

УДК 82

СВОЕОБРАЗИЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ МОЛОДЫХ ФИЛОЛОГОВ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ?

Факторович А.Л.

Кубанский государственный университет
af03@mail.ru

Молодежь как субъект деятельности, включая духовную, речевую и иные, привлекает разностороннее научное внимание. При этом в филологии оно проявляется неравномерно. Отдельные аспекты (от молодежного жаргона до языка школьной прессы) вызывают стойкий интерес ученых. Своеобразие же научного стиля работ нового поколения пока не стало предметом специального изучения; между тем в нем могут быть выявлены перспективные тенденции поисковой деятельности. Задача предлагаемого материала – наметить отдельные специфические черты этого объекта на примере лингвистических статей. Эмпирический материал – статьи научной молодежи, выполненные в исследовательских школах, которые созданы профессионалами старшего поколения; рассмотрено 13 НИР, представленных на международный конкурс, организованный в начале 2016 г. на базе ДНУ.

Поставленная задача нацеливает на два аспекта: на предпосылки стилевого своеобразия и на проявления стилевой специфики. Основная предпосылка внимания к стилю научных работ молодежи носит объектно-гносеологический характер. Для молодежи, в том числе студенческой, верно в этом плане обобщение, высказанное в публицистической работе известным ювенологом и биологом, академиком А.В.Лебедевым: «Обилие жизненных сил закручивает вокруг человека вихри случайностей. Можно так, а можно эдак. Человек пробует себя, ищет свой образ...» [5, с. 14 и след.; см. сходную позицию в парадигме религиозного познания: 4].

Эта предпосылка проявляется в системообразующей роли познаваемых противоречий объекта, в акцентировании контрастов. Отметим три основных проявления «молодежной» стилевой специфики. Первая репрезентация – эмоциональность – своего рода общее место; она ожидаема и подкреплена более общими тенденциями – например, в научно-популярном подстиле [1]. Данное проявление согласуется также с положениями современной лингвоэмотиологии (и даже не требует в настоящих тезисах эмпирического подтверждения).

Столь же ожидаем в данном ряду системный противовес первой репрезентации, второе проявление «молодежной» специфики – усиленная рациональность стиля. Наиболее специфично здесь особое разнообразие аргументативных моделей [см.: 3, с.40-42]. Например, показательна работа, в которой исходной категоризацией является критериальность. Характеристику

открывает многомерная аргументация: **«Квантитативный критерий** Его суть состоит в подсчете коэффициента употреблений в поисковых системах слова и эквивалентного ему словосочетания. Работа с поисковой системой Google осуществляется по модели точного поиска: каждая форма слова и словосочетания берется в кавычки, что позволяет добиться точного результата, отсеив слова или словосочетания не в той форме. Коэффициент употреблений – это частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений словосочетания. Если эквивалентное аббревиатуре словосочетание имеет очень низкий индекс упоминания в поисковых системах, оно однозначно трактуется нами как возникшее в результате псевдоунивербализации. Если коэффициент больше 1, можно предположить, что слово является первичным, а если меньше, то вторичным, поскольку преобладание употреблений словосочетания не может свидетельствовать в пользу его квазиаббревиатурного происхождения – слово создается для экономии усилий, для того, чтобы словосочетание употреблялось реже». («Базовые характеристики гнезда эквивалентности агро-», ИМПЕРАТРИЦА. Здесь и далее приводятся названия и шифры конкурсных работ, которые послужили эмпирической основой настоящих тезисов). Многоаспектная аргументация справедлива благодаря своей упорядоченности для различных объектов и потому обладает повышенной объяснительной силой.

Третья особенность, потенциально и неявно соотносимая с обеими предшествующими, причем выявленная в 11 работах из 13 проанализированных – парадоксализация. Парадоксы органически служат углубленной категоризации, причем соотносятся с имплицитным представлением значимых характеристик [см. об имплицитности на другом материале: 2]. Показательно исследование «Граффити г. Луганска как социокультурное явление и как канал коммуникации» автора, зашифрованного АНДЕГРАУНД. См.: «В своих лучших образцах граффити преодолевают ту ненависть, которой пропитана современная жизнь, и ту ненависть, которой они наделены сами по себе. Их авторов занимают вопросы нашего самосознания, самоопределения, вопросы прошлого и грядущей судьбы».

Объект, с достойной молодежной простотой, определяется парадоксально: через преодоление себя – своего сущностного свойства, ненависти («...графффити преодолевают ту ненависть, которой они наделены сами по себе»). Таким стилевым способом, органичным, отвечающим специфике богатого авторского материала, а потому убедительным, показан и закономерный процесс расширенной категоризации, динамики в семантической структуре термина «графффити». Эта удачная авторская стилевая доминанта нацеливает научную аудиторию на развитие категоризации – и ожидания оправдываются, вновь подтверждая дискурсивную системность материала. См. развитие научного контекста и его сильную, замыкающую позицию научного контекста: «Особенность граффити Луганска состоит в том, что, в общем-то, они выходят за рамки граффити по определению. Их содержание и исполнение пересекается с жанром плаката, и тот факт, что даже муниципальные власти заинтересованы в распространении патриотических граффити (трафареты и «Стена патриотизма» на улице Ломоносова), говорит об их в некотором роде особом статусе, об их особой роли в процессе внедрения официальной политики власти в сознание населения. Кроме того, подобные граффити несут в себе цель патриотического воспитания».

Сущность граффити показана в формировании новых ее явлений: «граффити... выходят за рамки граффити...». Парадокс раскрыт органично, непротиворечиво – и по-ученически свежо. Причем этой динамике соответствует лингвистическая детерминация функциональных возможностей объекта. Судя по привлеченному материалу, отмеченная стилистическая динамика имманентна, носит изначальный, коренной характер и может обладать позитивным потенциалом. Тем более что в «поисках образа» необходимы достойная, сообразная духовно-нравственная опора и интеллектуальная ответственность.

Основной вывод из выполненного анализа – предположительно дифференцированный ответ на вопрос, поставленный в заглавии тезисов. Феномен стиля молодых явлен и в заметных его отличиях от стиля «взрослых», и в предельной близости к нему. Причем неотличимость от слога старшего поколения бывает и проявлением собственной индивидуальности как растворения в дискурсе обобщенного и/или конкретного Наставника. Выявленные репрезентации, на наш взгляд, подтверждают растущую полиэпистемичность научного пространства, а также значимость новых когнитивных процессов [7, 6]. Необязательность, непринудительность отличий парадоксально укрепляет контрастную подсистему – стилевую специфику других сегментов материала, соотносимую и с возрастом. Она определяется не как компенсация того мастерства, которое появляется только в зрелости, а как «дискурсивная точка» научно-профессионального роста.

Единство проявлений, например, сплетение аргументативных моделей как эпистемическая «страховка» от возрастной эмоциональности, – условие тех удач стиля отдельных молодых исследователей, которые даже привычного читателя порой поражают желанной гармонией, оптимизируют подготовку научной молодежи, пробуждают новую энергетику межпоколенческих усилий. По-видимому, синтез живо воспринимаемых традиций, в том числе стилевых, и здоровой поисковой свежести способствует саморазвитию филологии. Конкретизация намеченных различий может быть далее рассмотрена в единстве с поиском «стилистических вызовов» времени, «ювенильных рисков» (например, эпатажности), а также их усвоения-преодоления – в естественной, нередко неявной и оттого особо эффективной опоре на традицию.

1. Габидуллина А.Р. Эмоциональная оценка в научно-популярном лингвистическом тексте // Мир языковых форм / Отв.соредакторы: В.В.Колесов, М.В.Пименова, В.И.Теркулов. - СПб.; Донецк: Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений Минобороны РФ; ДНУ, 2015. – Серия «Концептуальный и лингвальный миры». – Вып. 8. – С.188-191.
2. Гладкая Н.В. Когнитивный потенциал юмористических креолизованных текстов в Интернет-коммуникации // Филологические исследования. – Киев; Донецк: Изд.дом Д.Бураго; ДНУ, 2015. – С.107-115.
3. Гордиенко Д.Я. Прагматические индикаторы аргументативных моделей в научном тексте: Дис... канд.филол.наук. – Ростов н/Д, 2016. – 202 с.
4. Игумен Георгий Шестун. В рамках православной традиции baxrefer.ru/15/dok.php?id=rk118
5. Лебедев А.В. На гобеленах. – М.: Вега, 2015. – 212 с.
6. Мусаев А., Шевчик А. Тихая когнитивная революция // Эксперт. – 2016. – № 4 (972). – С. 44-51.
7. Харитоновна Е.А. Научный текст как полиэпистемическое пространство // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации. – Пермь: ПГУ, 2005. – С.96-101.

СМЫСЛОВАЯ СВЯЗЬ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ

Филатов В.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
anikanych@yandex.ua; taranushchenko@mail.ru

Наблюдения за связной речью свидетельствуют о том, что в её организации активно используются четыре вида связи: грамматическая, структурная, интонационная и смысловая.

В лингвистике наиболее описаны из них структурная и грамматическая связи, хотя при их освещении не удалось избежать противоречий. Достаточно вспомнить решение вопроса о связи в предложении вводных слов и весьма странный вывод об их факультативности (необязательности) в структуре предложения, что не учитывает целей коммуникации и перечёркивает все многообразные функции вводных слов.

В зависимости от коммуникативной цели вводные слова могут быть в смысловом отношении более важными компонентами, чем даже главные члены предложения, когда последние можно вообще опустить, тогда как эксплицитность вводных слов обязательна, ибо они определяют содержание.

Названные виды связи обычно используются одновременно, но не всегда. Интонационная, структурная и смысловая связи обязательны во всех речевых проявлениях. Без интонации, очевидной в устной речи или вписанной в текст, не может быть общения, ибо для автора интонация – это способ интерпретации содержания, а для слушателя или читателя она средство его идентификации.

Грамматическая связь между сочетающимися единицами в речи может отсутствовать. Тем не менее коммуникация будет возможной. Так, вполне можно понять человека, например иностранца, который скажет:

Я хотеть купить этот книга или Как я ехать к аэропорт?

В данных примерах все использованные компоненты представляют структуру. И хотя здесь ни одна из форм не соответствует требованиям грамматики, каждый человек поймёт говорящего. Это обусловлено тем, что, несмотря на некорректную грамматическую связь, здесь сохранена главная речевая связь – смысловая, подкреплённая интонационной и структурной.

Наша цель – показать, что в речи наряду с грамматической связью компонентов успешно используется в качестве самостоятельного средства организации ситуативно-смысловая сочетаемость или, как квалифицировал её академик Л.В. Щерба, “сложение смыслов” исходных знаменательных единиц, а также определить виды смысловой связи в структуре речи.

В устном общении людей, хорошо знакомых с ситуацией, нередко представлена смысловая связь без грамматической. Она возможна в тех случаях, когда слова обозначают предметы, признаки, свойства, действия, которые не предполагают, но и не отрицают друг друга, а в той или иной речевой ситуации могут оказаться в соотносительных связях, содержательно дополняя друг друга. Ср.:

- *Сообщал ли кто-либо Петрову о конференции?*
- *Я ещё месяц назад, / причём лично ему / по телефону.*

Если бы было невозможным смысловое сочетание субъекта и времени его действия (*Я – ещё месяц назад*) или субъекта, адресата и способа действия, а также инструмента действия (*Я – лично ему – по телефону*), то эта так называемая неполная речевая структура была бы невозможной.

Кстати, с информативной точки зрения речевую структуру ответа нельзя считать неполным предложением: она исчерпывающе передаёт информацию. Смысловое объединение знаменательных единиц сопровождается здесь соответствующей интонацией и является важным, даже главным средством построения связной речи с целью передачи актуальных фактов и акцентов конкретной информации, в которой собеседнику неизвестны именно они.

Впервые смысловую связь слов в речи как объективный самостоятельный способ её организации отметил Л.В. Щерба. Он констатировал, что организации речи служат как грамматическая связь, так и ситуативно-смысловая сочетаемость (“сложение смыслов”).

Примером речи, основанной на “сложении смыслов”, можно считать фрагмент стихотворения А. Блока, рисующий картину ночного города:

*Ночь, / улица, / фонарь, / аптека, /
Бессмысленный и тусклый свет...*

Синтагмы здесь сочетаются путём “сложения смыслов”, которые, не противоречат друг другу, создают общую картину, а их грамматические формы и значения, благодаря интонации констатации, представления, *соотносятся* между собой, не отвергая друг друга.

Каждому предмету присущи свои качества, признаки, свойства, отношения. У него есть основные признаки, отличающие его от всех остальных предметов, и есть индивидуальные (акцидентные), часто случайные, мимолётные, которые не важны для данного вида предметов, но важны для того, чтобы сделать его узнаваемым в кругу всех аналогичных реалий. Предмет совершает те или иные действия или подвергается им, испытывает то или иное состояние или вызывает его. Всё это протекает в конкретных ситуациях, при конкретных обстоятельствах, которые передаются сочетаниями слов, автоматически возникающими в сознании человека в качестве исходных речевых единиц с конкретным ситуативным значением.

Восприятие и осознание интонационной делимитации речи, осмысление всех выделяемых её компонентов позволяет правильно её понимать, помогает осознать, что разграничиваемые лексические комплексы (синтагмы) объединены интонационно, структурно, грамматически и по смыслу. Синтагмы выступают в роли единых речевых компонентов, отражающих наблюдаемые предметы и факты с их акцидентными признаками, свойствами и качествами. Всё это указывает на то, что сущность речи как инструмента коммуникации – синтагматическая. Единицей её порождения и восприятия является синтагма.

Целесообразно различать такие виды связи: 1) внутрисинтагматическую, т.е. связь в синтагме и 2) межсинтагматическую, т.е. связь между синтагмами.

В каждой синтагме есть ключевое слово, вокруг которого все другие её слова автоматически объединяются в единый структурно-смысловой блок. С

помощью ключевого слова синтагма устанавливает синтаксические и смысловые связи с одной или несколькими другими синтагмами. В грамматическом отношении ключевое слово является главным, выступая в качестве основы внутрисинтагматических связей и отношений. Часто оно является главным и в смысловом плане.

Нередко синтагмы могут быть основаны исключительно на смысловом объединении их компонентов. Например, только по смыслу объединены компоненты первой синтагмы в речевом фрагменте: *Но он уже завтра, / как выяснилось, / уезжает в командировку*

Все виды подчинения представляют собой вертикальную связь, отражающую грамматическую иерархию объединяемых синтагм.

Предикативные и сочинительные объединения синтагм представляют горизонтальную связь, отражающую равноправие этих речевых компонентов.

Смысловая связь охватывает вертикальную и горизонтальную плоскости. Она выступает как собственно смысловая (при синтаксически связанных сочетающихся компонентах), опосредованная (возникающая между синтаксически не связанными компонентами, группирующимися вокруг ключевых слов, на основании связи этих слов) и ассоциативная.

Ассоциативная смысловая связь (наряду с другими видами) представлена в следующем фрагменте научной речи:

Предложения структурируют текст / с целью облегчения его синтагматического членения при его восприятии. // Синтагмы формируют все речевые единицы / и текст в целом. // Как, укладывая кирпич к кирпичу, / каменщик строит все этажи / и тем самым дом, / так и субъект речи / при помощи синтагм / постепенно формирует все предложения / и одновременно текст / как завершённую единицу.

Последние восемь синтагм в данном контексте связаны со всей предыдущей речевой структурой ассоциативной связью, соотносящей их содержание с предыдущим. Ассоциативная связь здесь даёт логическое основание для включения отмеченного фрагмента в связную речь, и именно в данном месте речевой структуры.

1. Виноградов В.В. Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л.В. Щербы / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 488-516.
2. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Московского университета, 1976. – 307 с.
3. Русская грамматика, в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 709 с.
4. Филатова Е.В. Синтагма как реальная единица речи / Монография // Е.В. Филатова. – Донецк: ДонНУ, 2013. – 330 с.
5. Шмелёв Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976. – 150 с.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

ТЕОРИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГРАММАТИКИ

Шарандин А.Л.

Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина
sharandin@list.ru

1. **Лексическая грамматика (ЛГ)** – это *особый аспект* системного описания лексики, когда в качестве систематизирующего признака используются грамматические формы и категории, выполняющие лексическую функцию. Теория ЛГ изучает не столько противопоставление лексического и грамматического значений, что было представлено, прежде всего, в традиционном (структурно-семантическом) описании лексики и грамматики, сколько их взаимодействие, которое при этом, конечно, учитывает разграничение этих типов значений. В ЛГ грамматические средства (категории, формы) рассматриваются как средства выражения абстрактной лексической семантики, которая оказывается, как и конкретная лексическая семантика, неотъемлемой частью концептуального содержания слова, по отношению к которому грамматика выступает как концептуальная структура.

2. *Морфология и синтаксис* в рамках ЛГ не даны как две онтологически самостоятельные сущности, а представляют собой *единое целое*. Однако в описании русского языка в исследовательских целях целесообразно начинать описание взаимодействия лексики и грамматики с морфологии, поскольку она, будучи представленной «отстоявшимися синтаксическими формами» (В.В.Виноградов), дает такой яркий формальный инструментарий, как парадигму форм. Ее полнота или дефектность оказывается способом выявления и описания абстрактной лексической семантики и позволяет увидеть взаимосвязь и взаимодействие лексики и грамматики.

3. *Предметом ЛГ* является *закономерная дефектность парадигмы* (дефектность парадигмы, обусловленная семантическими причинами). На основе отношения грамматической категории или ее компонентов к абстрактной лексической семантике части речи или слов, входящих в нее, выявляются лексико-грамматические классы (части речи) и их лексико-грамматические разряды, которые в большей степени отражают статический, результативный аспект отношений между лексикой и грамматикой. Динамический же аспект взаимодействия лексики и грамматики представлен в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к описанию языка (речи).

4. *Слово* рассматривается нами как *единство* сознания (познания), семиотики (номинации, обозначения), языка (средства познания и общения), коммуникации (речевой деятельности) и прагматики. С учетом этих исследовательских аспектов слово в онтологическом аспекте можно определить следующим образом.

Слово – это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной морфологической форме,

совокупность которых образует его языковую репрезентативную парадигму и прагматическую парадигму.

5. В реальной коммуникации слово всегда предстает в той или иной грамматической форме. **Форма слова** – это синтагматическая единица, функционирующая в линейной речевой цепи высказывания в том или ином грамматическом виде, имеющем словесную структуру. При этом обеспечивается соотносительность лексического значения и грамматических значений, обслуживающих его. В результате слово как языковой знак отразило реализацию и сознания как такового, связанного с освоением действительности (концептуальное сознание), и языкового сознания, связанного с различными формами вербализации этой действительности. Формы слова, будучи его представителями в высказывании, оказываются в этом случае единицами, совмещающими выполнение языком двух его основных функций – коммуникативной и когнитивной.

6. Однако следует иметь в виду, что есть **форма слова** и *форма слова*. Есть **форма слова**, являющаяся результатом словоизменения слова, и есть *форма*, которая является результатом формообразования слова. В первом случае формы слова связаны с функционированием слова-лексемы в одной и той же синтаксической позиции, отражающей концептуальное варьирование слова в рамках его оформления грамматическими категориями. В другом случае форма слова выражает концептуальное варьирование слова-лексемы либо в разных синтаксических позициях (ср. причастия, деепричастия), либо в одной и той же синтаксической позиции, но ракурс ее представления в языковом сознании оказывается различным (ср. личные формы глагола, безличное употребление, императивное употребление и т.д.).

7. Понятие формы слова, скорее всего, оказывается *следствием наших знаний по освоению языка* как знаковой коммуникативной системы. Языковое сознание в этом случае позволяет систематизировать результаты функционирования слова. Это дает возможность моделирования речемыслительной деятельности человека с целью наиболее экономного представления процесса номинации и слово-формопорождения (деривации), а также тех языковых знаний, которые обуславливают осмысление этого процесса и его единиц.

8. С учетом этой исследовательской позиции понятие формы слова (лексемы) получает *расширенное понимание*. В его основе лежит мотивация, которая определяет *тождество / нетождество лексического значения* у различных деривационных образований. Поэтому важно определиться в понимании этого тождества. На наш взгляд, все различия грамматического, коннотативного, модификационно-словообразовательного, стилистического характера могут рассматриваться как связанные с концептуальной структурой, которая обслуживает концептуальное содержание слова-лексемы. В итоге разные виды форм слова оказываются включенными в состав его формообразовательной парадигмы (в широком смысле). При этом мы не отрицаем у этих форм собственного концептуального содержания. Просто для них оно оказывается результатом не первичной объективации, которая осуществлена лексическим способом, а *вторичной*, в основе которой *отношение*

к предметам и явлениям действительности. Вследствие этого, формы слова, будучи сами семантически значимыми, стали выполнять формальную функцию. И это, как известно, привело исследователей к признанию того, что *понятия формы и содержания в языке относительные*, т.е. формальным в языке может быть не только звуковая оболочка как материальная субстанция слова, но и содержание.

9. В качестве структурных семантических компонентов, обслуживающих ядерное лексическое значение, можно выделить *обязательные грамматические компоненты* и *факультативные неграмматические компоненты*. В системе грамматического формообразования выделяются морфологическое и синтаксическое формообразование, представленные, соответственно, словоизменением и трансформацией. В системе неграмматического формообразования выделяются модификационное словообразовательное формообразование (способы глагольного действия, способы представления субстанции), коннотативное формообразование и стилистическое формообразование.

10. *Что дает расширенное понимание формы слова в теоретическом и практическом планах?*

1) Более последовательно и системно реализовать критерий лексического тождества языковых форм, который является определяющим в установлении границ слова-лексемы. Лексема, отражая отдельное звено лексической системы, имеет набор различных форм, которые структурируют содержание (ядерное лексическое значение) лексемы и тем самым фиксируют ее в языковой памяти и лингвистическом пространстве, отличая данную лексему от других лексем;

2) более последовательно и системно осмыслить методологический принцип об относительном характере формы и содержания в языке;

3) представить наиболее экономный способ описания лексической системы русского языка на уровне выделения частей речи, поскольку не только грамматические, но и неграмматические формы лексемы исключаются из числа лексических единиц, подлежащих частеречной классификации;

4) позволяет в лексикографической практике решить в какой-то степени проблему сокращения количества словарных статей при сохранении лексической информации в том объеме, в котором она была бы, если бы содержалась в этих самостоятельных статьях.

11. Таким образом, теория ЛГ отражает не только результаты системно-структурного описания языка, но и находит свое *развитие в когнитивно-коммуникативном подходе* в рамках антропоцентрического описания языка, позволяющего расширить понятие формы слова посредством его применения за пределами грамматики.

УДК 82:378.147:070

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ГРУППАХ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЖУРНАЛИСТИКА»**

Анисимов Н.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
yulya-anisimova-1984@mail.ru

Потребность выделить типологическую филологическую проблему в особый формат обусловлена своеобразным кризисом «механизма» взаимодействия современного человека с так называемой «эстетической информацией», под которой в данном случае имеется в виду художественная литература. Этот вид информации ощутимо потеснен «внеэстетической информацией» – ростом количества и разнообразия СМИ.

Действительно, сиюминутная оперативная, документальная, информация о текущих событиях и актуальных проблемах может оказаться предпочтительнее «застывшей», архаичной классики, отдаленной от злобы дня историческими наслоениями прошлого. Но, по большому счету, именно «текучесть» внеэстетической информации пасует перед неподвижностью эстетической информации классического уровня.

Из этого следует, что в современном информационном пространстве названные типы информации не могут быть взаимозаменяемыми или взаимоисключаемыми при любом варианте предпочтительности любого из них. Для общекультурного и профессионального арсенала будущего журналиста оба важны. Создаваемый журналистикой информационный «продукт» в любой его жанровой разновидности так или иначе обусловлен внутренней связью его создателя с общекультурным классическим наследием – универсальным надвременным историческим опытом.

Стало быть, индивидуальное усвоение эстетической информации (а это прежде всего мировая художественная литература в ее классических образцах) должно оставаться, без сомнения, органической частью вузовской подготовки специалиста СМИ. При этом важно учесть специфику этого процесса, о чем и пойдет речь дальше.

Ситуацию взаимодействия человека с общечеловеческим наследием мировой классической литературы можно квалифицировать как трехвариантную, трехуровневую. Два уровня самоочевидны, третий же (срединный) оказывается самым проблемным. Самоочевидна давно сложившаяся традиция «бытового» литературного чтения, свидетельствующая о добровольном стремлении человека осваивать высшие духовные ценности бытия (правда, это освоение не совсем добровольно реализуется еще в школе или же, опять-таки добровольно избирается путь «легкого чтения»). Но это особая проблема, выходящая за пределы данной работы.

Другой уровень предполагает профессиональную подготовку преподавателей и научных работников в области истории и теории литературы, литературной критики, текстологии и т.д.

Наконец, третий, срединный уровень, до недавнего времени беззаботно располагался в «золотой середине» – между «школьно-бытовым» и «специализированным». И оставаться бы ему в уюте беззаботной «промежуточности», если бы не тревожащая тенденция пренебрежения к классическому наследию прошлого в условиях активизации СМИ, их количественного (но не обязательно качественного) роста. Эта тенденция все больше обнаруживает дефицит роста внутреннего информационного ресурса, о котором речь шла выше и который необходим современному журналисту. Этот ресурс либо остается на школьно-любительском уровне, либо оказывается избыточным, «непристроенным», если свести его формирование к технологии специальной научно-филологической подготовки.

Десятилетний опыт организации процесса формирования литературно-эстетического ресурса будущего журналиста, накопленный кафедрой журналистики на филологическом факультете ДонНУ, дает возможность высказать некоторые соображения.

Во-первых, установка на специфичность «журналистского» освоения литературно-художественной классики уже заложена в самом наименовании учебных дисциплин («История русской литературы и литературно-художественная критика», «История зарубежной литературы и публицистики»). Тем самым предполагается изучение литературных произведений «на стыке» их художественного содержания и фактической реальности «живой жизни», интенции к которой осуществляет литературная критика и публицистическое слово «прямого действия». Полемические суждения по этому поводу широко представлены в филологических источниках (см. 1, 2, 3, 4). Для журналиста, в отличие от филолога, важна в первую очередь открытость проблематики художественного произведения в «живую жизнь», а не эстетическая специфика «внутреннего мира художественного произведения».

Во-вторых, немаловажным условием успешности учебного процесса освоения студентами-журналистами мировой литературы в рамках профессиональной подготовки является отбор произведений с учетом их объемности. Целесообразно предлагать студенту два списка-перечня для чтения. В первый – обязательнейший – включаются произведения, как правило, малого объема, на материале которых и осуществляется конкретная практическая работа. Во второй список – рекомендательный – включаются произведения большого объема, освоение которых допускает, помимо чтения, применение опосредованных, паллиативных способов. Но в любом случае не должен прерываться плодотворный процесс совершенствования знаний, умений и навыков, способствующих творчески активному пребыванию человека в двух реальностях бытия: нерукотворной – природной и рукотворной – социальной, этико-эстетической.

1. Красноусов А.М. Очерки по истории советской методике преподавания литературы. – М., 1958.
2. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М., 1999.

3. Роткович Я.А. Вопросы преподавания литературы: Историко-методические очерки. – М., 1959.
4. Чертов В. Ф. Русская словесность в дореволюционной школе. – М., 1994.

УДК 007:304:659.3

ИНТЕРНЕТ-СМИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: СТРАТЕГИИ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРАКТИК

Артамонова И.М.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
inesa_artamonova@mail.ru

Исторически появление средств массовой коммуникации обусловлено необходимостью удовлетворения информационных потребностей общества на каждом этапе развития человечества. Коммуникация означает участие в создании коллективного мира (Дьюи), это способ открытия истины, раскрытие политических потенциалов человеческих объединений (Арендт), координация действий, ориентированная на справедливость (Хабермас).

Именно поэтому системный анализ деятельности современных медиа является актуальным. На помощь традиционным и онлайн-медиа сегодня активно приходят социальные сети. Но пока в этом вопросе практика журналистики находится значительно впереди теоретического исследования проблемы. Все это обуславливает актуальность темы исследования.

Объектом нашего исследования является влияние интегрированных новых медиакоммуникаций на общество. Предметом – взаимодействие средств массовой информации и социальных сетей. Цель исследования – выявление основных стратегий новых коммуникационных практик в сфере интеграции СМИ и социальных сетей.

Взаимодействие средств массовой информации и социальных сетей реализуется прежде всего во влиянии на аудиторию. В объединенной медиакоммуникации – общая аудитория, а, следовательно, и информационный ее охват больше. При существовании большой численности таких крупных и малых медиасоюзов, контактирующих между собой, создается полицентрическое единое информационное пространство страны. В этой сфере внедряются и отрабатываются новые информационно-коммуникационные технологии и практики, многие из которых после некоторого времени фактически начинают задавать стандарты массовым коммуникационным процессам.

Проведенный нами опрос показал: молодежь часто и много пользуется Интернетом. Ежедневно в сеть заходят 91,7 % опрошенных, несколько раз в неделю Интернет используют 3,5 %. Варианты «1 раз в неделю» и «несколько раз в месяц» не выбрал ни один респондент. Однако вариант «другое» выбрали 4,8 % тех, кто прошел анкетирование. При этом они дали комментарии, указывающие на почти непрерывное нахождение респондентов в сети Интернет. Также мы поинтересовались, сколько часов в сутки наши респонденты проводят в сети Интернет. Нами получены следующие результаты:

– меньше часа в день – 2,2 %;

- 1-3 часа в день – 23,7 %;
- 3-6 часов в день – 34 %;
- 6-8 часов в день – 25,6 %;
- больше – 14,5 %.

Главные цели использования Всемирной паутины – пребывание в социальных сетях (в основном – ВКонтакте и Facebook), поиск информации для работы и учебы, электронная почта и просмотр интернет-СМИ. При этом аудитория удовлетворяет свои информационные потребности благодаря Интернету на 73 %, благодаря социальным сетям – на 56 %. Но доверяет информации, получаемой из Интернета, лишь частично.

Изучение вопроса взаимодействия средств массовой информации и социальных сетей невозможно без исследования предпочтений потребителей информации по видам контента. Поэтому мы предложили респондентам ответить, какой вид контента в сообществах СМИ в социальных сетях им нравится больше всего. Как показало исследование, наши интернет-пользователи отдают предпочтение сразу двум типам контентного наполнения комьюнити СМИ в социальных сетях – фото и тексту. Каждый из этих вариантов набрал по 29,1 % ответов. А вот наименее интересным видом медиа-контента наши респонденты назвали аудиозаписи. Об этом заявили 32 % опрошенных. На втором месте этого антирейтинга находится инфографика. Варианты «текст», «видео» и «другое» имеют средние показатели в данном рейтинге.

Среди типов контента опрошенная аудитория предпочитает фотографии и текстовые сообщения, поскольку интегративно они могут создать достаточно полную информационную картину того или иного события, но при этом использование фото и текста требует значительно меньше времени, чем просмотр видео. Одним из самых перспективных направлений развития взаимодействия СМИ, социальных сетей и аудитории сегодня считается использование Интернета с мобильного телефона или планшета. Сейчас услугами Интернета с мобильного телефона пользуется почти половина опрошенных. Согласно результатам анкетирования, их количество составляет 49 %. Основные виды активности в социальных сетях с мобильного телефона распределились в таком порядке:

- проверяют сообщения и оповещения – 66 %;
- читают обновления в аккаунтах друзей – 31 %;
- читают, смотрят контент СМИ – 30 %;
- смотрят фото, видео, слушают аудио в сообществах СМИ – 13 %;
- смотрят фото, видео, аудио, которые не касаются СМИ – 9 %;
- обсуждают контент СМИ – 4 %.

Итак, можно сказать, что современная интернет-коммуникация направлена на увеличение коммуникативных возможностей всех участников процесса обмена информацией за счет расширения функциональных возможностей сетевых платформ. На современном этапе развития интернет-СМИ в мире существует прочная связь между информационными веб-изданиями и социальными медиа, а известно, что эффективно функционирующие массовые коммуникации способствуют созданию хорошо работающих политической и экономической систем общества, при этом увеличивают уровень доверия к ним.

Современные медиатехнологии принципиально расширяют права граждан на доступ к разнообразной информации на разных платформах, что позволяет им принимать участие в различных социальных акциях, принятии политических решений, активно продуцировать информацию, а не только ее потреблять.

Результаты, полученные как в ходе опроса, так и во время проведения контент-анализа наполнения групп, позволяют нам дать прогноз дальнейшего развития социальных сетей и их влияния на СМИ и на общество в целом.

– Проведенный нами анализ дает возможность считать, что роль социальных сетей в жизни людей будет расти и дальше. Благодаря тому, что количество пользователей социальных сетей постоянно увеличивается, возможности решить бизнес-проблемы, найти работу или начать романтические отношения в сети растут в геометрической прогрессии. Это происходит в основном за счет молодых людей, но старшее поколение также начинает активно приобретать навыки интернет-пользования. Логично считать, что эта тенденция будет актуальна и в будущем.

– Развитие указанной выше тенденции создаст ситуацию, когда процесс формирования общественного мнения в значительной мере будет перемещен в сеть Интернет.

– Роль традиционных медиа будет постепенно уменьшаться и скорее всего модифицироваться. Согласно результатам нашего исследования, сегодня только 27 % пользователей социальных сетей ежедневно смотрят телевизор, 24 % – слушают радио и только 6 % – читают периодическую печатную прессу. Зато сайты социальных сетей ежедневно посещают 81,3 % опрошенных. При этом не стоит забывать, что количество аккаунтов социальных сетей постоянно увеличивается. Вполне логично, что эту тенденцию можно экстраполировать не только на действующих, но и на будущих пользователей социальных сетей.

– Дальнейшее увеличение процессов конвергенции и, как следствие, - постепенный переход традиционных, прежде всего информационных, медиа в Интернет-плоскость.

– Интерактивность постепенно станет неотъемлемой частью масс-медиа.

– Стремительное развитие мобильных технологий, а также значительное распространение портативных устройств и сетей Wi-Fi приведут к росту популярности мобильных СМИ.

– Количество людей, имеющих интернет-зависимость, будет увеличиваться прямо пропорционально развитию процесса дигитализации.

УДК 007 : 304 : 659.4

ГУМАНИТАРНЫЕ ВОПРОСЫ В ЗЕРКАЛЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Безродный В.П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
vpbezrodnyi@i.ua

Уровень освещения гуманитарных вопросов в средствах массовой информации в современных условиях является одним из тестов на гражданскую

позицию редакционного коллектива, поскольку коммерциализация информационной сферы привела к массовому вытеснению гуманитарной проблематики из контента современных СМИ.

Оперируя понятием «гуманитарные вопросы» имеем в виду прежде всего вопросы общественной жизни, связанные с духовностью общества (культура, искусство, литература, наука, образование, книгоиздание и др.), в отличие от социальных вопросов, направленных преимущественно на обеспечение существования человека (здравоохранение, пенсионное обеспечение, социальная поддержка людей с ограниченными физическими возможностями, защита потребителя).

Анализ содержания традиционных средств массовой информации на постсоветском пространстве, коими являются пресса, телевидение и радио, свидетельствует о значительном снижении их внимания к гуманитарным вопросам. Медиабизнес в своей основной массе не спешит вкладывать средства в СМИ, специализирующиеся на гуманитарной информации.

На рынке средств массовой информации практически исчезли культурологические, научно-популярные, образовательные, литературные издания, столь популярные в 1970-80-е годы. Так, из 1574 зарегистрированных в Донецкой области на начало 2013 года печатных изданий было лишь 22 научных и научно-популярных, 7 образовательных, 7 культурно-просветительских и 19 литературно-художественных изданий. Все вместе они составили около 3,5 % от общего числа зарегистрированных, но ни одно из этих СМИ стабильно не выходило. Среди учредителей такого рода изданий в своем большинстве были энтузиасты – физические лица или общественные организации, которые оказались не в состоянии обеспечить постоянный их выпуск, а поддержку государства такие СМИ не получали.

Теле- и радиопередачи, посвященные вышеназванным проблемам, также вытесняются из эфира. Анализ программ телепередач 25 эфирных телекомпаний, работавших в довоенном Донецком регионе, свидетельствует о фактическом отсутствии их внимания к гуманитарным проблемам, за исключением некоторых официозных передач Донецкой областной государственной телекомпании (27 канал). Все 28 радиоканалов, работавших на территории Донецкой области на начало 2013 года, основную часть эфира заполняли поп-музыкой и другой информацией развлекательного характера. Ярким примером обеспокоенности общества таким положением дел стало решение многих государств о создании специализированных телеканалов «культура» с бюджетным финансированием.

Общество подвергается массовой обработке, направленной на внедрение мысли о малой привлекательности для потребителя вопросов культуры, науки, образования, т.е. вопросов духовного развития общества. Доминирует идея о том, что реально востребован лишь развлекательный контент.

В результате в СМИ информация о путях и перспективах развития культуры подменяется обсуждением подробностей жизни известных деятелей культуры и шоу-бизнеса. Интересные научно-популярные статьи и передачи вытеснены различного рода псевдонаучными астрологическими прогнозами, «битвами экстрасенсов», «страшилками» и «сенсациями». А заинтересованное обсуждение проблем развития и совершенствования образования превратилось в жуткие картинки из жизни школ и вузов, где доминирует криминал. Информация

же о гуманитарных вопросах нередко сводится к дежурным сообщениям об открытии выставок, презентации новинок, репортажам о «первых» и «последних» звонках.

Удорожание выпуска печатных изданий, теле- и радиопередач безусловно требует повышения экономической эффективности медиабизнеса, что достигается путем выработки контента, вызывающего повышенный интерес потребителя своей неординарностью, сенсационностью, вторжением в частную, а нередко и интимную жизнь реального человека. Но при этом получение прибыли в сфере медиабизнеса превращается в самоцель без учета колоссальной воспитательной и просветительской роли средств массовой информации.

В этой ситуации определенные надежды можно возлагать на новые медиа, коими являются современные интернет-издания, социальные сети и блоги. Их существенное отличие от традиционных медиа состоит, в том числе, в дешевизне и всепроникающей доступности для сколь угодно широкой аудитории. Хотя и в случае с новыми медиа их активная монетизация также ведет к поиску и публикации контента, весьма далекого от духовности.

В то же время новые медиа дают огромные возможности формирования аудитории, заинтересованной в обсуждении, последующей постановке и решении вопросов самого разнообразного характера, в том числе и гуманитарных, влияющих на духовное развитие общества. Такого рода интернет-ресурсы уже активно возникают и становятся центрами кристаллизации общественных групп, способных возродить повсеместный интерес общества к проблемам своего духовного (гуманитарного) развития.

Среди такого рода веб-ресурсов могли бы стать официальные сайты органов власти, в задачи которых входит решение вопросов культуры, образования, науки и др., что требует формирования контента гуманитарного характера. Анализ такого рода ресурсов довоенного Донецкого региона (управление культуры, главное управление образования), других структур подобного типа, к сожалению, свидетельствует, что их наполнение чаще всего носит формальный характер. Хотя само их наличие дает возможность ориентироваться в событиях соответствующих сфер. При творческом подходе к наполнению официальных веб-ресурсов органов власти, они могут стать серьезным фактором привлечения внимания общества к вопросам, обеспечивающим его духовное развитие.

Серьезным подспорьем в расширении присутствия гуманитарной тематики в информационном пространстве являются веб-ресурсы учреждений культуры, образования и науки. Они не столь формализованы, как в случае с органами власти, и могли бы служить площадками для актуализации информации гуманитарной направленности. К сожалению, и это показывает анализ сайтов многочисленных образовательных структур, учреждений культуры и науки Донецкого региона, информация на этих ресурсах носит прежде всего имиджевый или рекламный характер. Здесь нет места для дискуссии, обсуждения достижений культуры и науки, направлений развития образовательных процессов.

Особо следует остановиться на веб-ресурсах общественных организаций и энтузиастов, активно продвигающих решение тех или иных гуманитарных

вопросов. Здесь как раз и присутствует тот самый элемент творчества, которого так не хватает официальным интернет-сайтам. Однако эти ресурсы может постигнуть участь соответствующих печатных изданий, если им общество через органы власти или путем привлечения спонсоров не окажет соответствующую поддержку за счет выделения грантов или иным образом. Но самое главное – это популяризация таких ресурсов и, тем самым, привлечение внимания всего общества к гуманитарным вопросам.

Проведенный анализ состояния отражения гуманитарной проблематики средствами массовой информации и веб-ресурсами на примере довоенного Донецкого региона можно однозначно экстраполировать в целом на постсоветское информационное пространство. Однако это не снижает актуальность вопроса, а скорее свидетельствует о его глобальном значении. И необходимы экстраординарные меры для его решения. Активную роль в этом могут и должны играть государство в лице соответствующих структур и общественность – работники культуры, науки, образования – все, кому не безразлична судьба нашего общества, его духовное будущее. Трудно переоценить и роль журналистов, редакционных коллективов в актуализации гуманитарных вопросов.

Эта проблема далеко не нова, она возникает в переломные моменты истории, когда общество теряет свои прежние идеалы. Но решать ее нужно с учетом современных реалий – реалий информационного общества. Интернет, который наряду с другими СМИ активно способствует духовной деградации общества, может стать ключом к его духовному возрождению.

УДК 007 : 304 : 070

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ДОНБАССА

Вовенко В.Ф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
donjourn@mail.ru

Музыка нашего земляка гениального композитора Сергея Прокофьева вдохновляла и вдохновляет многих художников – как отечественных, так и зарубежных. Культурное наследие XX-XXI веков насчитывает несколько десятков известных портретов С. Прокофьева, относящихся к различным стилям и жанрам живописи, а также графические работы, шаржи, рисунки в нестандартных жанрах, изображения на марках, монетах и пр. Не остались в стороне от создания коллективной Прокофьевяны и мастера изобразительного искусства Донбасса.

Один из наиболее известных портретов С. Прокофьева принадлежит кисти выдающегося русского художника П. Кончаловского. Полотно было создано в 1934 году, при жизни композитора, сейчас оно находится в Третьяковской галерее в Москве. Портрет выполнен в традиционной технике, маслом на холсте.

Излюбленным жанром художника был натюрморт. Не менее интересны и портреты его кисти, на которых личность показана в мгновение особого вдохновения (портреты А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Мейерхольда). Именно к таким полотнам можно отнести и портрет С. Прокофьева. По жанру это полотно – портрет-картина, на которой композитор представлен в смысловой и сюжетной взаимосвязи с окружающими его миром вещей и природой. С. Прокофьев изображён сидящим на удобном плетёном кресле, с партитурной страницей в левой руке и карандашом в правой, нога закинута на ногу. Его внешность передана очень точно, сходство с фотографиями очевидное. Но главное в портрете – особый внутренний динамизм, воплощённый художником в удивительных противоречиях: поза композитора одновременно расслаблена и напряжена, взгляд – и рассеян, и сосредоточен. Хотя сама поза несколько вальяжна, но при этом в изысканной напряжённости пальцев и кистей рук, в сосредоточенном повороте головы читается внутренняя бурная мыслительная деятельность. Взгляд направлен вдаль и вправо, будто отрешён, он демонстрирует силу мысли, напряжённой творческой работы мозга. На этом полотне С. Прокофьев показан словно в процессе сочинения, здесь чутко передана не только его внешность, но и профессия композитора, момент творческого вдохновения.

Об этом мало кто знает, но то самое знаменитое плетёное кресло, сидящим в котором изображён С.С. Прокофьев, сейчас является экспонатом Донецкого республиканского краеведческого музея. Его передал землякам отца старший сын композитора Святослав Сергеевич.

Привлекает внимание портрет Сергея Прокофьева работы заслуженного художника Украины Ларисы Джарты, который хранится сейчас в Донецкой филармонии. Как рассказывает художница, ей пришлось много думать,

представлять, анализировать ещё до написания полотна, окончательная идея и её авторское видение пришло не сразу. Она пыталась уловить сложную и многогранную натуру композитора, передать одновременно мощь и утончённость его творческой личности, ассоциативно воссоздать средствами живописи характерные черты музыкального стиля С. Прокофьева. Л. Джарты изобразила композитора молодым, полным сил и творческой энергии. Художница использовала пастель, которая позволяет отобразить яркость и особый колорит цвета, усилить эффект контраста, являющегося для данного полотна ведущим. Тёмный фон сочетается с бликами света на лице и руках композитора, детальная, фотографическая прорисовка черт лица – с импрессионистической размытостью деталей одежды, статика позы – с динамикой движения пальцев и творческим полётом мысли, читающимся во взгляде С. Прокофьева. Портрет удивительно фотографичен и живописно своеобразен, полон динамики и контрастов.

Подобная цветовая и стилистическая контрастность характерна и для портрета С. Прокофьева, который написан ещё одним нашим земляком, донецким художником Иваном Подгайным. Этот портрет С. Прокофьева в 2011

году был признан лучшим на выставке, посвящённой композитору. Полотно действительно оригинальное, яркое и своеобразное: на многокрасочном, абстрактно-геометрическом фоне С. Прокофьев изображён в монохромной манере, стилизованной под чёрно-белую фотографию. Черты его лица предельно узнаваемы, графически точны, подчеркнуты бликами, различными слоями оттенков серого цвета. К цвету глаз добавлен голубоватый оттенок, на отдельных участках лба, носа, щеки, подбородка играют блики красного цвета, словно отражаясь от ярких «витражей» геометрического фона.

Новаторская трактовка портретного жанра в ставшем уже традиционным для донецких художников изображении С. Прокофьева принадлежит также народному художнику Украины Владимиру Степановичу Шенделю. Представленный здесь портрет С. Прокофьева, созданный в 2010 году, является весьма своеобразной работой В. Шенделя, не столько по стилю (это монохромное графическое полотно), сколько по трактовке жанра и композиции, при этом и название имеет нестандартное: «Ромео и Джульетта». В аллегорическом смысле здесь трактуются основные действующие лица и символы бессмертной трагедии. На фоне этого многоуровневого, полипластового, символического действия изображён сам композитор, работающий над партитурой балета «Ромео и Джульетта».

Шендель В.С. Ромео и Джульетта. Балет. 2010, бумага, тушь, перо, 41х29

Эфемерные напластования образов, уровней композиции и слоёв изображений создают эффект не реального, а заключённого в мыслях С. Прокофьева развёртывания сюжета, это словно творческий процесс сочинения, воссоздания в звуках сюжета и драматургии трагедии, но только вынесенный за пределы фантазии композитора, это – рождающийся замысел балета.

Сергей Прокофьев изображён в профиль, в напряжённой позе, облокотившись на рояль, правой рукой с зажатым в ней карандашом он опирается на пюпитр с партитурной страницей, левая ладонь обхватывает шею, передавая динамику напряжённой работы мысли, творческой сосредоточенности. Губы его плотно сжаты, взгляд, направленный из-под очков на нотный текст, предельно сосредоточен. Облик С. Прокофьева – единственный реальный образ на полотне В. Шенделя, все остальные образы, символы и обрывки сюжетов – существуют, громоздятся в представлении композитора. Над портретом композитора развернулся ещё один пласт – сцена смерти Тибальда и Меркуцио в окружении толпы жителей Вероны и представителей противоборствующих семейств Монтекки и Капулетти. На заднем плане виднеются городские постройки, флаги, характерные для тех времён, и на их

фоне – стремящиеся, летящие навстречу друг другу Ромео и Джульетта. В верхней части картины, в овальной виньетке изображён У. Шекспир, вокруг которого витают обрывки нотосцезов с набросками музыкальных тем. Это произведение положило начало целой серии работ В.С. Шенделя, которую художник назвал «Гений мира Сергей Прокофьев».

Донецкий художник-карикатурист и график Николай Капуста изобразил композитора за игрой в шахматы, которыми очень увлекался Сергей Прокофьев, причём продолжением шахматной доски является... клавиатура рояля, а в левой руке играющего – фигурка коня.

Свой вклад в художественную сокровищницу произведений о С.С. Прокофьеве внёс также мариупольский художник, мастер медальерного искусства Ефим Харabet (1929–2004 гг.) Автор более пятисот медалей, плакет и скульптур малых форм, он ещё в 1981 году, к 90-летию со дня рождения композитора, создал посвящённую ему медаль. На лицевой стороне изображён портрет С.С. Прокофьева, на обратной – слова И. Эренбурга «Он умел слушать время». К 100-летию композитора по его эскизам были выпущены значки, которые вручались участникам торжеств в селе Красном.

В медаль или плакету при небольшом размере можно вместить большой объём необходимой информации, — считает наш известный скульптор и медальер, художник декоративно-прикладного искусства Юрий Шевяков. И подтверждает это своим творчеством.

На плакете, созданной к 120-летию со дня рождения Сергея Прокофьева, композитор изображён на фоне рояля в задумчивой позе. Его взгляд, кажется, погружен в себя и передаёт напряжённый творческий поиск. Эта плакета была представлена на XXXII международном конгрессе художественной медали в Глазго (Англия), где получила высокую оценку. А в дни празднования 120-летия С. С. Прокофьева её копии на родине композитора вручили внукам композитора Беатрис и Корделии.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ДОНЕЦКОГО КРАЯ

Дяговец И.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
donjourn@mail.ru

Уже к началу 60-х годов прошлого столетия стало очевидно, что Донбасс не вписывался в контекст украинской государственности, тем более, что и сама Украина фактически ее не имела.

Донецкий край в составе двух областей настойчиво эволюционировал к России – Великой России.

Эта русская направленность Донбасса очень беспокоила украинских националистов: им страшно не хотелось впускать из состава Украины, поэтому предприняли ряд отчаянных мер, чтобы «уберечь» наш край от ухода его в Россию.

С этой целью они и провели в Донецке на базе ДонНУ в конце июня 2005 года конференцию, назвав ее громким именем Конгресс, лейтмотивом его стал девиз-вопрос: «Чи можлива універсальна модель націотворення на Данбасі?» Львовянин Я.Грицак в своем выступлении провозглашал, что у Донбасса нет другого пути, как стать украинским.

Вторую концепцию на Конгрессе изложил проф. Ю.Чарских из ДонНУ. Он назвал еще несколько регионов Украины, в которых идут активные этнический процессы, как и в Донбассе. Проф. подчеркнул, что Донбасс нуждается в самостоятельном политогенезе, поскольку в нем формируется самостоятельный этнос.

DATA-ЖУРНАЛИСТИКА И ТРАДИЦИОННЫЕ МЕДИА

Кордюков А.Ю.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
ant.kordyukov@gmail.com

С ростом влияния Интернета и цифровых технологий, медиа коренным образом трансформируются. Причем меняется не только форма подачи сообщений, но и функции журналистики, актуализируются новые методы поиска и интерпретации информации. Многие эксперты соглашаются с тем, что data-журналистика – это не модный медиатренд, а жизненная необходимость для медиа в ближайшем будущем.

В англоязычных источниках можно встретить различные термины, касающиеся журналистики и данных. В Википедии, кроме “*data journalism*”, нашлись еще “*database journalism*” и “*data-driven journalism*”. Все эти термины в

английском языке являются самостоятельными, однако в основе каждого из них – новые способы работы журналистов с данными.

Портал Technopedia определяет *data-журналистику* «как использующую данные и числа, чтобы лучше объяснить или изобразить новостную историю. Данные могут помочь журналисту показать какую-то историю, могут стать источником информации, или и то, и другое» [1].

Нынешняя «журналистика данных» появилась не вдруг. Так 4 ноября 1952 года телекомпания CBS впервые применила метод так называемой «компьютерной журналистики», а проще говоря, использовала компьютер для обработки информации. Основываясь на анализе симпатий избирателей с 1944 по 1948 год, в прямом эфире было осуществлено моделирование результатов президентских выборов. Несмотря на то, что прогноз существенно отличался от результатов социологических опросов, он оказался точным [2].

В 1960-х годах журналисты (преимущественно занимающиеся расследованиями) начали использовать в работе базы данных государственных архивов: с их помощью выявляли определенные тенденции, разоблачали нарушения со стороны власти. В 1970-х заговорили о точной журналистике, которая предусматривала использование исследовательских методов, используемых в социальных науках. Она была реакцией на такие негативные проявления, как зависимость от пресс-релизов и провластных источников информации. Современное же понимание *data-журналистики* – следствие роста влияния новых технологий [2].

Однако следует принимать *data-журналистику* не как замену традиционной, а как полезное и актуальное её дополнение.

Data-журналистика – это старт эволюции наших предыдущих практик, которые адаптируются к онлайну, она служит двум важным задачам редакционной организации: поиск уникальных историй (не из агентств новостей) и выполнения функции «сторожевых псов».

При этом, *data-журналистика* может решить некоторые проблемы традиционных уже на данном этапе:

1. Устранение информационной асимметрии.

Так, согласно утверждению Тома Фрайса из *Bertelsmann Foundation*, информационная асимметрия заключается не в недостатке самой информации, а именно в неспособности воспринять и обработать ее и в тех же объемах и с такой же скоростью, с которой она поступает, – это и является одной из главных проблем, стоящих перед аудиторией в процессе принятия ею решений, которые касаются функционирования и жизнеспособности. Так информация, полученная из печатных, визуальных и аудио СМИ влияет на выбор и действия аудитории. Качественная реализация *data-журналистики* помогает бороться с информационной асимметрией путём открытости и общедоступности источников информации.

2. Независимая интерпретация официальной информации.

Основа *data-журналистики* – открытые и общедоступные массивы данных. Эти самые массивы дают возможность журналистам иметь доступ к «сырым» данным и научиться независимости от официальной интерпретации этих данных.

3. Экономия времени.

Переводить вручную десятки страниц документов из формата PDF в .docx, расшифровывать часы аудиофайлов – работа трудоёмкая и затратная по времени. Поэтому, определенные умения программировать или знания, где искать людей, которые могут помочь, являются крайне ценными.

Понятно, что такая работа с данными – это не журналистика в привычном смысле. Однако она даёт возможность сделать журналистский материал более информативным и достоверным.

Поскольку ниша *data-журналистики* в отечественном медиапространстве еще мало занята, то следует ожидать, что скоро она приобретет значительную популярность.

1. Беггин И. Памятка по журналистике данных // Редакторский портал [Электронный ресурс]
Режим доступа:
<http://www.redactor.in.ua/internet/3126.html>
2. Пособие по журналистике данных: Официальный сайт РИА Новости [Электронный ресурс]
Режим доступа: http://ria.ru/files/book/_site/введение_2.html

УДК 007 : 304 :659.3

АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ КАК ОБРАЗНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Кравченко В.Д.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
donjourn@mail.ru

Работа над сценарием начинается с авторского замысла. Ведь именно на этой стадии проявляются основные черты мировоззрения автора, произведение приобретает индивидуальность. Без него произведения превратились бы в бессвязный набор шаблонов.

Цель работы: соединение документальных фактов в единую образную смысловую систему – сюжет.

Рождение авторской концепции возможно только в условиях субъективного, оригинального видения, нестандартного взгляда журналиста на знакомую для многих проблему или проблемную ситуацию: «Авторская концепция основывается на образе, рождение которого, возможно при неожиданном сравнении, необычном сценарном ходе, противопоставлении или синтезе абсолютно несовместимых явлений».

Замысел – это первая ступень творческого процесса, первоначальная схема будущего произведения, в которой существуют две стороны: сюжетная (автор заранее намечает ход событий) и идейная (предлагаемое решение взволновавших автора проблем и конфликтов). Таким образом, замысел уже на первых этапах творческой деятельности являет собой микромодель будущего произведения. Замысел обязательно должен основываться на жизненном материале.

В творческом процессе имеет место быть изначальный замысел, который был создан еще до начала творческой деятельности, и текущий, который возникает в результате реализации начального. Поэтому изначальный материал не может совпадать с воплощением.

Элементами замысла являются: тема и документальный материал, идея, жанр и сценарный ход.

Тема – это задача (положение), которую разъясняют, о которой рассуждается. Это предмет исследования, круг жизненных явлений, которые рассматриваются. Очень важным аспектом, является правильный выбор темы, которая бы интересовала автора. Когда же тема сформулирована и определена, наступает этап конкретизации темы, ограничивая ее до узкого сегмента конкретных событий и фактов. На этом же этапе формулируется основная мысль, которая становится основной, объединяющей лицо произведения.

Таким образом, сформированная тема ведет к возникновению чистого замысла, а он, в свою очередь, к конкретной идее его воплощения. Каждый раз проходит не просто осмысление, но и конкретизация вплоть до четкого плана действий. Формирование окончательной идеи является последним этапом перед стадией написания сценария телевизионного произведения. Именно на стадии идеи рождаются сюжетные линии, создается общее представление про те истории, которые войдут в будущее произведение; появляются личности и формируется основа будущего сценария.

Идея (др. греч. *idea* – вид, форма, прообраз) в широком смысле – мысленный прообраз какого-либо предмета, явления, принцип, выделяющий его основные, главные и существенные черты. В искусстве идеей называется главная авторская мысль, вытекаемая из произведения, он идет через эмоциональный настрой и раскрывается в развязке. Это позиция автора по отношению к предмету исследования, его утверждение, либо отрицание.

«Формулировка темы ставит проблему, замысел задает цель, а идея определяет утилитарные задачи, которые нужно решить, чтобы цель достигнуть» [1].

Еще одним элементом замысла является жанр, в котором будет работать автор. Намечая жанр, автор уточняет и систему выразительных средств, которые в результате будет использовать.

Жанр (от фр. *genre* – манера, разновидность) в искусствоведении – род произведения, который характеризуется совокупностью формальных и содержательных особенностей. Это скелет произведения, который внутри его индивидуализируется и подлежит трансформации.

Журналистские жанры различают по роду (документальные, игровые), по мере создания образа (символика, реальность, аллегория), по предмету изображения (личность, документальные кадры или оперативные съемки, игровые сцены), по характеру изображения (реальная картина, анимация), по технологии создания (кино-, видеофильмов, прямая трансляция). Изучение усложняется диффузией жанров, ввиду чего происходит и взаимообогащение.

Следующим является создание художественного образа, который чаще всего отображается в самом сценарном ходе.

Сценарный ход — это форма организации документального материала, объединяющий каркас будущего произведения. Следует отыскать такой сценарный ход, которого хватило бы на все телевизионные произведения – он не должен обрываться посередине. Он должен быть подсказан главной темой и документальным материалом.

У автора, после соединения всех компонентов замысла, в том числе сценарного хода, должен образоваться сюжет сценария.

1. Князев А. Основы тележурналистики и телерепортажа: Учебное пособие / Кыргыз. – Рос. Слав. ун-т. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2001. – 160 с.
2. Андреев А.Л. Художественный образ и гносеологическая специфика искусства: Методологические аспекты проблемы. – М. Наука 1981. – 193 с.
3. Кравченко В.Д. Авторский замысел [Учебное пособие] / В.Д. Кравченко. – Донецк, 2010. – 70 с.

УДК 659. 441

АРХЕТИП ГЕРОЯ КАК ОСНОВА ИМИДЖА В.В. ПУТИНА

Куянцева Е.А.

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко
elenakul@list.ru

Создание имиджа, который бы вызывал у целевой аудитории искренние положительные эмоции – одна из актуальных задач, которые стоят перед политиком высокого ранга. Существует много рекомендаций, как это возможно сделать в теории, но на практике далеко не всем политическим деятелям удастся понравиться электорату хотя бы на короткий срок, не говоря уже о годах стабильной поддержки. Мы полагаем, что важным условием создания долгоиграющего позитивного имиджа политика является реализация его информационной проекции, опирающейся на один из базовых образов, универсальных для всех культур – т. е. архетип.

Цель нашего исследования – проследить архетипную основу имиджа В.В.Путина. Соответственно объектом исследования следует назвать образ президента Российской Федерации, созданный в СМИ (прежде всего федеральными каналами «Россия 1», «Россия 24», «Первый канал»).

К. Юнг считал, что архетипы наделены огромной психической энергией, а встреча с ними вызывает сильные эмоции, поскольку архетип, – это своеобразный итог "огромного типичного опыта бесчисленного ряда предков: это, так сказать, психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа" [3, с. 214-231].

Мы полагаем, что многочисленные типы и подтипы политиков, выделяемые исследователями, так или иначе вращаются вокруг двух базовых образов – архетипа Героя (рыцаря, победителя) и архетипа Духа (мудрого старца).

Напомним, что К. Юнг считал архетип самости (героя) главным, архетипом единства сознания и бессознательного, воплощающего гармонию и баланс различных противоположных элементов психики [2]. Реализуется самость в культурном архетипе героя, рыцаря, победителя, преодолевшего испытания. На наш взгляд, яркой и успешной реализацией архетипа героя на политической арене является образ В.В.Путина.

На наш взгляд, эффективнее всего В.В.Путин проявлял себя именно в ситуациях борьбы: ответы на вызовы геополитики, на жесткую критику в СМИ, в общении с представителями СМИ, которые задавали трудные и даже провокационные вопросы.

Обострение на международной арене началось в начале 2014 года после государственного переворота на Украине и последующего вхождения Крыма в состав РФ. Запад дал резко негативную оценку действиям российского президента. В СМИ образ В.В.Путина резко демонизировался, проводились параллели даже с Адольфом Гитлером. Но В.В.Путин доказательно и юридически обоснованно, в том числе опираясь на Устав ООН и имеющиеся прецеденты (ситуация с Косово), ответил по всем пунктам в своих выступлениях, во время прямой линии в апреле 2014 г., в ответах на вопросы журналистов. Рейтинг президента поднялся до 87–88 % (по информации агентства ТАСС).

Особенностью речи В.В.Путина является сочетание необходимой для политика такого уровня торжественности и в то же время простоты, даже просторечия и жаргонизмов («Никто нифига не читает» о соглашении Украины с ЕС, «и если бы мы позволили ... схомячить Сирию»). На наш взгляд, это создает запоминающиеся эмоциональные акценты. На фоне дипломатично-осторожных слов или нейтральных оценок особенно ярко выделяются некоторые фразы (например, «Закон должен исполняться постоянно, а не когда тебя схватили за одно место», «если кто-то в турецком руководстве хотел лизнуть американцев в одно место» и т.д.), которые не только активно обсуждаются, но и служат своеобразным посланием или маркером, что на самом деле думает один из самых влиятельных политиков в мире.

В образе В.Путина наблюдаются, безусловно, черты сильного лидера, которого, согласно многочисленным типологиям, можно назвать «мудрым правителем», «хозяином» и т. д. Эта тема любима западными СМИ, которые на своих страницах называют В.Путина и царем, и императором, и диктатором, даже тираном [1]. Его политику называют имперской, авторитарной, обвиняют в недемократичности правления. Такое видение имиджа В.В.Путина может натолкнуть на мысль, что, возможно, он в создании своей информационной проекции в СМИ, опирается на архетип Духа. Но мы полагаем, что его «имперская» составляющая имиджа также является частью образа, уходящего корнями в архетип Героя. В основе всех поступков президента РФ лежит его желание сделать Россию сильной мировой державой, имеющей настоящий суверенитет, а не декларированный. За это приходится бороться. Всплески эмоционального одобрения действиями президента, очевидно, следуют сразу за его решительными действиями (например, в ситуации с Крымом, начало воздушной военной операции в Сирии), т. е. когда очевидными есть герой, антигерой и конфликт.

Имидж политика будет удачным, вызывающим положительные эмоции у целевой аудитории, если его образ будет органичным, т. е. его деятельность, характер будут находиться в гармонии как с его природными данными, так и с ожиданиями электората. Архетип как база для такого образа является необходимым условием для успешного имиджа, но без харизмы самого политика ожидаемый, упомянутый нами ранее эмоциональный всплеск от встречи с

образом не состоится. На наш взгляд, В.В.Путин успешен в образе, уходящем корнями в архетип героя.

1. Боброва Г.Е., Комарова И.Н. Трансформация имиджа В.Путина в еженедельнике «Spiegel» (на примере трех президентских избирательных кампаний) / Г.Е.Боброва, И.Н.Комарова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 3. – С.83-96.
2. Пендикова И.Г., Ракитина Л.С. Архетип и символ в рекламе: учеб. пособ. для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Реклама», «Маркетинг», «Коммерция (торговое дело)» / И.Г.Пендикова, Л.С.Ракитина; под. ред. Л.М.Дмитриевой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 303 с. – (Серия «Азбука рекламы»).
3. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству / К.Г.Юнг // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1987. – С. 214-231.

УДК 811.161.1'276.6:316.77

ЯЗЫК И СТИЛЬ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Луценко И.В.

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко
irina.lutsenko2017@yandex.ru

Как известно, первоосновой деятельности журналиста является профессиональное владение словом, умение использовать его поистине неограниченные возможности. Совершенствование навыков работы со словом будущих журналистов во всех сферах средств массовой информации (СМИ) является одной из важных задач в подготовке профессиональных кадров для института средств массовой информации.

Журналистика никогда не обходилась без анализа языковых средств выражения вербальной коммуникации. Особенно актуальным это является для современного телевидения. Усиление обмена информацией в современном обществе сопровождается интересом к анализу языково-стилистических структур, обеспечивающих высокую степень коммуникативного воздействия. Язык и стиль современных СМИ включает в себя самые разнообразные пласты: разговорный, официальный, литературный, художественный. Хотя вполне можно утверждать, что на данном этапе сформировался совершенно особый тип языка СМИ – некий синтез разговорного и кодифицированного литературного языка, нуждающийся в точном определении лингвистического, либо экстралингвистического характера.

Актуальность темы исследования. Сегодня, когда СМИ превратились в мощный инструмент социального и политического влияния, актуальным является вопрос инновационной структуры языка средств массовой информации – медийной. Собственно, приставка «медиа» сегодня представляет собой неременный атрибут описания всего, что имеет непосредственное отношение к СМИ: медиатехнологии, медиаменеджмент, медиафорум, медиатекст и даже медиакратия – власть СМИ. Именно медийные структуры определяют в

настоящее время приоритеты аудитории, фактически формируя ее спрос – культурологический, деловой, эстетический и т.д. Новейшие медийные технологии практически избаловали зрителя, слушателя и читателя высокой оперативностью и большим объемом информации. Подобная ситуация позволила говорить об «эффекте привыкания» аудитории к боли и страданиям других людей; о том, что реальная война становится некоей «виртуальной реальностью», и т.п.

Вместе с тем и политическая ситуация, и экономические проблемы, которые делают прессу ангажированной, и давление, которое оказывается на журналистов различными структурами, не должны заслонять собой вопросы профессионального мастерства владения языком, качества материалов СМИ. Речь в данном случае должна идти именно о текстовом оформлении того или иного сообщения, документального по природе и авторизованного по изложению. Актуален и вопрос подчинения текстового оформления и уже существующим языковым нормам, и вновь созданным. Подобный отход грозит тенденцией к всеобщей универсализации текста, например, печатных или электронных СМИ.

Целью работы является изучение языка и стиля современных масс-медиа, трансформация современного представления о языковой норме в связи с изменениями в системе СМИ.

Объект исследования: Язык и стиль современных масс-медиа

Предмет исследования: Закономерности исследования языка и стиля средств массовой информации

В работе были использованы такие методы как анализ и исследования литературных источников, работ отечественных и зарубежных научных исследователей. Метод сравнения и аналогии, культурно-исторический метод, метод подбора и систематизации материала. Важным является метод анализа и синтеза информации, разработка собственных выводов и предположений. Важное место в исследовании занимает общенаучный сравнительно-исторический метод. В процессе написания работы были использованы литературные источники отечественных авторов.

Материалом исследования являются тексты современных российских СМИ.

Вторая половина XX – начало XXI вв. характеризуются активным развитием средств массовой коммуникации. «Динамичное развитие традиционных СМИ: печати, радио, телевидения, появление новых компьютерных информационных технологий, глобализация мирового информационного пространства оказывают огромное влияние на производство и распространение слова. Все эти сложные и многогранные процессы требуют не только научного осмысления, но и разработки новых парадигм практического исследования языка СМИ [8].

К началу XXI в средства массовой информации превратились в активное средство воздействия на общественное сознание. Как отмечают ученые, «в СМИ функция воздействия, убеждения начинает вытеснять остальные языковые функции, и средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия» [9, с. 11]. В связи с этим вопрос регулирования общественного мнения посредством СМИ приобретает особую важность.

Новые тенденции в культуре речевого общения, обусловленные либерализацией общественных отношений и демократизацией норм русского литературного языка, делают особенно актуальной проблему экологии русского языка.

Возникающие в ходе текстовой деятельности новые смыслы и оценки ориентируют в процессах, происходящих в реальном мире. Реальный мир сегодня очень сложен и противоречив. И очень важно понимать, что сегодня назрела необходимость в создании новых языковых моделей, встроенных в существующие нормы языка. Новые речевые модели внедряются в сознание аудитории через каналы СМИ, и задача журналиста – дать им точное, правомерное, этическое толкование.

В разные исторические периоды цели воздействия СМИ изменялись. В советское время речь СМИ отличалась строгой официальностью, была заполитизированной. В постсоветское время только что обретенная работниками СМИ свобода открыла возможности для творчества, и речь масс-медиа приблизилась к «человеческой» – стала более образной, освободилась от клише и штампов, снизилась декларативность, усилилась интеллектуальная насыщенность текстов. Но в итоге оказалось, что пользоваться свободой не так-то просто. Ведь простота в некоторых случаях – «хуже воровства», а упрощение речи в общественно-политической сфере не польза, а беда. Сближение публицистического стиля с повседневной жизнью общества, интеллектуальный уровень которого постоянно падает, обусловило усиление влияния разговорного стиля в средствах массовой информации, что, в свою очередь, повлекло за собой снижение уровня языковой культуры в целом.

Считается, что СМИ, а особенно радио и телевидение, способствуют закреплению литературной нормы и тем самым значительно уменьшают скорость изменения языка. Язык постоянно меняется, но скорость этих изменений в разное время различается весьма значительно. Бывают периоды, близкие к состоянию покоя и почти полной стабильности, а бывают времена, когда скорость изменений резко увеличивается, так что разные поколения уже плохо воспринимают друг друга. Именно воспринимают, а не понимают, потому что разрушить понимание все-таки значительно труднее, и на это требуются века. Речь же идет просто о том, что язык другого поколения кажется неправильным, испорченным или, напротив, каким-то законсервированным.

Ученые отмечают положительные и отрицательные следствия свободы речи в российских СМИ. К положительным следствиям исследователи относят возвращение официальной устной речи (в советский период была только озвученная письменная); возможность выражения альтернативных мнений различными речевыми способами; отказ от советского официоза и формирование разных идиостилей журналистов и медийных изданий.

К негативным результатам «свободы» речи относятся следующие явления в языке современных российских СМИ. Прямой эфир и запрет цензуры освободили устную речь от ранее принятых ограничений, что привело к снижению уровня культуры медийной речи, к ее ориентации на разговорную речь и просторечие. Исследователи отмечают общее огрубление речи, широкое распространение ненормативной лексики в разных социальных группах населения, чему в немалой степени способствовали СМИ. Проникновение

элементов неофициального общения в речь из теле- и радиозэфира изменило представление об эталоне речи. Наблюдаемое в конце XX в. «смещение стилей привело к исчезновению из сознания населения представления о функционально-стилевой дифференциации литературного русского языка» [14, с. 36]

Из русской речи практически исчез высокий стиль. Ученые отмечают «тектоническое смещение» позиций функциональных стилей: резко сузилась, почти исчезла сфера высокого, патетического, ее место занял нейтральный стиль речи, а он, в свою очередь, оказался потесненным экспрессией разговорных и разговорно-сниженных элементов национального русского языка [17, с. 52-53]. Произошло сближение книжно-письменного и устно-разговорного вариантов языка.

Главной причиной расшатывания литературной нормы и особой роли СМИ в этом процессе была перестройка (90 годы прошлого века). В журналистике появилось громадное количество дилетантов, людей не просто неграмотных, не умеющих писать и правильно говорить, но и принципиально не желающих этому учиться.

Ситуация перевернулась и стала как бы своим зеркальным отражением. СМИ из охранителей литературной нормы превратились в ее разрушителей, оставаясь при этом распространителями или, точнее говоря, образцами этих самых тенденций: в первом случае – консервации, во втором случае – уничтожения. Действительно, если по телевизору говорят то так, то эдак то почему бы и мне (зрителю, слушателю) не говорить так же.

Основная беда нашего времени состоит именно в рассогласованности всех аспектов общего пользования языка в общественной речи. На радио и ТВ отсутствует «аромат» русской речи, для них характерна усредненная интеринтеллектуальная скороговорка с заимствованиями на каждом шагу; это – варваризмы русской речи, которые иногда пытаются передать в русской форме (например как *блѣф* вместо *блеф* или *пѣрл* вместо *перл* – с неожиданным смещением смысла). Между тем звучание речи входит в подсознание, обеспечивая понимание общего содержания речи («схватывание чутьем»). При дублировании некоторых программ и реклам несовпадение визуального ряда со звуком бросается в глаза. И нарушениях в ударении: *обеспечЕние* или *мЫшление* на каждом шагу. Еще сто лет тому назад великий знаток языков профессор Бодуэн де Куртене говорил студентам: «*МышлЕние* говорят те, у кого мозгИ, а *мЫшление* - те, у кого мОзги» [1, с. 278].

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод, что мы становимся свидетелями либерализации языка, речевых норм в печати, на телевидении, возникновения принципиально иных стилистических стандартов в новых массмедиа, участниками информационной революции.

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 278
2. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили / Р.А.Будагов. – М.: Высшая школа, 1967. – 376 с.
3. Былинский К.И. Язык газеты. Избранные работы / К.И.Былинский; [сост. К.М.Накорякова]. – М.: МГУ, 1996. – 304 с.
4. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления / А.Д.Васильев. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 224 с.

5. Григорьева, О.Н. Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка / О.Н.Григорьева; Язык СМИ как объект междисциплинарного изучения: учебное пособие [отв. ред. М.Н.Володина]. – М.: Изд. МГУ, 2003. – С.187-180.
6. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа текстов (опыт исследования современной английской медиа речи) / Т.Г.Добросклонская. – М.: Диалог МГУ, 2000. – 287 с.
7. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г.Костомаров. – М.: Наука, 1971. – 212 с.
8. Кузнецов Г.В. Телевизионная журналистика. – М., Высшая школа, 2002. – С. 182.
9. Практическая стилистика русского языка. Функциональные стили. Под ред. Д.Э.Розенталя. – МГУ, 2007.
10. Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевой культуры / О.Б.Сиротинина. Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова. Отв. ред. Л.П.Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 240-250.
11. Сиротинина О.Б. Язык СМИ: языковой эталон и языковая реальность / О.Б.Сиротинина. Мир русского слова. 2004, № 2 (19).
12. Солганик Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990-1994 гг.) / Г.Я.Солганик; Журналистика и культура русской речи. – М.: МГУ, 1996. – Вып. 1. – С. 4-20.
12. Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления: учебное пособие / Ю.В.Щербинина. – М., Флинта:Наука, 2004. – 224 с.
13. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В.Химик. – СПб., 2004. – С. 52-53.

УДК 007: 304: 659.1

ИМИДЖЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛЯНЦЕВОГО РЕКЛАМОНОСИТЕЛЯ И РЕКЛАМИРУЕМОГО ОБЪЕКТА: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ

Лютикова А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

a.lyutikova93@gmail.com

Рекламный имидж – искусственный образ, «актуальное, общее для целевой аудитории синтетическое смыслообразование, ассоциативно связанное с предметом продвижения» [1, с. 73]. Чтобы идентифицировать рекламодателя, к имиджу примыкает объект рекламы. Связь между ними может быть как прямая, так и опосредованная. Во втором случае появляется вспомогательный ассоциативный ряд, апеллирующий к ценностным ориентирам потенциальных покупателей.

Рекламный имидж характеризуется такими особенностями:

- исключительно практическая направленность;
- ориентация на массовую аудиторию, а не на сегментированную [1, с. 74].

Существует два вида рекламного имиджа. Первый — *прямая демонстрация рекламируемого объекта* с использованием принципа «товар лицом». Данный вид исключает наличие креативного замысла при создании рекламы.

Второй вид — *нелинейная демонстрация предмета рекламы* с использованием метафоры, гиперболы и других тропов. Мы будем рассматривать второй вид рекламного имиджа, т.к. данная форма дает возможность дифференцировать уровни построения имиджа рекламы.

Первый уровень – простейший. В рекламной индустрии широко распространен термин «товарный знак» (англ. *trade mark*), который обозначает эмблему марки, фирмы, продукта. Его цель — способствовать идентификации на рынке товаров и услуг.

Торговый знак обладает рядом характеристик: рекламоспособность, охраноспособность (отличие от других марок, конкурирующих на рынке).

Главной особенностью имиджевой рекламы является акцентирование внимания потребителей на товарном знаке, который сопровождается контактная информация о товаре. Эффективность данной рекламы зависит от того, насколько схожи означающее и означаемое (объект рекламы).

Второй уровень – средний. В его основе лежат *символы*.

Отличительная особенность второго уровня состоит в том, что символ допускает несколько трактовок, смыслов, уровней понимания (профессиональный, обыденный и другие), а знак имеет всего одно значение. *Символ* – это один субъект, который каждый представитель целевой аудитории интерпретирует и наполняет смысловым содержанием в соответствии с особенностями воображения.

В рекламе используются символы как с вербальным, так и невербальным значением. Например, изображение Эйфелевой башни для ТМ *Guerlain* предполагает роскошь, отличное качество, стиль и пр.

Третий уровень – высший. В нем используется принцип *метафоризации имиджа*. Его суть – формирование ассоциативного ряда, соответствующего ценностным установкам потребителей, с использованием метафоризации. Данный уровень подразумевает, что креативная реклама представляет ОТП (основное торговое предложение) при помощи художественных образов и нелинейных ассоциаций.

Рассматривая содержательные основы креативного имиджа, следует отметить, что рекламисты создают его для привлечения и удержания внимания потенциальных потребителей. Рекламное сообщение должно точно и в полном объеме передавать основную суть рекламного торгового предложения.

Специфика рекламного креатива глянцевого журнала заключается в особенностях взаимоотношений глянцевого рекламоносителя и рекламодателя (и/или рекламируемого объекта).

Главная цель брендинга (формирования имиджа) – формирование и укрепление отношений между товаром и потребителем. Для обозначения этих отношения существует термин «лояльность к бренду» (от англ. «brand loyalty»). Налаживание тесной связи между брендом и потребителем является выигрышным для обеих сторон.

Для классификации степени «лояльности» бренда существуют следующие градации: абсолютное безразличие, легкая заинтересованность, приверженность, преданность марке. Степень «лояльности» характеризует, насколько сильно торговая марка укрепились в сознании целевой аудитории.

Примером взаимокорреляции является реклама ТМ *Pantene* в модном глянцевого журнале «Elle». В глянце преобладает реклама брендов, которая воздействуют на имиджевые характеристики издания. В данном примере издание влияет на имидж торговой марки («Elle» № 3, 2014).

Глянцевый журнал обладает устойчивыми имиджевыми характеристиками и занимает первое место среди всех печатных рекламоносителей. Это обусловлено тем, что глянцевые издания транслируют рекламу ведущих товарных брендов, которые обладают устойчивыми статусными имиджевыми характеристиками. Но среди рекламы статусных ТМ иногда можно заметить рекламу товаров для среднестатистической аудитории. Так, возникают коммуникативно-прагматические корреляции имиджевых характеристик рекламируемого объекта и глянцевого журнала: рекламируемый объект влияет на имиджевые характеристики издания, и наоборот, журнал влияет на имиджевые характеристики бренда.

1. Ткаченко Н.В. Креативная реклама. Технологии проектирования: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Реклама» / Н.В.Ткаченко, О.Н.Ткаченко; под ред. Л.М.Дмитриевой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 335 с. – (Серия «Азбука рекламы»).

УДК 811.161.1'42

ДИСКУРСИВНЫЙ ЖАНР РЕЗЮМЕ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Москалёва С.Ю.

Луганский государственный университет им.Тараса Шевченко
moskalyova.73@mail.ru

Современные социально-экономические особенности общества определяют высокий уровень требований к сформированности профессиональных компетенций участников рынка труда, к которым относится и владение основными особенностями официального общения, предполагающее умение выражать свои мысли и осуществлять обмен информацией в устной и письменной речи. Поэтому актуальным становится изучение вербальных особенностей репрезентации знаний, обусловленных ценностно-познавательной спецификой языковой картины мира. Выступая средством разрешения проблемы в каждой конкретной ситуации трудоустройства, жанр резюме отображает специфику делового дискурса и фиксирует особенности речевого поведения участников ситуации трудоустройства.

Резюме, как документ, отличается стремлением его составителя объективно отразить внеязыковую действительность и поэтому вбирает в себя реалии окружающего мира и фиксирует тончайшие нюансы языка, которыми пользуется человек для выражения своей личной заинтересованности в том или ином объекте мира, приспособляя деловой дискурс общества к конкретной ситуации. Жанр резюме представляет собой тип текста, создаваемый по определенной модели, входящей в состав речевой компетенции носителей языка в ситуации трудоустройства и выражающий инициативное сообщение адресанта о желании выполнять определенную работу, а также о наличии у него необходимых профессиональных компетенций [2, с.167].

Новизна жанра резюме в отечественной деловой коммуникации и незавершенность его кодификации обуславливают существование различных форм его композиционной организации и разных подходов авторов-соискателей к языковому воплощению представленной информации.

Объектом нашего исследования стали дискурсивные характеристики жанра резюме. Предметом – проявления дискурсивной личности в жанре резюме. Целью исследования стала попытка описания особенности резюме как дискурсивного жанра современной деловой коммуникации.

Материалом исследования стали реальные резюме, взятые из электронного банка резюме www.job.ws в сети Интернет, которые были проанализированы с точки зрения дискурсивного жанра.

Функциональная направленность изученных резюме – сообщение авторов-соискателей об имеющемся у них опыте работы и выполняемых трудовых обязанностях. Соискатель сам определяет ту информацию, которая, по его мнению, будет способна адекватнее решать стоящую перед ним коммуникативную задачу, то есть положительно характеризовать его с профессиональной точки зрения, косвенно побуждая потенциального работодателя предоставить автору искомую должность.

Исследуя категорию адресанта, мы выяснили, что авторы-соискатели:

- представляют себя, делая акценты на своих положительных деловых качествах;
- используют различные понятия для описания социальных и профессиональных функций с целью повышения своего социального статуса;
- приписывают себе различные социальные роли, используя речевые маркеры.

Анализ текстов резюме позволяет утверждать, что в кругу социальных ролей их авторов наиболее серьезное влияние на качество представляемых сведений в произведениях анализируемого жанра оказывает социально-профессиональная принадлежность автора-соискателя. Те кандидаты, которые претендуют на занятие должностей служащих, в целом лучше справляются с задачей самопрезентации посредством резюме, чем авторы, которые хотели бы получить должность рабочего.

Как справедливо отмечает С.А.Ярцев, «анализ литературы, посвященной резюме как жанру письменной официально-деловой речи, который выполняет двойную функцию: информационную и косвенно-императивную, приводит к заключению, что оно в силу своей новизны еще не до конца оформилось как полноценный жанр служебного документа. Прежде всего, это выражается в отсутствии четко установленного формуляра, которому должны соответствовать все произведения данного жанра. Резюме обладает лишь некоторыми относительно устойчивыми признаками, наличие которых обусловлено не принятыми правилами, а функциональной целесообразностью, позволяющей авторам текста решать стоящие перед ними коммуникативные задачи» [3].

В ходе анализа материала было установлено, что адекватно презентовать себя как специалиста, должным образом описав полученное образование, имеющийся опыт работы и освоенные трудовые навыки, оказывается способным только третья часть авторов резюме. Между тем именно информация о характере и уровне имеющихся у соискателя должности профессиональных компетенций является в тексте резюме наиболее коммуникативно-значимой.

Таким образом, анализ рассмотренных резюме позволяет утверждать, что, исходя из цели коммуникативной ситуации, основными задачами этого жанра можно назвать следующие:

- сообщение информации о соискателе,
- пробуждение положительного эмоционального отклика работодателя,
- побуждение работодателя к принятию решения о соответствии данного соискателя на определённую должность.

Современные изменения, которые происходят в окружающей действительности, при анализе жанра резюме требуют обращения к дискурсивным аспектам, так как жанр резюме невозможно интерпретировать только с позиции традиционного языкового подхода.

1. Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов / Л.А.Введенская, Л.Г.Павлова, Е.Ю.Катаева. 12-е изд. Ростов Н/Д: Феникс, 2005. – 544 с. – С.376-385
2. Тойкина О.В. Лингвокультурологические аспекты институционального делового дискурса в жанре резюме // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/12696/Toikina%20O.V..pdf?sequence=1>.
3. Ярцев С.А. Резюме как жанр деловой коммуникации: Автореферат диссертации по филологии, специальность ВАК РФ 10.02.01 – Режим доступа: http://www.philology.sfedu.ru/attachments/article/213/Ярцев_автореферат_окончательный.doc.

УДК 801.56

СЕМАНТИКА АББРЕВИАТУР В РЕПОРТАЖЕ

Назар Р.Н.

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры
nazar_roman@mail.ru

В лексике современной публицистики аббревиатуры и сокращения занимают особое место. Тематика репортажных текстов весьма разнообразна, поэтому и разнообразны аббревиатуры и сокращения, употребляемые в них.

Целью нашего исследования является анализ и классификация аббревиатур и сокращений по семантическому значению.

Аббревиатуры и сокращения – неотъемлемые элементы современной языковой системы. Их количество в современном языке увеличилось многократно. В текстах СМИ особенно многочисленны инициальные сокращения буквенного и звукового характера.

Активизация использования в текстах современной публицистики этих экономных и с семантической точки зрения емких номинативных единиц обусловлена появлением в реальной действительности сложных денотатов.

Создание аббревиатур является продуктивным способом компрессии многословных названий, вследствие этого во многих тематических сферах аббревиатуры занимают доминирующее положение.

Об этом свидетельствуют исследования Е.С. Кубряковой [2], А.В. Солнцева, Л.В. Щербы [4], В.И. Теркулова [3], Н.З. Котеловой [1], Л.Ю. Касьяновой, А.Т. Липатова, М.А. Ярмашевич [5] и других.

В языке репортажа аббревиатуры обладают наибольшей степенью имплицитности, поскольку они отражают стремление говорящих предельно сократить текст сообщаемого, используя минимальное число языковых средств. Сложносокращенные слова выступают в роли своеобразных синонимов тех многословных названий, от которых они образованы.

Опираясь на данные работ лингвистов, для составления семантической классификации аббревиатур и сокращений методом сплошной выборки проанализируем репортажные тексты СМИ. Анализ отобранных нами репортажей позволил выявить наиболее часто встречающиеся основные семантические группы аббревиатур и сокращений. Это аббревиатуры и сокращения подъязыка военной терминологии, аббревиатуры и сокращения от названий государственных организаций, аббревиатуры и сокращения от названий международных организаций, аббревиатуры и сокращения от юридической терминологии, аббревиатуры и сокращения от научно-технических терминов, аббревиатуры и сокращения от слов общей семантики. Рассмотрим каждую из групп.

Подъязык военной терминологии является одним из основных источников обогащения аббревиации в современном репортаже. Многочисленные сокращения от названий видов вооружения, военных организаций, должностей и званий уже давно стали неотъемлемой частью лексики стиля современных СМИ.

Появление аббревиатур и сокращений подъязыка военной терминологии в репортажных текстах русского и других языков вполне объяснимо целым рядом факторов: войны, конфликты, быстрота освещения в СМИ, использование соответствующей лексики. Рассмотрим такие семантические подгруппы: сокращения от названий видов вооружений: *АК, ТТ, ПМ, ПППШ, Су*; сокращения от воинских званий, названий воинских подразделений, должностей: *комбриг, прапор, главком, начштаба* и др.

Примеры употребления таких аббревиатур и сокращений в современных репортажах достаточно многочисленны, например: *Информация зарубежных СМИ о якобы опасном приближении 14 апреля российского самолета Су-27 к американскому самолету-разведчику RC-135 в небе над Балтийским морем, не соответствуют действительности, – заявил наш генерал.* (rg.ru); *Против сотрудников МВД использовали пистолеты, револьверы, различные виды охотничьего оружия, были пули 5,45, как от АК* (aif.ua).

Аббревиатуры и сокращения от названий государственных организаций можно встретить практически в каждом репортаже на общественно-политическую тему: *ЦБ РФ, Центробанк, ЦИК, ЦРБ, ФАС, КГБ, СБУ, ФЭС, МГБ*. Приведенные примеры иллюстрируют, насколько широко сегодня развита система государственных организаций, чья роль своеобразна и важна. Рассмотрим ряд примеров: *Напомним, что пока ЦБ РФ ожидает падение российской экономики в текущем году на уровне 1,3-1,5 процента* (rg.ru); *Таковы итоги мониторинга цен на социально значимые продукты в семи странах, проведенный Федеральной антимонопольной службой России (ФАС)* (aif.ua); *Вообще-то считается, что Высоцкий был не агентом, а жертвой КГБ.* (kr.ru).

Помимо сокращений от названий государственных учреждений, в любом репортаже можно встретить сокращения от названий международных

организаций: МАГАТЭ, ООН, ОБСЕ, ЕАС, СНГ, ЕС, ТС, ШОС, БРИКС, Интерпол, СБ ООН, Госдеп США.

В настоящее время практически невозможно представить себе жизнь без этих организаций. Именно поэтому их расшифровка не вызывает трудностей, например: *После разгромных статей в самых авторитетных американских и европейских СМИ, в которых жестко критиковалась вся украинская власть, во главе с президентом Порошенко, «неожиданно прозрели» в Госдепе США (aif.ua); Президент Владимир Путин обсудил с челябинским губернатором подготовку города к проведению саммитов ШОС и БРИКС в 2020 году (rg.ru).*

В современном мире юриспруденция уже давно перестала быть узкоспециальной областью, а проникла во все сферы повседневной жизни. Это и повлекло за собой широкое распространение юридических терминов в СМИ и в репортаже, в частности. С одной стороны, это связано с высоким уровнем преступности и активным освещением событий криминальной жизни, а с другой – налицо стремление людей решать возникшие споры цивилизованно, через суд. Например, сокращения от юридических терминов: *КСУ, КС РФ, ФБР, ст. 25, УПК, КЗОТ* и проч.

Также все сферы нашей жизни непосредственно связаны с научно-техническим прогрессом. На телевидении, в общей и специализированной прессе, в Internet можно найти немало репортажей и статей, рассказывающих об открытиях в различных областях науки, новых предприятиях, о высоких технологиях и т.д.

Очевидно, что освещение всех этих событий не может происходить без упоминания научно-технических терминов, аббревиатур и сокращений (*ДонНАСА, ДонНУ, ДонНТУ, АДА, ТСК, ААХ, ПТМ, ПГС, ВВ, ГСХ, ЭП, МО, арх, филол., филфак, к. ф. н., к. филол. н., доц., проф. и др*), например: *В школе Галя участвовала в пьесах драмкружка. А получив аттестат и проучившись год на филфаке Киевского университета им. Шевченко, уже точно знала, что ее судьба – театр (aif.ua).*

Среди всех лексико-семантических групп аббревиатур и сокращений, встречающихся в текстах газетно-публицистического стиля, почетное место занимают аббревиатуры и сокращения от слов общей семантики (*чел, вип, тв, прим., др., проч., с., р., г.*), например: *Единственное, о чем, Порошенко не осмелился сказать, это то, что в бою под Крутами, не было вип-детей (aif.ua); ВИП-поселок из семи домов огражден большим забором (aif.ua).*

Таким образом, аббревиатуры и сокращения активно используются в репортажных текстах и в языке СМИ в целом. В зависимости от их семантического значения, они отражают стремление говорящих максимально сократить сообщаемую информацию, используя минимальное число языковых средств.

1. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С. 5-26.
2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С.Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 199 с.
3. Теркулов В.И. Типология сокращенных конструкторов аббревиатур / В.И.Теркулов // Известия ВГСПУ. – Волгоград, 2015. – № 3 (98). – С. 127-133.

4. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. – 188 с.
5. Ярмашевич М.А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ярмашевич Марина Аркадьевна. – Саратов, 2004. – 480 с.

УДК 378.091.3:316.774 – 028.31

ДИСЦИПЛИНЫ МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦИКЛА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЖУРНАЛИСТОВ

Наливайко Ю.Ю.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
nalivaykoryu@mail.ru

Стремительное развитие в современном мире информационно-коммуникационных технологий и систем масс-медиа, а также сила их влияния формируют потребность целенаправленной подготовки студентов к умелому и безопасному их использованию. Часто медиа превращаются в основной фактор социализации и стихийного влияния на мировоззрение студентов. Вседоступность и неконтролируемость информационного рынка, засилие низкопробной медиа-продукции, аморальных идеалов и ценностей приводит к снижению в обществе иммунитета к социально опасным информационным влияниям. Студенты специальности «Журналистика», с первого курса сталкиваясь с потоком информации в медиа-среде, должны уметь противостоять негативу, фильтровать и классифицировать информационные блоки.

Проблемы медиакультуры и медиаобразования привлекают внимание представителей разных наук. И причина – не только в том, что медиакультура – доминирующая культура информационного общества, а и в ее межпредметности. В современном мире медиаобразование – предмет заинтересованности педагогов, журналистов, психологов, философов, политологов, культурологов, искусствоведов, филологов и не только. Необходимо заметить, что некоторые исследователи считают медиаобразование отдельной инновационной образовательной технологией, поскольку оно реализуется через использование информационно-коммуникационных технологий и повышает уровень компьютерной подготовки благодаря регулярной работе в сети Интернет. Однако с такой суженной точкой зрения сложно согласиться. Именно при помощи медиаобразовательных технологий, которые выделились в отдельный раздел педагогики – медиадидактику, разрабатывается теория медиаобразования и обучения, научно обосновывается содержание медиаобразовательных циклов, изучаются закономерности, принципы, методы и организационные формы обучения с использованием медиапродуктов, а также с опорой на масс-медийный иллюстративный материал. Все эти задачи особо актуальны при обучении студентов специальности «Журналистика», поскольку реализуют принципы гуманизации образования, содействуют повышению интеллектуального, культурного, духовного, нравственного уровня будущего специалиста.

Медиа-составляющая, интегрируясь в образовательный процесс, входит в структуру учебных программ подготовки журналистов, причем как структурный компонент таких дисциплин профессионального блока: «Медиаправо», «Медиакритика», «Интернет-журналистика», «Информационно-коммуникационные технологии», «Новые медиа и коммуникационные технологии», «Теория произведения и текста». При выстраивании последовательности изучения этих предметов и их содержательной/иллюстративной наполняемости учитываются такие основные принципы медиаобразования:

1. Личностный подход. Изучение особенностей медиасреды должно учитывать индивидуальные и социально-психологические особенности, уже сформированные медиавкусы и уровень медиакультуры студента и его ближайшего социального окружения.

2. Учет динамики изменений в системе масс-медиа. Содержание медиаобразования постоянно обновляется в соответствии с развитием компьютерных и коммуникационных технологий, изменений в обществе.

3. Поддержание баланса между актуальными изменениями в медиа-среде и историческим наследием.

4. Координирование между преподавателями дисциплин, как входящих в тематический цикл медиаобразования, так и тех предметов, при изучении которых медиапродукты используются как иллюстративный материал.

5. Приоритетность нравственно-этических ценностей. Медиаобразование нацелено на защиту общественной морали и общечеловеческих ценностей, противостоит жестокости и разным формам насилия, ориентируется на формирование ценностного отношения индивида к людям, обществу, природе, искусству, труду и к самому себе.

6. Гражданственная направленность. Медиаобразование формирует гуманное гражданское общество, опираясь на потенциал общественных объединений, ассоциаций, течений. При этом медиаграмотность студентов трансформируется в важный компонент политической культуры общества.

7. Продуктивная мотивация. Формируется синкретический потенциал будущих журналистов творчески воспринимать медиапродукцию и создавать собственный медиаконтент. Производство во время медиаобразовательного процесса качественного медиапродукта для дальнейшей его презентации на студенческих фестивалях, конкурсах, олимпиадах, в свою очередь, формирует продуктивную мотивацию участников медиаобразовательного процесса.

Как необходимые перспективные задачи при изучении дисциплин медиаобразовательного цикла выделяются следующие:

1. Совершенствование научно-методического и организационного обеспечения медиаобразовательного процесса с опорой на анализ практических проблем современной информационной среды, на обмен опытом между преподавателями дисциплин, в изучении которых используется медиаконтент.

2. Активизация сотрудничества преподавателей с медиапроизводителями.

3. Разработка прикладных научно-исследовательских тем медиаобразовательной направленности для обеспечения научного сопровождения внедрения медиасоставляющей, проведение междисциплинарных исследований по

проблемам медиаобразования, активизация обмена опытом в преподавании специальных дисциплин.

4. Формирование полноценной диалогической связи между преподавателями дисциплин медиаобразовательного цикла и заинтересованными организациями, фондами и т. д. для оптимизации деятельности медиа, повышения компетентности работников молодежных редакций, совершенствования уровня детских и молодежных программ.

5. Всесторонняя поддержка и популяризация дополнительного образования журналистского профиля как для абитуриентов, ориентированных на специальность «Журналистика», так и для школьников и студентов.

С целью реализации принципа непрерывности обучения и формирования медиаграмотности, а также в контексте профориентационной работы преподавателями кафедры журналистики ДонНУ были реализованы следующие виды медиаобразовательных мероприятий и проектов, рассчитанные контингент школьников и студентов: Республиканская олимпиада по журналистике среди студентов и школьников; Конкурс-защита научно-исследовательских работ членов МАН; Медиаобразовательный проект «Молодежная школа журналистики».

Признавая наличие «проблемных зон» в медиаобразовательном процессе, с уверенностью можно рассчитывать на повышение интереса к развитию медиаобразования во всех сферах школьного, вузовского и последиplomного образования.

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. – М., 2008. – 264 с.
2. Засурский Я.Н. Медiateкст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сб. статей / состав. Г.Я.Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2007. – С. 7-12.
3. Короченский А.П. Отечественная журналистская наука: между прошлым и будущим // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 12-18.
4. Чичерина Н.В. Медiateкст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. – М., 2008. – 232 с.
5. Шариков А.В. Медиаобразование: Мировой и отечественный опыт. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1990. – 65 с.
6. Beyer B.K. Improving Thinking Skills // Phi Delta Kappan. – 1984. – Vol. 65. – N 8. – P. 56.

УДК 81'42:070

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АГРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Сереброва С.Б.

Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М.Туган-Барановского
sb_serebrova@i.ua

Современное общество живёт в информационной эре, когда человек не мыслит своё существование без информации, которая помогает ему сориентироваться в жизни и выжить.

Проблема в том, что информация, которую получает человек, может быть не только конструктивной, но и способной влиять деструктивно на сознание, подсознание и, в итоге, поведение людей.

Один из основных каналов, по которым общество получает информацию, — это СМИ, которые стремятся осветить максимально возможное количество явлений действительности. В том числе — и о насилии. А если живешь в регионе, находящемся в центре военных действий, знакомство с информацией, поиск подтекста превращаются в ежедневную потребность, поэтому от того, как подается то или событие, зависит в буквальном смысле психическое состояние индивида. Опасение вызывает не только количество информации о насилии, но и качественные её характеристики, то есть характер, способ подачи материала.

В последнее время много внимания уделяется электронным СМИ, но на наш взгляд, печатные не утратили ещё своих позиций и оказывают значительное влияние на массовое сознание. Главный инструмент печатных СМИ — слово. Именно через него совершается воздействие на сознание и подсознание. Поэтому нельзя исследовать явление эскалации насилия в СМИ, не затрагивая лингвистический аспект проблемы.

В обыденном языке слово «агрессия» означает множество разнообразных действий, которые нарушают физическую или психическую целостность другого человека (или группы людей), наносят ему материальный ущерб, препятствуют осуществлению его намерений, противодействуют его интересам или же ведут к его уничтожению. Такого рода антисоциальный оттенок заставляет относить к одной и той же категории столь различные явления, как детская ссора и войны, упреки и убийство, наказание и бандитское нападение.

Языковая агрессия — это, соответственно, агрессия, инструментом которой является не сила, а слово. Таким образом, слово — это общее звено между СМИ и речевой агрессией.

Вербальная агрессия в современном мире оценивается общественным сознанием как менее опасная и разрушительная, чем агрессия физическая. Но вербальную агрессию можно считать первым шагом на пути к агрессии физической и явлением, создающим у человека агрессивный подход к действительности. Возможно, поэтому речевая агрессия в современных логосферах сдерживается очень слабо. Это, вероятно, в большей степени связано с социальными явлениями, с нагнетанием негативного фона в обществе.

В большинстве изданий негативная информация преобладает. Причем, самое скандальное, шокирующее происшествие выносится на первую полосу и призвано привлечь внимание читателя к покупке именно этого номера. Нужно сказать и о том, что в обществе снизились моральные критерии оценки, никого не удивляют натуралистические подробности бытовых драм, катастроф, террористических актов. Журналисты с удовольствием смакуют подробности произошедшего. Вот как описал для газеты «Факты» один из выживших последние минуты товарищей: *«Побратима придавило плитой так, что он только хрипел и просил: «Киньте в меня гранату, я не могу больше терпеть эту тяжесть». Слушать его стоны было невыносимо. К рассвету он затих. Через сутки ребята, которым удалось удержаться наверху, сумели немного разгрести завал. Я по мере сил помогал им снизу. Меня вытащили, положили в уголок, рядом с другими ранеными. У меня был открытый перелом ноги. Наложили*

жгут. И хотя я помнил, что нужно каждые пару часов ослаблять его, чтобы не допустить омертвления тканей, но периодически терял сознание и упускал время. Рядом лежал доктор Зинич. Все его тело было переломано во время падения, он умер ближе к ночи. Группе наших бойцов удалось уйти. Оставалось только ждать. Бронемашину, высланную командованием, боевики расстреляли по дороге в аэропорт. Мы пролежали около суток. Со стороны неприятеля шла постоянная стрельба, но какая-то мелкая – наверное, проверяли, есть ли в терминале еще живые. Потом они стали подходить ближе. Мы с побратимами держали в руках по гранате. Между собой договорились, что подрываться будем только в случае, если за нами явятся «кадыровцы». Зашли местные» [«Факты», № 10, 2015].

В последнее десятилетие существенные преобразования происходят в языковой системе, и прежде всего в наиболее подвижной ее части – лексике. Активизируются процессы семантической трансформации слов в разных группах лексики, что связано с изменениями в общественной жизни, сфере экономики, науки и т.д.

Наиболее активно процессы семантических изменений происходят в политической сфере. Слова, не имевшие ранее отношения к политике, получают политическое звучание. Чаще всего новые значения слова приобретают вследствие метафорического переосмысления, при этом они характеризуются ярко выраженной коннотацией, чаще всего отрицательной, выражая оценку современной общественной ситуации. Такие образования представлены двумя группами слов: первую составляют слова, которые в новом, метафорическом значении употребляются только в социально-политической сфере, что находит отражение в словарных дефинициях, и вторую – слова, которые имеют более широкую сферу употребления и используются как в сфере политики, так и экономики, техники и др.

Лексемы, представляющие разные стилистические и функциональные сферы языка, выступают как основа политической метафоры. Актуализируется модель семантического переноса конкретное – абстрактное применительно к явлениям общественной жизни. При этом новые значения развивают как нейтральные в стилистическом отношении слова, имеющие в общенародном языке метафорическое значение, которое переносится в политическую сферу, например: небесная сотня, правительство камикадзе, куля в лоб (о невыполненных обещаниях премьера Яценюка)

Больше всего наименования появилось по линии «свой» – «чужой». Например: сепары, ополченцы, ватники, лугандоны, Даунбасс, луганда, донбабве, ватники, колорады, с одной стороны, – укропы, правосеки, бандеры, киевская хунта, вышиватники, каратели, киборги, жидобендоровцы, с другой. Способ образования новообразований – различный, но все они – производные известных ранее, существовавших в языке слов. В случае с наименованием «укры», «укропы» используются возможности полисемии, слово «ватник» – человек с (пост) советской ментальностью, происходит от одноименного названия популярной теплой одежды бедных советских людей. Совокупность ватников часто обозначают собирательным существительным «вата».

Часть образований имеет ярко выраженный оценочный характер, сниженную стилистическую окраску, например кормушка «место во властных структурах как источник личной выгоды».

Экстралингвистические факторы оказывают наибольшее влияние на отбор и организацию средств языка, на изменения в языке, в частности в лексике, как наиболее чувствительном инструменте коммуникации. Публицистический стиль ранее других функциональных стилей фиксирует языковые/речевые изменения, т.е. отражает активные процессы в современном языке на всех уровнях.

1. Добросклонская Т.Г. Что такое медиалингвистика? // Вестник Моск. ун-та Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2004. – № 2. – С. 9-17.
2. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23-29.
3. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М., Гардарики, 2005.
4. Рождественский Ю.В. Избранные труды. – М., МГУ, 2003.
5. Сметанина С.Н. Медиа-текст в системе культуры. – СПб: изд-во В.А.Михайлова, 2002.

УДК 81:(047.1): (055)

ФАКТУАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗАГОЛОВКОВ НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Стеценко Н.М.

Донецкий национальный технический университет
stecenkon@ukr.net

Стремление к объективности и нейтральности излагаемой информации как функционально-жанровая особенность новостных медийных текстов находит выражение в различных языковых средствах, которые подчеркивают дистанцию между личностью автора и публикуемым материалом (З. Вайшенберг, Т.Г. Добросклонская, К.Д. Кирия, М.Л. Ковальчукова, А.В. Колесниченко, О.Р. Лащук, Ю.В. Шемелина и др.).

Констатация факта, которая является самым распространенным типом речевой деятельности в новостных медиатекстах [1, с. 237], реализуется посредством компонентов содержательно-фактуальной информации (точные данные о фактах, участниках событий, времени и месте действия и пр.) [2], от корректности освещения которых в масс-медиа зависит жизнь современного человека и общества в целом. В связи с этим чрезвычайно **актуальным** заданием для медиалингвистики представляется исследование особенностей содержательно-фактуальной информации новостных медиатекстов в аспекте воздействия на читательскую аудиторию.

Объектом нашего исследования русскоязычные новостные медиатексты украинских печатных и электронных СМИ. **Предметом** исследования являются компоненты содержательно-фактуальной информации новостных медиатекстов украинских русскоязычных СМИ в аспекте речевого воздействия. **Цель** работы: исследование фактуальных компонентов информации заголовков новостных медиатекстов в прагматическом аспекте.

Исследования языка масс-медиа убедительно доказывают приоритет воздействующей функции в коммуникации современных СМИ. По справедливому замечанию М.Н. Володиной, СМИ превратились в мощнейшее средство влияния на массовое сознание, и именно в них наиболее отчетливо проявляется

воздействующая функция языка [3]. Новостным медиатекстам воздействующий потенциал присущ в неменьшей степени, чем прочим жанровым разновидностям медиатекстов (Т.С. Дроняева, Т.А. Присяжнюк, А.А. Негрышев, А.Ш. Сафаргалина, С.И. Сметанина, Н.С. Цыбикова и др.).

Речевым воздействием в широком смысле называют любое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиций одного из коммуникантов [4, с. 3]. Вслед за А.А. Леонтьевым полагаем, что сообщение новых фактов действительности, истинность которых подчеркнута нейтральными языковыми средствами, является одним из способов реализуемого в новостном дискурсе воздействия, сущность которого определяется как воздействие через информирование [5].

На основании исследованных Е.Н. Комаровым характеристик фактуально-логической информации заголовков СМИ [6], проиллюстрируем особенности содержательно-фактуальных заголовков новостных медиатекстов в аспекте речевого воздействия.

Отсутствие дескриптивности. Фактуальные заголовки в новостных медиатекстах не являются дескриптивными, то есть в основном лишены частных характеристик события и субъективной оценочности. Например: «*Рада ратифицировала соглашение об упрощении визового режима с ЕС*» («АиФ», 22.03.2013); «*Россия готова обсуждать варианты поддержки Кипра*» («День», 22.03.2013). Выраженные нейтральными языковыми средствами такие суждения коротко и точно передают суть новой информации.

Терминология. Использование терминологии в заголовке медиатекста имеет особое значение для восприятия новой информации. Будучи соотнесенными с различными тематическими концептосферами, данные лексические единицы координируют внимание реципиента и выполняют роль указателей отнесения информации к определенным медиатопикам, организующим поток информации СМИ [6]. Например: «*ВАСУ к апрелю решит, будет ли рассматривать заявление Власенко*» («День», 13.03.2013); «*Рада ратифицировала соглашение с ЕС об упрощении визового режима*» (УНИАН, 22.03.2013); «*Главы МИД ЕС обсудят эмбарго на поставки оружия в Сирию*» («Интерфакс», 23.03.2013).

Клишированные структуры. Стандартизация на языковом уровне значительно облегчает реципиенту процессы восприятия новостной информации. Подчеркнем, что наличие клишированных конструкций в новостном медиатексте является отражением процессов их глобальной клишированности: «*Объявлен победитель президентских выборов в Польше*» («Зеркало недели», 22.03.2013); «*Янукович требует чрезвычайных мер для борьбы с непогодой*» (УНИАН, 24.03.2013).

Имена собственные. Имена собственные участвуют в установлении многочисленных интертекстуальных связей, удерживая внимание реципиента. В заголовочной позиции новостных медиатекстов они могут быть представлены: 1). Именами известных людей (политических и государственных деятелей, ученых, писателей, спортсменов и т.д.): «*Янукович, Коморовский и Адер присутствуют на футбольном матче Польша – Украина в Варшаве*» («Укринформ», 22.03.2013); 2). Названиями субъектов внешней и международной политики, экономической, культурной и других видов

деятельности: «Премьер Ливана отправил правительство в отставку» («АиФ», 23.03.2013); 3). Названиями географических объектов: «Встреча президентов Украины, Польши и Венгрии началась в Варшаве» («Укринформ», 22.03.2013); 4). Названиями организаций и институтов: «Кабмин предлагает законодательно унормировать статус военных резервистов» («Интерфакс», 22.03.2013).

Квантитативные элементы. Категория количества, представленная словесным и цифровым способом, с одной стороны, всегда производит впечатление объективных и строгих фактов, а с другой стороны, обладает значительным прагматическим потенциалом. Например: «Кабмин выделил почти 0,5 миллиона помощи пострадавшим участникам Майдана» (УНИАН, 29.09.2015); «Эстонец выиграл в лотерею более 700 тысяч евро» («КП», 22.03.2013).

Сегментированные конструкции в заголовке. Характерным для интернет-изданий является фактуальный заголовок, состоящий из двух сегментов, разделенных двоеточием (тире). Один из сегментов такого заголовка традиционно содержит информацию об источнике полученной информации и тематически локализует внимание реципиента, направляя его на восприятие второго сегмента, являющегося носителем основной фактуальной информации. Например: «Эксперт: ЕС может принять сторону Украины в газовом конфликте с Россией» (УНИАН, 26.02.2013); «Крымский спикер: Нас раздражает украинский язык» («Итоги недели», 08–14.02.2012); «Греко-католическая церковь созрела для патриархата, – Гузар» («День», 14.03.2013).

Цитаты медиаперсон. Достаточно часто, с целью подчеркнуть документальность и точность информации, автор новостного медиатекста прибегает к цитированию известных личностей, а также ссылок на источники информации. Например: «Лидер КНДР приказал превратить южнокорейские острова в «море огня» («День», 14.03.2013). Ссылка на авторитет медиаперсоны позволяет автору использовать в цитате разнообразные стилистические фигуры. Например: «Нафтогаз о заявлении Азарова: На людей в таком возрасте *обижаться грех*» (УНИАН, 05.03.2016). Такие цитаты, помимо подчеркивания достоверности излагаемого события, выполняют аттрактивную роль.

Таким образом, фактуальная информация в заголовке новостного медиатекста вследствие своей документальности, насыщенности, подчеркиваемой объективности изложения является одним из способов реализуемого в новостном дискурсе воздействия через информирование.

1. Дроняева Т.С. Информационный подстиль // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / ред. М. Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 290-317.
2. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под ред. Т.А.Ладыженской, А.К.Михальской. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 113 с.
3. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 5-16.
4. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Отв. ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1990. 136 с.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
6. Комаров Е.Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2003. – 210 с.

УДК 327.33

**ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(ОПЫТ ДОНБАССА)**

Агаркова А.А.

Макеевский экономико-гуманитарный институт

Не секрет, что в системе изучения самостоятельных территориальных социокультурных единиц (провинция, село, город, двор и т.п.) все более возрастает роль регионального ракурса. Как производное сложных интегративных междисциплинарных научных связей (гуманитарной географии и геоэтики, этнологии, истории, краеведения, социологии, филологии и пр.), отечественная культурологическая регионалистика [1-5] продолжает разрабатывать свое собственное проблемное поле. В числе научных аспектов последнего: соотношение регионального и общенационального культурных ландшафтов, своеобразие местной этнокультурной «цветущей сложности», специфика хронотопа регионального культурного бытия, историко-культурный «брендовый» потенциал регионов [9] и др.

При этом, одним из многогранных и перспективных направлений региональных научных исследований, на наш взгляд, остается образно-символический дискурс интерпретации культурных локусов. Как известно, семиотическая гуманитаристика, представленная именами Р.Барта, Ю.Лотмана, Н.Анциферова, Д.Спивака, традиционно рассматривает территориальную пространственную целостность как текст, своеобразную знаковую систему. Образ как «определенная знаковая модель, опосредующая представления о стране через доступные обыденному сознанию понятия и суждения» [8, с.17], традиционно позволяет маркировать символические границы *своего и чужого миров*.

С другой стороны, образно-символическое восприятие находится в естественной зависимости с региональной идентичностью, понимаемой как переживаемые (осознаваемые) смыслы в системе мировосприятия территориальных общностей. Становление местной образности и символики – мощный стимул развития региональной идентичности, одно из оснований социальной консолидации земляков.

В данной работе (на примере Донбасса) рассматриваются некоторые образно-символические особенности оформления и бытия региональных культурных пространств.

Пространство – культурно осмысливаемая субстанция. Культурное пространство страны всегда многомерно, сочетает как общий план, так и

отдельные, малые территориальные единства. Человеческому сознанию изначально свойственна постоянная смена ракурса пространственного мировосприятия во все усложняющемся мире, *постоянный переход* от малых жизненных пространств к большим, где каждый пространственный сегмент обладает своим целостным образом и особыми индивидуальными характеристиками. Закономерно, что укрупнение масштаба территориально-культурных образований (город – регион – страна) корректирует весь образно-символический ряд, переподчиняясь новому фокусу их восприятия.

У каждого региона свой культурогенез, свои культурные слои, обусловленные историческими условиями этнического, социального, хозяйственного обустройства. Малые региональные целостности изначально локализованы колоритом местного географического ландшафта, в тесной связи с которым исторически оформляются индивидуальные черты социокультурного образа региона. Любая страна в той или иной мере характеризуется своими особенностями соучастия регионов в общенациональном духовном развитии, где могут быть разные, исторически сложившиеся цивилизационные полюса притяжения, определяющие их культурную самобытность. Национальные и региональные культурные миры периодически находятся то в состоянии равновесия-единства, то дисбаланса, ввиду межпоколенческих и социально-политических идейно-ценностных трансформаций и разотождествления их ранее сложившихся образов. Тем самым, осуществляется неизбежное периодическое переосмысление новым поколением своей региональной культурной идентичности.

Местная, региональная индивидуализация всегда проявляет себя только в контексте национальной культуры. По мере приближения символического «объектива» к региональным локусам, пространство национальной культуры обнаруживает разнообразие культурного ландшафта, представленного специфически местной мифопоэтической символикой, образной тематикой. Игнорирование последних в национальной культурной политике неизбежно влечет за собой кризис искомой «противоречивой гармонии» в образе всей страны. В драматические моменты истории нередко осуществляется переоформление элементов образа региона, обнаруживаются его новые «точки роста», происходит переоценка духовно-ценностного потенциала. Региональные локусы, являясь частью национальных, государственных целостностей, периодически «обозначают свое присутствие», в той или иной мере подтверждая или опровергая свое *Место*, свой устоявшийся образ.

Как известно, образно-символическое мышление составляет глубинную основу нашего сознания, а мир символов – ту область значений, о смысле которых мы постоянно вопрошаем. В условиях современного лавинообразного роста информационных потоков (с характерными для них войнами, прежде всего, в знаково-символических полях), символ как один из защитных механизмов культуры способствует упорядочению и упрощению мировосприятия. При этом, региональные образцы (в числе которых так же есть свои «зажигаемые», «погасшие», «спящие» и т.п. символы) имеют собственный жизненный цикл существования. Символизация регионального пространства формирует его качественную неоднородность, разграничивая сакральное и

мирское, временное и вневременное, ценностное культурное ядро и подвижную, изменчивую смысловую периферию. В каждом из жизненных планов человека (страна-регион-город-двор-дом) внутренние локусы всегда были семантически структурированы с выделением как «сильных» зон (особо сакральных мест), так и «слабых», профанных. При этом, определенные природные, культурные или техногенные объекты *данного Места* могли выступать средствами символических переходов, указывая на «качественные разрывы в пространстве» (М. Элиаде).

Как отмечается рядом исследователей, чтобы иметь общий смысл для региональных общностей и успешно транслироваться во времени, образы культурных пространств должны быть конвенциональны, упрощены, деконтекстуализированы и эмоционально насыщены [7, с.84].

В самом деле, образы оформляются (во многом на мифопоэтической основе) как система представлений о себе самом, преломляясь в быту и ментальных чертах, фольклоре и художественном наследии. При этом, действительно, осуществляется упрощение и «разрисовка» его различных звеньев, способных к периодическому достраиванию в исторической перспективе, при всей известной инерционности природы геокультурных образов. В зависимости от утвердившегося на этот час социокультурного контекста, его отдельные звенья могут упрощаться, «выпадать», или, напротив, чрезмерно гипертрофироваться, искусственно достраиваться в соответствии с новыми идеологическими парадигмами своего времени.

Так, после революции 1917 года и мощной мобилизующей энергии коммунистического учения впервые создается образ Донбасса как показательного молодого «соцрегиона», не имевшего развитой дореволюционной культурной предыстории. В представлении «строителей новой жизни» образ края создавался заново: регион и в самом деле начинал складываться как новый культурно-хозяйственный организм с принципиально новым этносоставом. Стремительно «собирался» его культурный ландшафт, «рассредоточенный» в прежних дореволюционных реалиях. Оформлялась главная культурная доминанта, на которую опирался уже официальный канонизируемый образ края в межрегиональном пространстве. Отсутствие достаточно основательной культурной предыстории в дореволюционный период и начало грандиозного послереволюционного обустройства региона, осуществляемого усилиями нового «освобождённого человека труда», вызвали мощный выброс местной мифотворческой энергии. Так, «донецкость» донбасского региона будет надолго соединена с шахтерской темой.

Как отмечалось, феномен духовного обустройства малых региональных миров немыслим вне оформления характерных образно-поэтических систем, порожденных восприятием своих природных ойкумен. В результате, пространство осваивается, одомашнивается сознанием: «собирается» воедино и упорядочивается система узнаваемо своих природно-ландшафтных характеристик (в Донбассе: *степь, курган, река Донец, террикон* и пр.). Становясь устойчивым, со временем дополняясь, корректируясь или даже ниспровергаясь новыми представлениями, региональный круг образно-символических представлений идентифицирует местное культурное пространство.

Как единство природно-ландшафтного, этносоциального и мифорегионного, образ создается достаточно естественно, органично. Так, небезызвестная донбасская триадичность: *Каменные Могилы – Саур-Могила и Святогорье* в советский период пространственно упорядочивала в образе региона его исторические, сакральные и героические структурные элементы (имагеми). Точно так же, образуемая своеобразная «зажатость» региона в пограничье между двумя легендарными казаческими вольницами (Запорожской и Донской) дополнительно семантизировала локус, предопределив его особую роль в деле революционного строительства «Нового мира».

Отмежевываясь от чуждых «национальных проектов», региональный культурный ландшафт все более сосредоточивается (переформатируется) изнутри и вовне, ищет (и моделирует) новые альянсы малых и больших культурных целостностей. Трагическое обострение межрегиональных различий последнего времени, обернувшееся военным противостоянием, сопровождается очередным *пересобиранием* образа Донбасса. Вновь проявляет себя космогоническая мифологема «строительства Новой Жизни». Возникает очередная веха осмысления своей региональной (и цивилизационной) идентичности, подлинных черт «украинскости», «русскости», «европейскости». Образ Донбасса достраивается новыми чертами и элементами культурно-пространственного «телосложения», военной героики, персонажного и трудового плана. В образе края осуществляется новое семантическое структурирование пространства с выделением «сильных», сакрально-значимых сегментов региональной топонимической образности (Дебальцево, Иловайск и др.)

Обозначается внутренняя консолидация регионального культурного потенциала, новое соотношение центра и периферии. Начинается новый исторический виток символизации местного культурного ландшафта, затрагивающей как исконные ментальные архетипы: *путь-дорога* как метаобраз русского космоса (отсюда особый мифопоэтический смысл категории «беженца»), *днецкая степь*, *курган* и пр., так и новые, порожденные новой реальностью.

В целом, исследование исторических этапов и особенностей образно-символического оформления региональных культурных пространств остается одной из наиболее перспективных научных проблем в современной гуманитаристике.

1. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии: Архетип культурного ландшафта / В.Л.Каганский // Обсерватория культуры. – 2009. – №1.
2. Региональная культурология: проблемы и перспективы / От краеведения к культурологии: Российскому институту культурологии – 70 лет / М-во культуры РФ, Рос. институт культурологии. Ред. колл.: К.Разлогов и др. – М., 2002.
3. Краеведение и региональная культурология: взаимосвязь и соотношение // Научно-методические проблемы подготовки специалистов в вузах культуры. Тезисы выступлений на конференции преподавателей СПб ГАК. – 20 апр.1998 г. – СПб: СПбГАК, 1998.
4. Иконникова С.Н. Культурное пространство России. Региональная культурология / С.Н. Иконникова // Россия в контексте мировой культуры. Сб.науч. тр. – Т.152. – СПб, 2000.
5. Мирошникова Е.А. Регион как уникальный национально-культурный комплекс (Особенности и условия развития). Автореф.дисс. ...канд. Филос. наук. – СПб, 1996.

6. Титков А.С. Образы регионов в российском массовом сознании / А.С.Титков // Полис. – 1999. – №3.
7. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов / Д.Н.Замятин. – М., 2006.
8. Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всероссийской НПК (17-19 ноября 2010 г.) / Под ред. В.Зверева. – Новосиб: Изд.НГПУ, 2010.
9. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Под ред. В.Мальковой и В.Тишкова / Ростов-на-Дону: Изд. ЮНЦ РАН, 2012.

УДК 398.91

ПОСЛОВИЦЫ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Белых А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
anabelykh@ukr.net

В данной статье мы определяем роль пословиц в жизни человека и его заинтересованность к данному жанру фольклора.

Пословицы возникли в глубокой древности. В некоторых пословицах сохранились языческие приметы. Например: «Обметешь кого-либо веником – замуж не выйдешь» (Веник был семейным оберегом у древних славян. Поверье связано с несколькими символами: кругом, веником, мусором. Народ верил, что души умерших могут найти пристанище в домашнем мусоре. По народным приметам перед венчаньем жениху и невесте в одежду надо воткнуть булавки (делается для того, чтобы колдун или просто завистник не сглазил молодоженов).

Мудрые упоминания о пословицах мы встречаем в произведениях древнерусской письменности «Слово о полку Игореве»(XII век.) С XVII века начали издаваться сборники пословиц. Ученые в XIX веке пришли к выводу, что каждая пословица освещает эпоху, в которой она родилась. Например: «Лежачего не бьют» (во время кулачных боев), «Каков хан, такова и орда», которая явно указывает на время порабощения Руси игом.

В пословицах выражены краткие изречения, в которых объединяются мысли и суждения, верования и суеверия, правила житейской мудрости народа. Они освещают христианские веру «Бог не в силе, а в правде», «На небо поглядывает, а на земле пошаривает» и исторические события. Мысли и правила выражаются в пословицах иногда прямо и непосредственно, например, «Себя расстроить, так и дом не устроить»; очень часто в форме сравнения – «конь узнается при горе, а друг при беде», бывает в форме указания на какой-нибудь частный случай, например, «свинья и в золотом ошейнике свинья», или на историческое событие — «погиб, как швед под Полтавой».

В пословицах довольно часто употребляются языковые приемы и средства, имеющие двучленную синтаксическую форму выражения: параллелизмы, тавтологии (синонимы), противопоставления (антитезы) и др. Параллелизмы: «Без топора не плотник, без иглы не портной»; тавтология или синонимы:

«В одном кармане пусто, а в другом нет ничего»; антитезы: «Богатый и в будни пирует, бедный и в праздник горюет».

Пословицы «взяты от сохи», тесно связаны с жизнью, они уникальны во всех отношениях и могут быть применены любым человеком. Они возникали естественным путём; рождаемые народной жизнью.

Великий писатель Максим Горький давал советы писателям учиться сжатости и выразительности языка пословиц. Большая заслуга русских писателей, которые использовали в своих произведениях пословицы взятые из народной жизни. Например: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь» (А.С.Грибоедов), «У разбитого корыта» (А.С.Пушкин), «Как белка в колесе» (И.А.Крылов) и многие другие.

О чем бы ни говорилось в пословицах – это всегда обобщение. Образное отражение действительности в них связано и с эстетической оценкой разнообразных явлений жизни. Владимир Иванович Даль (1801-1872), составил в 1853 г. собрание пословиц, где уделил им особую роль. Он взял 6 тысяч уже с печатных, а 25 тысяч с уст крестьян, ремесленников и солдат. Он объединил пословицы по тематическим группам. В «Толковом словаре живого великорусского языка» (1861-1868) также содержится много тысяч пословиц, поговорок, присловий, прибауток. Они расположены по темам: Русь – родина, народ – мир, ученье – наука, бывшее – будущее и т. д., – всего более ста семидесяти тем. Вот некоторые пословицы на тему «Язык – речь»: Не спеши языком торопись делом; За правое дело говори смело (стой смело); На великое дело – великое слово; Живым словом победить; хорошую речь хорошо и слушать; Коня на вожжах удержишь, а слова с языка не воротишь [2, с. 115].

Существует своеобразная форма пословиц. Ей свойственна ритмическая организация, особое звуковое оформление. В пословице нет лишних слов, каждое слово имеет вес и точность. Она выражает мысль ясно и не требует объяснение, о чём идет речь.

1) Не зная броду, не суйся в воду. Русская пословица

2) Не спеши смеяться над другими - на каждом дереве есть черви, подтачивающие его.

3) Не подымай нос: споткнешься.

Пословица доходчиво быстро даёт логическую формулу, утверждает истину.

С ней спорить не возможно. Надо прислушиваться к народной мудрости, если не сделать этого можно «наломать дров». Она может научить, поставить на путь истинный.

Пословицы часто переплетаются с бытом семейной жизни. Семья-родственники, дети живущие вместе и имеющие одного хозяина. «Какая это семья, всего муж да жена», – говорит нам старинная вологодская пословица.

Такая их мудрость не вспоминается без причины. Они приходят на память только в разговоре. При характеристике предметов и явлений существующей жизни пословицы очень точно и чётко заменяют многословные и утомительные пояснения. Выражения известных, великих, умудренных жизненным опытом людей стали пословицами. Великий писатель Н.В.Гоголь утверждал, что все, что существует в жизни: издевка, насмешка, попрек, в общем всё может расшевелить

и задеть за живое. Можно привести слова русского полководца и военного теоретика Суворова А.В. (1730-1800 гг.), такие как «Дело мастера боится», «Ученье свет, а не ученье – тьма», «Сам погибай, а товарища выручай», «Пуля дура – штык молодец» вошли в нашу жизнь, как пословицы и стали олицетворением мудрости. Толстой на протяжении всей своей жизни изучал русский язык и собирал народные пословицы. Он не только в своей литературе, но и в разговоре приводил русские пословицы как общеизвестные, так и малоизвестные, записанные им от крестьян и богомольцев». В семье Толстого употреблялись пословицы, и его отец чаще всех других вводил их в свою речь. Это: «На всякий роток не накинешь платок»; «Как аукнется, так и откликнется»; «Бог-то бог, да сам не будь плох»; «Где родился, там и годился»; «Не так живи, как хочется, а как бог велит»; «День мой – век мой». При разговоре с друзьями Толстой, пользовался русскими пословицами, но очень часто использовал иностранные, особенно французские. Чаще других он любил приводить такие французские пословицы: «Dans le doute abstiens toi»; «Le mieux est l'ennemie du bien»; «Dis moi qui tu hantes, et je te dirai qui tu es»; «Tout comprendre c'est tout pardonner»; «Tout vient à temps à celui qui sait attendre»; «L'exactitude c'est la politesse des rois»; «Fais ce que doit, advienne que pourra». Некоторые мудрые выражения были введены в семью как правила, а некоторые шли по его жизни «девизом».

Будут меняться времена, отношения людей к жизни, но пословицы будут оставаться в их быту. Они пришли в речь наших современников и такими от нас перейдут к людям грядущего столетия. Их время не пройдет. Век пословиц продолжается: «Живи не как хочется, а как может», «Живи не прошлым, а завтрашним днем», «Живут один раз: не потом, а сейчас», «Жизнь без цели – пустая жизнь», «Жизнь дана на добрые дела», «Жизнь дороже всех сокровищ».

1. Барли Н. Структурный подход к пословице // Паремнологические исследования. – М.: «Наука», 1984. – С.214.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2003. – С.616.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1-4. – М., 1955.
4. Савина Е.А. Житейская психология в пословицах и поговорках / Е.А.Савина, Л.Ю.Дегтяренко // Человек. – 2007, № 6.

УДК 687.016

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ ИЗ АРСЕНАЛА ПОНЯТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЛЛЮЗИЯМИ В АСПЕКТАХ ДИЗАЙНА КОСТЮМА

Гаджибекова И.А.

Дагестанский государственный технический университет
naina.92@mail.ru

Проблемами, связанными с изучением и объяснением феномена "иллюзии" занимаются специалисты различных профилей. Это – психологи, философы, врачи, деятели искусства. Их трактовки и формулировки весьма

отличаются друг от друга, что доказывает значимость указанного явления, изучение которого находится "на стыке" разных наук.

Несмотря на значительное количество источников, посвящённое иллюзиям, изучение аспектов их возможностей применительно к дизайну одежды практически не нашло отражения в доступной литературе.

В то же время использование такого мощного композиционного средства, как зрительные иллюзии, поможет проектировщикам и производителям одежды обеспечить значительную удовлетворённость требований её потребителей.

На основании сказанного можно констатировать, что выбранное направление работы является актуальным.

В связи с этим представляет значительный интерес анализ и сопоставление определений, даваемых понятию "иллюзия" и связанными с этим производными от этого слова.

Это необходимо для того, чтобы выбрать и сформулировать такие характеристики изучаемого понятия, которые можно будет положить в основу его трактовки в контексте дизайн-проектирования костюма.

Приведём несколько определений понятия "иллюзия", содержащихся в различных справочных изданиях и литературных источниках.

Одним из самых старых определений иллюзий является определение Ф.Пинеля (1809 год), где он называл их "заблуждениями изображения", в которых настоящие предметы "приукрашиваются", иногда же совершенно изменяются [4].

Более поздние определения иллюзий имеют и сходства и различия.

Иллюзия – это не правильное, искажённое восприятие предметов реальной действительности [6].

Различают иллюзии, связанные с объективными законами ощущения и восприятия у всех или большинства людей, а также иллюзии временной апперцепции, как следствие особого психофизиологического состояния конкретного человека. Они, как правило, возникают в результате повышенной эмоциональной возбудимости при наличии навязчивых представлений, в состоянии напряжённого ожидания.

С.И. Ожигов [3] характеризует иллюзии как обман чувств, нечто кажущееся, болезненное состояние, ошибочное восприятие предметов и явлений. Он говорит о существовании оптических, слуховых, аффективных иллюзий, упоминает также о несбыточных мечтах и об иллюзиях, реализуемых в программных номерах фокусников-иллюзионистов.

В другом источнике [5] говорится, что иллюзия – это искажённое восприятие действительности, обман восприятия, как следствие несовершенства органов чувств, свойственных всем людям, а также обусловленных особым состоянием психики. Иллюзии трактуются также как несбыточные надежды или ложное представление, связанное с определённой социальной обстановкой индивида.

Наибольший интерес в плане нашей темы представляют оптические иллюзии (обманы зрения) [5]. Они характеризуются как ошибки зрительного восприятия объектов, их формы, величины, удалённости, цвета и т.д. Оптические иллюзии связаны со светлотным или цветовым контрастами, движением объекта, законами линейной и воздушной перспективы и др.

К оптическим иллюзиям можно отнести стробоскопические эффекты, а также эффекты, связанные с иррадиацией.

Оптические иллюзии широко используются в различных видах искусств.

Производным от слова "иллюзия" является термин – "иллюзорность" (призрачный, обманчивый, кажущийся) часто используемый применительно к изобразительному искусству как чувственная достоверность изображения.

Иллюзорность может проявляться в кажущейся осязаемости, телесности и объёмности воспроизводимых на плоскости предметов, в трёхмерности, стереоскопичности, воздушности изображаемого пространства. При этом в художественном произведении должно сохраняться разумное соотношение иллюзорности и условности. Иллюзорность, лишённая эстетической осмысленности и превращённая в самоцель ведёт к натуралистическому копированию предметного мира.

По мнению Ю. Аксёнова и М. Левидовой [1], иллюзорность – это сходство изображения с натурой, граничащее с обманом зрения.

Иногда иллюзорность используется специально как художественный приём, например, в оформлении интерьеров, когда требуется зрительно увеличить размеры помещения. Это же качество может быть использовано при необходимости корректировки зрительного впечатления от человеческой фигуры.

Интересен для нас также термин "иллюзионизм", который трактуется как искусство вызывать у зрителя ощущения, отличающиеся внешней реальностью, но на самом деле – основанное на обмане зрения, внимания, слуха и т.д. [6].

Существует также другое определение иллюзионизма.

Иллюзионизм в сфере изобразительного искусства – это обман глаз, имитация, дающая впечатление реального существования изображаемых пространства и предметов, как бы стирающая грань между реальным и изображаемым миром [5].

Иллюзионизм осуществляет зрительную подмену или кажущееся уничтожение материала, из которого состоит само произведение, плоскости стены, изменение пространства [2].

Принципы иллюзионизма активно использовались в античной живописи, в искусстве Возрождения и особенно – монументально-декоративном искусстве Барокко, где с помощью приёмов иллюзионизма, используемых в живописи, архитектурное пространство принципиально изменялось.

Широко известны также так называемые "натюрморты-обманки" 18 века.

Слово "иллюзионизм" широко известно, как вид циркового и эстрадного искусства, где применяются специальные приборы, аппараты и механизмы, действие которых основано на обмане зрения.

Расшифровка перечисленных терминов позволяет сделать вывод о том, что указанные явления представляют значительный интерес для создателей одежды. При её проектировании часто ставятся задачи зрительного изменения фигуры, что может быть продиктовано её особенностями, осознаваемыми как недостатки в контексте тех или иных эстетических идеалов, которые свойственны определённому времени и моде, как временному стандарту эстетических требований к одежде. В дальнейшей работе нам предстоит выделить и изучить возможности некоторых иллюзий для целенаправленного применения их в

грамотном использовании в дизайн-проектировании одежды, которое специалисты иногда! в шутку и в серьёз" называют "квалифицированным обманом".

Нами разработана комплексная методика проведения масштабной серии научных экспериментов с использованием социологических методов исследования, метода дисперсионного анализа, метода включённых наблюдений, компьютерных технологий и т.д.

В результате должны быть разработаны рекомендации по целенаправленному применению оптических иллюзий в одежде для различных типов фигур.

1. Аксёнов Ю., Левидова М. Цвет и линия. – М., 1968.
2. Большая Советская энциклопедия. – М.: Большая Советская энциклопедия. – 1963. – С.82.
3. Ожигов С.И. Словарь русского языка. – Издание 23. – М.: "Русский язык", 1990. – С.247.
4. Пинель Ф. Врачебно-философское начертание душевных болезней. – Перевод с французского. – М.: Типография И. Решетникова, 1829.
5. Советский энциклопедический словарь. Издание 3. – М.: "Советская энциклопедия", 1985. – С.483.
6. Энциклопедический словарь. – М.: "Большая Советская энциклопедия", 1953. – С.672.

УДК 378.34.82

ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТА-ЮРИСТА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО КУРСА «ЛИТЕРАТУРА И ПРАВО»

Журавлёва Е.А.

Донбасская юридическая академия
elenazh8@gmail.com

Важными составляющими профессиональной компетентности любого специалиста являются такие элементы как социальное поведение, активная жизненная позиция, склонность к творческому поиску и рефлексии. Большое значение для формирования данных качеств у студентов правовых и правоохранительных специальностей имеют такие гуманитарные курсы как культурология, антропология, этика, религия, философия. Ведь ещё великий русский правовед А.Ф. Кони говорил о том, что у образованного человека, в первую очередь юриста, общее, гуманитарное образование должно идти впереди специального. Особое место в образовательной программе подготовки студентов-правоведов может занять специальный литературный курс для юристов и правоохранителей. Такой опыт активно используется в западной системе высшего образования.

В настоящее время в сфере юридического образования США популярно движение «право и литература». Это движение включает в себя профессоров учебных заведений, правоведов и филологов, которые считают, что понимание закона может происходить через толкование литературных текстов. Движение

популяризирует использование литературного повествования для иллюстрации реальности и пояснения значения закона для общества. Оно изучает право в литературе и право как литературу. Проще говоря, применяется анализ литературных текстов на предмет того, что в них говорится о праве, как юридические проблемы формируют сюжет произведения.

В 1990-е все научные журналы публиковали статьи, посвящённые этому вопросу. С середины 1980-х до середины 90-х государственная ассоциация коллегии адвокатов выступила спонсором многочисленных театральных постановок по мотивам классических литературных произведений, посвящённых юридическим вопросам, включая произведения Диккенса и Шекспира.

Изучение курса «право и литература» подразделяется на три части. Первая включает изучение права в литературе. Рассматриваются правовые темы, раскрытые в романах и других произведениях. Эти выдуманные сюжеты используются как призма, через которую исследуются реальные судебные процессы, имевшие место в США.

Вторая часть рассматривает право как литературу. Здесь затрагиваются образовательные аспекты реальных судебных разбирательств, например, по расовым вопросам или проблемам правоохранения. Также анализируется проза и риторика судей.

Третья часть это право и литература. Здесь сравниваются и противопоставляются аналитические приёмы каждой дисциплины при интерпретации определённых текстов, будь то конституция, устав, судебные прецеденты или литературное произведение.

Самые известные работы на эту тему включают в себя: Benjamin N. Cardozo "Law and Literature", John Fischer "Reading Literature/Reading Law: Is There a Literary Jurisprudence?", James O. Freedman "The Law as Educator", Richard A. Posner "Judges' Writing Styles: Do They Matter?" и другие.

Польза данного движения состоит также в переходе от теории и абстракции к примерам из жизни. В результате студенты приобретают такие навыки, как например, сила воображения. Юристы учатся ставить себя на место клиента, оппонента или свидетеля, учатся предвидеть реакцию на свои заявления и доводы. Кроме того, литература заставляет пересмотреть такие явления как вынесение судебных решений под влиянием сострадания, роль справедливости и милосердия в суде и вне суда, а также столкновение естественного и позитивного права.

Дебора Вэйр Пост, профессор права колледжа Тауро и юридической школы Джэйкоба Фуксберга делится опытом введения в курс контрактного права обширного материала по литературе. Её опыт был не единственным. В юридических школах уже читаются курсы «право и экономика», «право и общество». По словам автора, решение включить литературные произведения в курс контрактного права вытекло естественным образом из опыта преподавания и целей обучения. Её студенты это умные и высоко мотивированные молодые люди, которые надеются реализовать «Американскую Мечту» в собственной жизни. От преподавателя они ждут чего-то большего, чем изложение правил и теории. Поэтому преподаватель ставит перед собой цель дать знания истории и культуры, стимулировать студентов изучать все стороны жизни человека, а

литература, по мнению Вэйр Пост, помогает и в том и в другом. Она пытается донести до студентов культуру как процесс и показать, какую роль они сами играют в этом процессе. Термин «культура» был выбран для обозначения совокупности таких понятий как мировоззрение, природа человека, права, власть, обязанности, представление о добре и зле, законном и противозаконном поведении.

Столкнувшись с ситуацией, когда группа студентов не могла понять контракт и прокомментировать его по той причине, что он противоречил их убеждениям, преподаватель сделала вывод, что мировоззрение студентов, их ценности и идеалы, а также представления об устройстве мира влияют на способность решения юридических проблем. Их необходимо учить видеть ситуацию с разных позиций. Введение литературных сюжетов с описанием правовых конфликтов предлагает альтернативную точку зрения, делает видимым то, что студенты могли не заметить, заостряет внимание на деталях, помогающих студентам сравнить свои представления о жизни с реальностью, которую описывает автор. Например, рассказ «Новая лодка» Энни Пролкс, главный герой которого неудачник с низкой самооценкой покупает совершенно непригодную лодку, вызывает студентов на дискуссию о том, кто несёт ответственность: невнимательный доверчивый покупатель или продавец, действовавший на грани мошенничества, расхваливая негодный товар. Разбор реальных судебных дел на практических занятиях показал, что студентам не нравится защищать интересы нищих, алкоголиков, умственно отсталых, так как они презирают людей этого социального слоя. Однако, студенты не решались давать такие комментарии относительно реальных сторон судебных дел. Обсуждение же литературного произведения дало им возможность высказаться и обратить внимание на то, что личное отношение к потерпевшему мешает принять решение в его пользу и заметить мошенничество продавца.

Опрос, проведённый в 199 юридических школах Америки, показал, что в 84 из них читается подобный курс. На сайтах шести юридических школ Мичигана предлагается 6 факультативных курсов, связанных с правом и литературой.

Введение подобного курса в отечественную образовательную программу подготовки студентов-правоведов позволило бы реализовать междисциплинарный подход в образовании, а, следовательно, решить задачу воспитания целостного мировоззрения у будущих юристов, обеспечить творческое освоение правовых дисциплин, научить самостоятельно устанавливать сложные связи между явлениями, реализовать принцип взаимосвязи теории и практики.

1. Post, Deborah W. Teaching Interdisciplinarily: Law and Literature as Cultural Critique // 44 St. Louis U. L.J., 2000. – P. 1247-1272.
2. Fischer, John "Reading Literature/Reading Law: Is There a Literary Jurisprudence?" // 72 Texas Law Review, 1993.

ВЕКТОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫСТАВОЧНОГО ЦЕНТРА «АРТ-ДОНБАСС»

Калиниченко Е.Н.

Художественно-выставочный центр «АртДонбасс»
kalinichenko.k.n@gmail.com

Культура, пишущая историю. Художественно-выставочный центр «АртДонбас» уже имеет определенные традиции по налаживанию международных творческих связей. Среди них организация художественных и фото выставок как в городе, так и за его пределами, участие во всероссийских научно-практических конференциях [4, с. 102], проведение творческих встреч с деятелями культуры и искусств РФ и не только.

Их необходимость очевидна, особенно в наш век активизации геополитических технологий. Тем более что язык искусства универсален и не требует досконального перевода, а работает с сознанием человека через его чувства.

ХВЦ «АртДонбасс» знакомит Вас со своей очередной передвижной выставкой **«Сердца трех»**. (Первая передвижная «Ветры Донбасс» была представлена летом 2015 года в Сочинском художественном музее и Ростовском областном музее изобразительных искусств. Было представлено 82 экспоната). Она организована благодаря творческому содружеству коллектива центра с народными художниками Украины, проживающими в Донецке: Владимиром Степановичем Шенделем, Григорием Антоновичем Тышкевичем и Юрием Валентиновичем Зорко.

Это имена золотого фонда культуры нашего края, наши мэтры и наши сердца. Творчество именно этих художников нам захотелось представить широкой публике, в разных городах, а может и странах. Отсюда родилось и название экспозиции, и ее душевность, и ее гордость за наш край (рис. 1).

Рис. 1. Народные художники В. Шендель, Ю. Зорко, Г. Тышкевич – авторы выставки «Сердца трех»

Своеобразное противостояние деятелей культуры. В экспозиции будут представлены 55 различных по жанру и стилистике работ, отражающих многообразие творческого видения мастеров. Отобрав маленькую толику из шедевров наших современников, с большой любовью к их таланту сотрудники ХВЦ «АртДонбасс» стремятся показать миру самобытных живописцев, не сложивших кисти в осажденном Донецке, а ставшими высоким противостоянием, отстаивающим мир и красоту души.

Участие в данной выставке открывает юбилейный год народного художника Украины Владимира Шенделя. В течении более чем пятидесятилетней творческой деятельности им создан особый шенделевский мир образов. Его работы приобретены для музеев и частных собраний как ближнего, так и дальнего зарубежья [5, с. 296]. Основные темы его работ – это казачество

(серия «Казаки Сечи Запорожской»), древняя история нашего края («Золотой скиф»), серии «История Донбасса», «Великая Отечественная война», «Партизанская республика», «Стахановцы», «Прокофьевская серия». А персональные выставки «Мастер и Маргарита», «Да, скифы мы», «Зов Дикого поля» стали настоящим явлением в культурной жизни. «У каждого человека есть своё предназначение. У человека талантливого – миссия особая. Если это художник, то его картины должны пробуждать лучшие человеческие качества – благородство, доброту, великодушие» – говорит Владимир Шендель.

Народный художник Украины Юрий Валентинович Зорко признается: **«Творчество – это вся моя жизнь.** Оно помогает преодолевать трудности и недуги, заряжает позитивной энергией, дарит огромную эстетическую радость». Чувствуется, что Юрий Валентинович и сам получает радость от творчества, и щедро делится ею с другими. Его полотна наполнены светом и воздухом, любовью к жизни и радостью бытия. Причем он и живет так, как пишет – с открытой душой, готовностью всегда прийти на помощь и просто с неизменно добрым посылом и хорошим настроением [5, с. 126].

Полотна одного из самых выдающихся донецких мастеров кисти Народного художника Украины Григория Антоновича Тышкевича известны далеко за пределами нашей страны. Он участник более 150 всеукраинских и международных выставок, проходивших в Италии, Франции, Германии, Чехии, Польше, Японии, Монголии и других странах мира. Работы Тышкевича представлены в двадцати отечественных и зарубежных музеях, а также имеются в частных коллекциях практически по всему миру [5, с. 262]. С 2000 года среди его регалий значится: «Академик Калифорнийской международной академии наук, образования, индустрии и искусств». Тышкевич – лауреат премии имени Н. Островского, А. Куинджи, с 2005 года – руководитель Всеукраинского пленера «Святогорье». «Эти святые, божественные места, где каждый ищет путь к себе, к духовности, дают вдохновенье. Когда я пишу картины в Святогорске, то чувствую себя ближе к Богу», – говорит художник.

Мастера пленэрной живописи. «Природа – собеседник» или «фактурное созвучие души» как говорящие творческие идеи-восприятия в цитатах художников.

Духоподъемно воспринимается их мироощущение в отражении эпохи. Их великий дар делиться умением видеть прекрасное в окружающем мире.

Пронзительная откровенность и многообразие художественных приемов для ее реализации. Это примеры талантливейшего **градовоспевания!** Именно так. Со своим неповторимым стилем письма и мышления... Например, Григорий Тышкевич известен также как мастер городского индустриального пейзажа и признан художественным сообществом родоначальником жанра «Лирический урбанизм». Особенностью творчества художника являются поэтичность, связь с жизнью города [6, с. 275].

Основное направление творчества В. Шенделя – **графика.** Он создал целые серии линогравюр, офортов, литографий, рисунков и акварелей. Художник сделал иллюстрации к роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», который произвёл на него сильное впечатление в юности. Но чаще всего сюжеты для своих произведений Владимир Шендель черпает в древней

истории: «Когда человек знает свою историю, у него рождается гордость за свой народ» [6, с. 307].

Сейчас готовится персональная выставка «Гордость земли донецкой» к 80-летию автора в Художественно-выставочном центре «АртДонбасс».

Своеобразное возвращение Юрия Зорко. После войны семья выехала в Таганрог, где он пошел в школу и начал заниматься в изостудии Дома пионеров. Кстати, это была школа, в которой учился А.П. Чехов. Это было первое признание художественных работ в оформлении ученических стенгазет. А дух Таганрога, первых сильных художественных впечатлений сопровождает мастера по жизни [6, с. 129].

Художники, воспевающие Донбасс. Это наша история культуры Донбасса. Все осознают, что индустрию края поднимали великим трудом и не задумываются о творцах художественного мира. А ведь этот путь наши мэтры проходили каждодневно, оставшись в Донецке с молодых лет и всю свою жизнь отдавая великому служению искусству. Кропотливо и вдумчиво живописуя историю нескольких поколений во всей ее многогранности и многоликости, своим удивительным талантом воздействуя на мировоззрение современников, они щедро даруют нам свои сердца. Вдумайтесь, вслушайтесь, всмотритесь... (рис. 2).

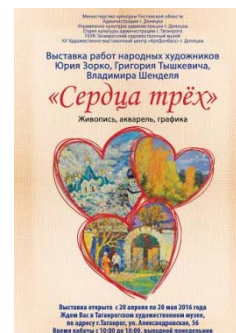

Рис. 2. Афиша выставки «Сердца трёх»

1. Калиниченко Е.Н. Ветры Донбасса в Ростове // Сайт художественно-выставочного центра «АртДонбасс». 2011. URL: <http://artdonbass.com.ua/ru/project/vystavka-vetry-donbassa-v-rostove.html> (дата обращения: 15.04.2016).
2. Калиниченко Е.Н., Базилевская В.В. Открытие выставки «Ветры Донбасса» // Сайт художественно-выставочного центра «АртДонбасс». 2011. URL: <http://artdonbass.com.ua/ru/project/otkrytie-vystavki-vetry-donbassa.html> (дата обращения: 15.04.2016).
3. Колоколова В.В. Ветры Донбасса в Донецке // Сайт художественно-выставочного центра «АртДонбасс». 2011. URL: <http://artdonbass.com.ua/ru/project/vetry-donbassa-v-donecke.html> (дата обращения: 15.04.2016).
4. Музей и Война. Судьбы людей, коллекций, зданий / под ред. З.Ю. Тагуровой. Екатеринбург: ООО «ПП «Артикул», 2016. 307 с.
5. Художники Донеччини / під ред. Р. Г. Клименко. Донецьк: Тов. «Промінь», 2008. 470 с.
6. Художники Донеччини / під ред. Р. Г. Клименко. Донецьк, 2004. 326 с.

УДК 130.2:82.0

МЕМОРИАЛ КАК АНТИ-ПАМЯТЬ (КОНЦЕПЦИЯ ЛИОТАРА)

Кравченко О.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
1234oksana@bk.ru

Жан-Франсуа Лиотар предстает исследователем, чье имя прочно ассоциируется с разработкой философской проблематики постмодерна. Однако и

сегодня, спустя более трех десятилетий после выхода в свет его книги «Постмодерное состояние» (1979), оказываются справедливы слова одного из переводчиков Лиотара – В. Лапицкого – о том, что «за кадром осталась сама мысль, сложная и выстраданная мысль философа, лишь надводной частью которой является концепция постсовременности» [1, с. 152]. Мы полагаем, что движение в глубины этой мысли актуализирует проблематику памяти и забвения – основной темы книги Лиотара «Хайдеггер и “евреи”».

Фундамент идей Лиотара базируется на критике европейской рациональности, сформировавшей еще в XVIII веке мета- или макронарративы эпохи современности. Просвещенческие метанарративы в своей совокупности они представляли некий устремленный в будущее «проект современности». Крушением этого проекта и определяется эпоха постсовременности (постмодерна). Для обозначения краха проекта модерна Лиотар использует слово «Освенцим», вслед за Теодором Адорно придавая катастрофе Освенцима смысл философемы, означающей дискредитацию рационально-дискурсивных оснований европейской культуры.

«Освенцим» подрывает систему метанарративов, знаменуя трагический конец эпохи современности. То, что за нею следует, и есть постмодерн, значение которого, по Лиотару, не следует понимать как игру с прошлым, как незаинтересованный «бриколаж», эклектически заимствующий элементы предшествующих стилей. Постмодерн не совпадает с «постмодернизмом»: это не стиль в искусстве, но философское «состояние», заданное коллапсом рациональности в печах концлагерей.

Осмысляя утрату доверия к метанарративам, Лиотар обращается к «делу Хайдеггера», которое называет «французским делом», поскольку оно перенаправило французскую философскую мысль от экзистенциализма, феноменологии и марксизма к деструктивной и парадоксальной мысли о «внепамятном».

В книге «Хайдеггер и “евреи”» вопрос о соотношении современности и постсовременности воссоздает «еврейскую» проблематику Забытого и его повторения. Противостояние Хайдеггера и «евреев» есть в основе своей противостояние новоевропейского разума и того, что им не ассимилировано. Заметим, что логика осмысления этого противостояния требует заключения в кавычки не только слова «евреи», но и имени Хайдеггера, поскольку его неотделимая от политики философия есть в определенном смысле реализация парадигмы Просвещения. Противостояние не личности и нации, а, в равной степени, универсальных смыслов следующим образом артикулировано в книге Лиотара: «Так или иначе, бог Гёльдерлина-Хайдеггера – это лишь языческо-христианский бог, бог хлеба, вина, почвы и крови, это не бог нечитаемой книги, который требует единственно почтения и не позволяет освободиться от уважения и неуважения (от добра и зла) посредством жертвоприношения, старого нерва диалектики» [2, с. 42].

Для Лиотара важным аспектом проблемы является «еврейский» в своей основе взгляд на Освенцим как на постоянно присутствующую вне реального присутствия, постоянно длящуюся катастрофу. Философ видит современные последствия противостояния тоталитарного разума и его «Другого» в

перспективе «мемориала»: искупительной жертвы разума, вводящей «вне-памятное» и «вне-разумное» в собственную, рационально-гуманистическую парадигму. По Лиотару, память о преступлении не должна стать памятью только «исторической», ограничивающейся старательной фиксацией фактов. «Мемориал», задним числом вписывающий катастрофу в анналы истории, оборачивается предательством памяти о ее подлинной сути.

Лиотар утверждает, что преодолеть забвение возможно не «исторически», но типологически: так, как сохраняется самими «евреями» память о Завете; как память о непредставимом, но вечно присутствующем, как память о внеобразном и вневременном. Мемориал же вытесняет дух события, будучи лишь его внешней и несоизмеримой репрезентацией. «“Политика забвения”, – пишет Лиотар – как раз и состоит <...> в возведении мемориала» [2, с. 12].

Подобное понимание проблемы сопрягает этическую проблематику со сферой эстетики, а именно закрепляет за сферой памяти характеристики, конститутивные для категории возвышенного.

Возвышенное направляет сознание на нечто абсолютное, следовательно, отрицает саму возможность представлять, связывать и соотносить. Возвышенное, представляющее дух (как само-представление, презентация), не репрезентативно, не дано как некое наличествующее «вот». Потенциальная репрезентация одного обесмысливает другое: «Когда возвышенное «вот» (где?), духа тут нет. Как только он есть, нет возвышенного» [2, с. 55].

О возвышенно-непредставимом и ведет разговор Лиотар, уклоняясь от политических разбирательств и обличений. Возвышенное предстает той смысловой призмой, в которой в равной мере преломлены этика и эстетика, и в которой ценности искусства оказываются ответственны перед катастрофическим опытом жизни. Искусство, по мысли Лиотара, в лучшем случае способно лишь приблизиться к тому непредставимому, что несет в себе возвышенное, а в худшем – произвести возвышенное как то самое, покинутое духом «вот». «Искусство искусственно, – пишет Лиотар, – оно строит свое представление. Искусство не может быть возвышенным, оно может “производить” возвышенное, каковое ничем не лучше, нежели прекрасное, а разве что смешнее» [2, с. 74]. Эта горькая ирония в адрес прекрасного – наследие отрицательного пафоса Адорно, который, как признает Лиотар, «отлично понимает, что если сегодня искусство производит прекрасное, то оно производит китч» [2, с. 72]. Подобным же образом искусственен и мемориал, не способный удержать память в каком бы то ни было конкретно-чувственном облике.

Лиотаровское сопряжение эстетики и этики может показаться нивелированием последней, сведением этической напряженности к разговору о стилистике художественных тенденций. Об этом, в частности, пишет Э. П. Юровская в статье с полемичным заглавием «Возвышенное как характеристика современного искусства?». Анализируя статью Лиотара «Возвышенное и авангард», развивающую во многих своих положениях идеи книги «Хайдеггер и “евреи”», исследовательница отмечает, что «произведенный перевод категории из аксиологического в темпоральный план явно сужает ее эвристические возможности» [3, с. 171]. «Пересадка почтенной категории в гущу современной художественной практики» оказалась, по мнению исследовательницы, непродуктивной.

Мы же полагаем, что аксиология сохранена Лиотаром в самой специфике его темпоральности как концепции времени вне времени, восходящей к традиции иудаизма. Более того, можно утверждать, что лиотаровская теория возвышенного лежит в основе современных культурных стратегий «де-мемориализации». К числу таковых можно отнести приуроченную к 70-летию Великой Победы акцию-шествие «Бессмертный полк». Представленные фотографии дедов и отцов не просто воссоздают живой облик конкретных людей. Важнее то, что фотографии символизируют неизменность ценностных ориентиров поколений, объединённых живым током вневременного духовного импульса.

Мы полагаем, что по своему культурному смыслу эта акция, проходившая также в Донецке, отлична от той стратегии поминания, которая сегодня реализуется в столице Донбасса. Так на въезде в город представлена серия фотографий «Наши павшие – как часовые». Ощущение трагизма здесь задано лично, контрастом улыбающихся молодых лиц и смысловым подтекстом строки Высоцкого. И все же эти, помещенные на бигбордах фотографии, не имеют отношения к памяти в том вневременном смысле, о котором писал Лиотар. Это – обретенный агитационный смысл живое человеческое горе, своеобразный мемориал без мемории, без испытующей временной дистанции; скорее – форма гражданской городской панихиды, чем способ увековечения.

1. Лапицкий В.Е. Так говорил Лиотар. (Вместо комментария) // Лиотар Жан-Франсуа. Хайдеггер и «евреи» / Пер.с франц., послесл. и прим. В.Е.Лапицкого. – СПб.: Аксиома, 2001. – С. 151-187.
2. Лиотар Жан-Франсуа. Хайдеггер и «евреи» [пер.с франц., послесл. и прим. В.Е.Лапицкого]. – СПб.: Аксиома, 2001. – 187с.
3. Юровская Э.П. Возвышенное как характеристика современного искусства? // Эстетическое и этическое: 40 лет спустя. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 169-171.

УДК 882+7.06

ЛЮДИ, ВЕЩИ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В РОМАНАХ ДИНЫ РУБИНОЙ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Логвинова И.В.

Московский государственный институт музыки им. А.Г.Шнитке

Lo-grina@yandex.ru

Современная русская литература представляет собой пеструю картину, в которой сочетаются различные стили, течения, направления. В качестве одного из направлений ее развития можно выделить культурологическое, особенно заметное в романах Дины Рубиной, таких, как «Почерк Леонардо» (2008), «Белая голубка Кордовы» (2009), «Синдром Петрушки» (2010), «Русская канарейка» (2011). Люди, вещи, культурная память – основная тема Д. Рубиной, характерная черта ее творчества, ее, если так можно выразиться, фирменный стиль.

Яркой культурологической особенностью романов Д. Рубиной является тема культурной памяти, связанная, в частности, с традиционной для русской

литературы темой детства, детского взгляда на мир (эту тему обстоятельно исследовали в своем творчестве С.Т.Аксаков, Л.Н.Толстой, И.А.Бунин, Л.Н.Андреев и др.). В каждом романе у нее присутствуют дети, причем, каждый рождается с уже сформированным характером и своим мировосприятием. Так, в первой части трилогии «Русская канарейка» о рождении главного героя, Леона Этингера, сказано: «...Странно, что этот «малёк» чуть не с рождения строго различал – где, с кем и как себя вести, всегда поступая так, а не этак, в зависимости от обстановки, будто понятия «место» и «время» были изобретены нарочно для него или родились вместе с ним» [3, с. 514-515]. Кроме того, главная героиня, Айя, также рождается с уже сложившимся характером, к тому же ее природная глухота не мешает ей виртуозно читать по губам и освоить искусство фотографии.

В романе «Белая голубка Кордовы» тема детства как будто вертится вокруг странного серебряного кубка с надписью на иврите, которую главный герой, художник Кордовин, разгадывает, постоянно окунаясь в свои детские воспоминания и чуть ли не в прошлые жизни всех своих родственников: «Целая вечность прошла, минут пять, пока смысл выбитых букв стал сцепляться в слова, а те – во фразу <...> Имя его предков, как дерзкая ящерица, сбрасывало хвосты, петляя меж столетиями, оставляя в дураках врагов и преследователей; сутью же оставалась Кордова, исток и корень, основа, дух, удел <...>» [1, с. 665]. Вещи, театральные переодевания Леона, оживляющие эти вещи, принадлежавшие близким людям – в «Русской канарейке»: «Леон всегда собирал что-то *из жизни*, <...> собрание ни к чему не пригодных одиноких вещей «с характером»...» [3, с. 516].

В «Синдроме Петрушки» внимание автора сосредоточивается на вечном детстве странных героев – мальчика-аутиста и рыжей взбалмошной девочки Лизы, похожей на куклу: «Он никогда не заискивал перед детьми и вообще мало обращал на них внимания. В своей жизни он любил только одного ребенка – ту, уже взрослую девочку, что выздоравливала сейчас в иерусалимской клинике. Именно в состоянии начальной ремиссии она имела обыкновение строчить ему гневные окончательные письма» [4, с. 12-13]. Оба героя оказываются одержимыми: он – своими куклами, «петрушками» разных времен и народов, их изготовлением, она – им и родильным идолом Корчмарем, присутствие которого в доме способствует рождению рыжих девочек (без него рождаются мальчики с синдромом Петрушки, т.е. даунами).

В «Почерке Леонардо» перед нами разворачивается история необычного ребенка-левши Анны (Нюты) и лабуха Сени (фаготиста), который годился ей в отцы. Необычная девочка предсказывает будущее, разглядывая внутренние зеркала, и по зеркальному принципу легко начинает понимать любой язык, любую науку: «Нюта с лету хватает все эти дурацкие «айн-цвай-драй-фи-ир, ин ди шуле геен ви-ир», что приводит Полину [домработницу] в неопишуемый экстаз. <...> А что тут понимать: в голове есть такое зеркальце, в котором, если сильно сосредоточиться, отражается все, что хочешь запомнить. Надо только поймать зеркальцем нужный предмет, или слово, или, что гораздо веселее, цифру. И когда зеркальце поймает то, за чем охотится, считай это навеки пойманным. И разве не у всех людей так устроено? И с буквами все было бы отлично, если писать их правильно, а не вздорно, шировот-навыворот, как повсюду понавешано и понаписано...» [2, с. 58-59].

Помимо общекультурной темы памяти, в каждом рассматриваемом нами романе самостоятельной темой звучат города со своими неповторимыми приметами: живой разговорной речью героев, топографическими приметами (обычно запечатленными избирательной детской памятью вперемешку с культурологическими комментариями автора, посвященными какому-то одному виду искусства). В романе «Почерк Леонардо» это Киев и цирковое искусство, физика и искусство игры на фаготе; в романе «Синдром Петрушки» – Львов, Прага и искусство кукловода; в «Белой голубке Кордовы» – Винница, Петербург, Кордова, Иерусалим и живопись (в частности, реставрационное мастерство, подделка картин и аукционы); в «Русской канарейке» – Одесса, Москва, Алма-Ата и музыкальное искусство (в частности, связанное с оперным пением, игре на музыкальных инструментах и искусством разведения певчих птиц – канареек).

Свой голос обретают в романах Д.Рубиной искусства (живопись, музыка вокальная и инструментальная, цирк, театр, фотография). Они «говорят» о себе не просто с энциклопедической точностью и подробностью, с полным знанием и пониманием дела, но также их голос сливается воедино с голосом главного героя, их носителя. Так, в романе «Русская канарейка» вокальная партия «последнего по времени Этингера» сливается с его внутренним монологом, становится его душой, его существом (недаром он о себе говорит, что он – Голос, просто Голос): «На словах «ди Зёйе цу хю-у-у-утн!!!» Мелодия взмыла вверх, до фа-диеза второй октавы и там, словно поросычьим закрученным хвостом, затрепетала длинным верхним триллером, издевательским штопором ввинтившись на фортиссимо в пустоту воздуха. Завершив трель, он [Леон Этингер] ощутил движение единого в восторженном выдохе зала» [3, с. 198]. Такое тонкое описание музыкальных и живописных подробностей объясняется музыкальным и художественным образованием автора и опытом, наработанным в различных сферах культурной жизни России, Казахстана и Израиля (родилась в эвакуации в Ташкенте, в семье художника и учительницы истории, окончила музыкальную школу при ташкентской консерватории, затем консерваторию, преподавала в ташкентском Институте культуры, в дальнейшем репатрировалась в Израиль, где работала редактором русскоязычной газеты, работала в Москве руководителем культурных программ еврейского агентства Сохнут). При этом тексты Д.Рубиной фантастически полифоничны. Сюжетные линии и голоса героев не просто пересекаются в любой точке времени и пространства (единого пространства Памяти, как единой Ноосферы, из которой автор черпает каждый новый сюжет), но они иногда сливаются до неразличимости, кто это говорит или думает: автор, герой или один из рассказчиков. Сами сюжеты скручиваются в детективный свиток со многими неизвестными, в конце которого читателя ожидает совершенно неожиданная развязка. В этом смысле сюжеты романов Д.Рубиной продолжают детективную традицию Ф.М.Достоевского, с той разницей, что у нее детективная история многопланова и прорастает не только в психологию героя, а в ветвящиеся связи этого героя со многими людьми, разбросанными по всему миру и, на первый взгляд, никакого отношения друг к другу не имеющими. Такие связи часто возникают по причине исторических потрясений: в годы революции и Второй мировой войны. В основном всякие необыкновенные истории происходят с

евреями, которым нужно приспособливаться, чтобы выжить. Например, в романе «Почерк Леонардо» учитель поясняет «лабуху Сёме»: «...в деле скрипки и фортепиано от евреев уже в глазах рябит. А вот фагот от них пока свободен...» [2, с. 112]. История семейства Этингеров («Русская канарейка») связана с канонистом-евреем, который много раз менял имя и фамилию, чтобы выжить.

Таким образом, можно назвать романы Д.Рубиной культурологическими по содержанию и по смыслу: в них читателю предстает необыкновенный мир художников, цирковых артистов, музыкантов в щедрой россыпи соответствующей профессиональной терминологии и обязательно в единой связи с носителями этих талантов – необыкновенными детьми с их странными судьбами (например, Нюта исчезает на мотоцикле среди бела дня, полая в другое измерение («Почерк Леонардо»), Кордовер застрелен неизвестными людьми на глазах своей родственницы («Белая голубка Кордовы»), обезумевший кукольник Петр умирает в танце («Синдром Петрушки») и т.д.).

1. Рубина Д. Белая голубка Кордовы. – М.: Эксмо, 2014. – 704 с.
2. Рубина Д. Почерк Леонардо. – М.: Эксмо, 2014. – 576 с.
3. Рубина Д. Русская канарейка. Желтухин. – М.: Издательство «Э», 2015. – 576 с.
4. Рубина Д. Синдром Петрушки. – М.: Эксмо, 2012. – 496 с.

УДК 82-16

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ВОЕННОГО ДОНБАССА

Магомедова Ю.Б.

Донецкая республиканская универсальная научная библиотека им. Н.К.Крупской
yulia.donnu@gmail.com

Понятие региональной культуры во многом связано с тенденциями глобализации и регионализации в современном мире. На рубеже веков с развитием регионализации, возникновении самодостаточных территориальных образований, термин «региональная культура» стал рассматриваться в рамках границ одной страны, конкретного региона [11].

Несмотря на то, что в нынешнее время уже исследовано множество региональных культур, культура Донбасса до настоящего времени – это лакуна, изучение которой только начинается. Как и вся культура в целом, это – сложная, многоуровневая и всеохватывающая система. Задача сегодняшнего дня состоит в осмыслении военных событий, их культурной трансформации и преобразении в искусстве – в системе измерения в масштабах вечности.

Различным аспектам региональной культуры посвящены работы российских исследователей: В.Л.Каганского, Н.В.Розенберг, И.Я.Мурзиной, Ю.М.Беспаловой и др. Культуру Донбасса в годы Великой Отечественной войны изучали: Я.Олейник, Е.А.Проценко, П.В.Добров, Д.Н.Титаренко.

На современном этапе развития региональной культуры необходимо выявить, какие социальные образы отражаются в искусстве военного Донбасса, а именно, в поэзии наших современников.

В 2015 году в Донецке и Луганске вышли сборники поэзии «Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014-2015 годов» и «Время Донбасса. Литература Народных Республик», в которых донецкие и луганские авторы показали, каким же они видят нынешний «непокорённый» Донбасс. Авторы молят *«укутать Донбасс в тишину»*, *«укутать его мирным небом»* (И.Быковская) [10, с.11], *«защитить его»* от бомбёжек (Е. Ромашук) [2, с.90], призывают его *«звонить... на самый верх»* к пророкам, *«мужаться»* (Д.Трибушный) [10, с.14], т.к. в их представлении Донбасс – это край непорочный и неопалимый. В одном из стихотворений, не вошедших в сборник, Ирина Быковская пишет, что Донбасс *«как феникс, из пепла восстанет»*, *«выстоит»*, выдержит свою *«кровавую рану»*. Поэтесса Анна Долгарева сравнила свой город Луганск с *«партизаном, засевишим в степи»*, который будет жить и верить в то, что этот край не забыт Богом, хоть и *«с неба падают черные лепестки, и воды отравлены здесь у каждой реки»* [2, с.31]. Свой *«город, преданный иудами»* представляет нам Иван Нечипорук. Несмотря на предательство, Луганск *«ещё в строю в борьбе со злом»*, его *«исцелят, отстроят, ...нарекуют его героем!»*. Жизнеутверждающая вера в будущее звучит в словах автора: *«Город заявляет: “Будем жить!”»*, *«Город-пёс, зализывая раны, смотрит с верой в солнечный рассвет. Словно мир прекрасен, без изъяна, и войны как будто вовсе нет...»* [2, с.79]. Поэтесса из Горловки – Екатерина Ромашук – пишет, что её город *«ещё уповаet на Бога»* и *«в нём тлеет дух поколений»* [2, с.90]. Здесь мы можем приравнять Донбасс и, в частности, Донецк и Луганск к сонму таких городов-героев, как Ленинград, Волгоград, Севастополь.

В ином, лирическом образе, представляют военный Донецк Анна Ревякина и Вячеслав Теркулов. Они окрашивают облик Донецка в свои личные переживания и воспоминания. В стихотворениях Анны Ревякиной звучит: *«город мой..., повсюду степь – невозможно рыжая с янтарём, словно вечный рассвет..., словно юность отца»*, *«эта степь – твоё личное море, твой дикий пляж»*, *«это море – твоя свобода, твой дом, твой берег, оберег твой, твоя история и печаль»*, она называет его *«мой степной чёрнокаменный Город До»*, который *«стоит на краю земли»* [10, с.22]. Вячеслав Теркулов пишет, что Донецк – это *«мой город, моё пространство, моя ойкумена, мой утренний дождь и кофе»*, т.е. для него Донецк равен личной Вселенной, его миром. Город является автору в сновидениях: *«Город засыпает в огнях высотных зданий, ровные улицы застывают в моих сновиденьях...»* [2, с.68-69].

Мифологические образы Луганска и Донецка предстают перед нами в стихотворениях Александра Сигиды-младшего и Алисы Фёдоровой. Александр Сигида-младший описывает Ворошиловград (старое название Луганска) как вымышленный мир, страну снов – *«неведомый Кадат»*, описанный в рассказах американского писателя Говарда Лавкрафта. Этот степной край – Ворошиловград – таинственный, угрюмый и ледяной; но его отстроят в другом облике *«разумные рабочие – Шогготы»* (монстры из рассказов писателя), и это место станет городом богов [2, с.96-97]. Алиса Фёдорова сравнивает Донецк с *«неприкаянной»*, *«степной, израненной Атлантидой»*, она заклинает Атлантиду-Донецк проснуться и воскреснуть. Для поэтессы наш город – это земля, ушедшая под воду, гибнущая земля, но земля, которую ищут, о которой думают,

воскресения которой ждут. В этой Атлантиде не спят «шахтёры-шаманы, ...тёмные бдят курганы» [10, с.39].

Эти смысловые парадигмы Донецкого края приближают нас к образу Донецка как города-труженика. Несмотря на военное время, поэты продолжают писать о Донбассе как о городе-рабочем. Егор Воронов выражает свою любовь к Донецку утверждением, что «Донбасс не может быть красивым, как руки старого отца», он у него «пропахший дымом и уставший», «в шахтёрской робе и косухе, с разбитой в драке головой, немного зол, но не напуган, с улыбкой грустной и живой», он «сотни раз в труде и быте сгорал дотла». И тут проявляется тема войны: после фразы о том, что Донбасс «подобен сотне общежитий, готовый каждого согреть», мы видим образ беженца, переселенца, который бежал от войны в Донецк. Также Егор Воронов сравнивал Донецк с «греком и скифом». По мнению поэта наш город такой же «спокойный, честный и бесстрашный» [10, с.92]. О Донецке-труженике писала и Анна Ревякина, описывая свой город как гордую землю: «в эту землю вложили душу, подняли в гору, эту землю явили миру, как символ ада, и на ней построили пыльный суровый город», и «в этом городе плавят сталь» [10, с.25-26].

Исходя из всего сказанного, мы можем сделать вывод, что поэтические образы нынешнего военного Донецка динамичны. Поэты не просто пишут о войне, они с любовью и верой в будущее описывают свой пострадавший край. Благодаря поэтическому Слову перед нами возникают такие разносторонние образы: Донбасс-герой, образ Донбасс-лирический, Донбасс-мифологический и Донбасс-рабочий.

1. Беспалова Ю.М. Региональная культура в социокультурном пространстве России // Словцовские чтения: тезисы докладов, сообщений науч.-практ. конф.; под ред. Н.В.Яблонского. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 237.
2. Время Донбасса. Литература народных республик / Альманах Союза писателей ЛНР. – Луганск: 2015. – 496 с.
3. Добров П.В. Историко-культурные ценности Восточной Украины в годы Великой Отечественной войны. – Донецк: ДонГУ, 2011. – 215 с.
4. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
5. Мурзина И.Я. Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 29. – С.86-97.
6. Олейник Я. Музыкальная жизнь Донетчины в годы Великой Отечественной войны / Южно-восточная Украина: с древности в XXI век. Всеукраинская краеведческая конференция учащейся молодёжи. – Донецк: 2013. – С.159-162.
7. Проценко Е.А. Киносеть Сталинской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Донбасс в гуманитарном пространстве русского мира. – Донецк, 2011. – С.124-142.
8. Розенберг Н.В. Социокультурная составляющая понятия «регион» // Аналитика культурологии. Электрон. науч. издание. 2005. Вып. 2. URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/179-socio-cultural-dimension-of-the-concept-of-region.html> (дата обращения: 3.04.2016).
9. Титаренко Д.Н. Образование и культура Донетчины в 1941-1943 гг. (по материалам оккупационной прессы) // Межэтнические культурные связи в Донбассе: история, этнография, культура; отв. ред. Г.П.Ерхов. – Донецк: ДонГУ, 2000. – С. 165-169.

10. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014-2015 годов: сб. стихов / Союз писателей ДНР; под ред. В.А.Русанова. – М.: Перо, 2015. – 112 с.
11. Яковлева Е.Н. К определению понятия «региональная культура» // Ученые записки: электрон. науч. журн. Курского государственного университета. – 2013. – № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-regionalnaya-kultura> (дата обращения: 5.04.2016).

УДК 130.2

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ И ФОРМИРОВАНИИ НООСФЕРНОГО МЫШЛЕНИЯ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мазитова Л.З.

Лицей №5 г. Донецка
tnzolot@mail.ru

Динамичное развитие общества всегда определялось духовными ориентирами человечества. Одной из важнейших философских проблем на протяжении всей истории являлось осознание действия закона гармонии в природе и обществе.

Появившаяся в последние годы новая наука – археоастрономия – поставила перед собой цель определить виденье мира и Вселенной глазами древнейших народов планеты. Американский исследователь Джон Б.Карлсон, опираясь на фольклорные источники, пришел к заключению, что понятие о соразмерности и ритме, находившееся в центре космологических мифов античной цивилизации, свидетельствует о знании законов самоорганизации природы и общества.

Исходя из того, что по своему содержанию "миф принципиально космичен и... космическая модель составляет ядро мифологической модели мира", в мифологии в закодированной форме, путем использования художественных образов, была также отображена структура, эволюция и история Вселенной.

Мировоззренческие представления, сложившиеся в древнегреческом обществе на этапе господства родового строя, постепенно оформились в единую идею о духовном начале мира и божественной целесообразности. Одновременно сложилось и учение, в соответствии с которым различные сферы мирового пространства соотносятся между собой по числовым, гармоническим параметрам, что позволило углубить представление об иерархичности Великого Космоса.

Древнегреческая натурфилософия с ее учением о божественной целесообразности и иерархии нашла отражение в философско-теософских основах Восточной православной церкви. Православие, перенявшее высшие ценности греческой духовной культуры, на протяжении веков закономерно стало основным носителем принципа гармонии в христианском мире.

Генезис знаний о всеобщем действии единых Вселенских законов оказал существенное влияние на процесс формирования института государства Древней Эллады как носителя и охранителя законности в общественной жизни.

Духовные основы славянской культуры, близкие и созвучные древнегреческим представлениям, повлияли на выбор, сделанный княжеской властью Киевской Руси в пользу Византийского варианта христианства.

Космологические идеи античной цивилизации получили впоследствии развитие и в русской православной философии, в частности, в работах русских философов – космистов. Космизм в XX веке превратился в новое культурно-философское направление в науке, построившее свою программу видения Большого Космоса через самопознание. Появление в XX веке учения о ноосфере расширило знания о постоянно эволюционирующей разумности мирового пространства, заставив по-новому взглянуть на проблему взаимодействия природы и человека. Ноосферное мышление предопределило необходимость соотносить духовные параметры, модели материального развития общества с принципами будущего выражения планетарной цивилизации.

Возрастающее информационно-полевое и физическое воздействие человека на окружающий мир в эпоху форсированного технологического развития общества не только приблизило его по своим космическим параметрам к Высшей божественной субстанции, но и превратило в чрезвычайно опасного для Вселенной носителя знаний и природных способностей.

В условиях кризисного развития планеты актуальной становится задача построения духовно-экологической цивилизации и формирование высокодуховной индивидуальности посредством гуманизации процесса обучения.

Новые подходы в преподавании и воспитании должны помочь сформировать планетарное мышление, создать условия для развития творческого потенциала и самореализации личности в условиях становления общества нового типа.

Основные направления обучения могут быть осуществлены путем изучения, во-первых, вопросов эволюции природы, принципов ее самоорганизации в плане космологии и биологии, а во-вторых, посредством изучения проблем развития общества, его культуры и истории.

Особое место среди преподаваемых дисциплин должна занять история духовной культуры, которая наряду с общей материальной историей цивилизации имеет самостоятельное значение. Изучение в историческом плане мировоззренческих аспектов, влиявших на процессы становления общества, предполагает всестороннее рассмотрение и духовных ориентиров, являвшихся не только отражением исторической деятельности, но и проектами перспективных действий, постоянно активизирующих личность. В этой связи тема, актуальности развития и формирования ноосферного мышления, должна стать базисной в преподавании культурологических дисциплин, так как раскрывает основы мировоззренческой культуры и знаний человечества.

1. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г.Семенова, А.Г.Грачева. – М.: Педагогика – Пресс, 1993. – 368 с.
2. Девис П. Суперсила. – М.: Мир, 1989. – 272 с.

ЯЗЫК ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИХ ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Могила С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

mataj1975@yandex.ru

Изучением средств массовой коммуникации в современных научных работах занимаются немало ученых, среди них Т.Добросклонская, К.Серажим, Л.Компанцева, Ф.Бацевич, Н.Коломиец.

Дискурс порождается чередой лингвистических и экстралингвистических причин (ситуативная конкретность, национально-культурная традиция). Одной из основных причин порождения дискурса является коммуникативный акт, в котором принимают участие коммуниканты, которые в форме диалога создают высказывания (тексты) и объясняют их. Начальный и завершающий этапы коммуникативного диалога, осуществляясь средствами национального языка (порождение и интерпретация текста, понимание), берет начало в механизмах внутренней речи. Собственно коммуникативный дискурс предстает как высказывание (текст), где все составляющие образуют национально-языковой вербализированный продукт, призванный формировать идеи, интересы, эмоции коммуникантов. Коммуникативный акт охватывает физическую, эмоциональную, интеллектуальную, подсознательную деятельность.

Используя лингвистические концепции языковедов (Т. ван Дейк, А.Вежбицкая, И.Кобозева, Т.Скребцова), язык можно рассматривать как средство создания информационной модели реальности, которая имеет свои неповторимые особенности для каждого языка и его носителей. По мнению ученых, функционирование современных СМК связывают с медиа-картиной мира. Под медиа-картиной мира понимают результат информационной деятельности человека через посредничество СМК, направленной на познание мира. Поэтому в Интернет-дискурсе как в дискурсе СМК особое значение приобретает роль языковой личности – автора редакционного материала, которую определяем как медиа-личность. Медиа-личность – это «дискурсивный вариант языковой личности, представленный в языковом пространстве Сети, зафиксированный в коммуникативных стратегиях и тактиках общения, типах речевого поведения, в значениях фрагментов гипертекста, лингво-когнитивных особенностях тезауруса» [2]. Медиа-личность является также субъектом любого дискурса, а способ его организации отражает способность порождать и разворачивать этот дискурс.

Следует отметить, что вербальную составляющую электронных СМК в настоящее время невозможно анализировать в пределах определенного функционального стиля. Речь СМК, формируя значительный сегмент языково-информационного пространства в определенной стране, активно реализует в себе новейшие технические и специальные языковые средства с целью воздействия на индивидуальное и массовое сознание, что соответствующим образом отражается в языковой картине мира отдельных индивидов и всего социума.

За последнее десятилетие в научных кругах всего мира появился ряд специализированных отделов и учреждений, деятельность которых направлена на лингвистическое изучение всех видов СМК. Ведущее место в этих исследованиях занимают модифицированные лингвистические категории медиа-компетенция и медиа-грамотность обобщения, способности потребителей информационных продуктов получать, анализировать, оценивать сообщения различных видов СМК и адекватно интерпретировать их вербальную составляющую.

Понятие медиа-грамотности развивалось как разносторонняя многоаспектная концепция, охватывающая все стороны взаимосвязи со СМИ: когнитивную, эмоциональную, эстетическую, моральную, лингвистическую. Рост популярности концепции медиа-грамотности связан со стремлением защитить общественно-гуманитарные функции СМИ, которые все больше подвергаются влиянию коммерциализации. Главный смысл концепции медиа-грамотности заключен в проявлении и научной организации тех сведений, которые имеют существенное значение для понимания действительного механизма медиа-воздействия. Важную роль в рамках концепции играет понятие пропаганды. Понятие пропаганды носит негативный оттенок, который отражает манипуляторный характер пропагандистских действий.

Таким образом, можно констатировать, что знание лингвистических технологий влияния, в том числе средств пропаганды и интерпретационных характеристик медиа-вещания, является важнейшим компонентом общей концепции медиа-грамотности. Поэтому ученые все чаще говорят о существовании «языка средств массовой коммуникации» как отдельного сферхстилистического феномена – нового вида языка, который в условиях информационного общества больше всего влияет на общенациональные языки. С целью основательного изучения изменений в общенациональных языках, языковедческие исследования материалов электронных СМК должны, без сомнения, осуществляться не только при помощи лингвистических подходов и методов, но и с привлечением категориального аппарата и методик других дисциплин.

1. Добросклонская Т.Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах [Текст] / Т.Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2009. – С.85-94.
2. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник для студентов филологического профиля [Текст] / И. М. Кобозева // Моск. гос. ун-т им. М.В.Ломоносова. Филол. фак. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
3. Компанцева Л.Ф. Інтернет-комунікація: когнітивно-прагматичний та лінгвокультурологічний аспекти: Автореф. дис. на здоб. наук. ступ. д-ра філол. наук (10.02.02) [Текст] / Л.Ф.Компанцева // Нац. акад. наук України; Ін-т мовознав. ім. О.О.Потебні. – К., 2007. – 36 с.

БУДДИЗМ И ХРИСТИАНСТВО В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ПОЛЕ: АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ

Осадчий С.А.

Донецкий республиканский краеведческий музей

o.s.a213@bk.ru

Целью данной работы является рассмотрение аспектов соотношения буддийских и христианских мировоззренческих установок в русском культурном поле, в связи с тем, что именно русское культурное пространство по своей сути мультикультурно, в частности, многонационально и многоконфессионально. В нем отсутствуют крайние формы «этноцентризма – национализма и группового чванства», преобладает подход «культурного релятивизма» [3, с. 31].

Современные социокультурные глобализационные процессы, требуют разработки определенных культурных технологий, в результате применения которых, различные элементы разных культур и, соответственно, религий смогут взаимодействовать друг с другом, оказывая друг на друга благотворное взаимопроникающее и взаиморазвивающее влияние, поскольку «здоровый смысл подсказывает, что наиболее оптимальный способ межгруппового и межкультурного восприятия и взаимодействия синтезирует черты этноцентризма и культурного релятивизма: индивид, испытывая чувство гордости за культуру своей группы или общества, приверженность основным ее ценностям, стремится понять культуры иных социальных групп, признавая их право на существование» [3, с. 31]. Стремление понять – это основная черта любого познания.

Одной из общих идей как для русского культурного пространства, так и для махаянского буддизма, является мессианская идея: 1) «Буддисты Махаяны часто особо выделяют путь Бодхисаттвы, стремящегося освободить все чувствующие существа от ненужных страданий» [5, с. 78]; 2) «...русскому народу наиболее свойственна мессианская идея...» [1, с. 16], что связано с тем, что «русский народ – религиозный по своему типу и по своей душевной структуре. Религиозное беспокойство свойственно и неверующим. Русские атеизм, нигилизм, материализм приобретали религиозную окраску. Русские люди из народного, трудового слоя, даже когда они ушли от православия продолжали искать Бога и Божьей правды, искать смысла жизни. Русским чужд рафинированный скептицизм французов, они – верующие и тогда, когда исповедуют материалистический коммунизм. Даже у тех русских, которые не только не имеют православной веры, но даже воздвигают гонение на православную церковь, остаётся в глубине души слой, сформированный православием. Русская идея – эсхатологическая, обращенная к концу. Отсюда русский максимализм. Но в русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления ко всеобщему спасению» [1, с. 417-418].

Соотношение буддизма и русского культурного пространства следует начинать с сопоставления двух религиозных систем: буддизма и христианства. В этой связи, «следует обратить внимание на одно из важнейших явлений –

эквивалентность терминов *мессианство* и *христианство*. С лингвистической точки зрения их подобие не нуждается в доказательствах, так как слово «христос» от греческого глагола *хрио*, «помазать», является точным переводом еврейского слова «машиах», то есть «помазанник», «мессия» » [6, с.174].

Три Драгоценности, Четыре Благородные Истины и Восьмеричный Благородный Путь – универсальная, мировоззренческая система – логичная, последовательно-понятийная программа просветления ума – умиротворяющая, общечеловеческая система формирования благородной личности – является определенной мировой культурной ценностью. Буддизм религия опыта [4, 5, 7, 9, 11].

Как справедливо отмечал Е. Торчинов, «Буддизм – первая по времени возникновения мировая религия. Другие мировые религии появились значительно позднее: христианство – приблизительно через пятьсот лет после буддизма, а ислам – более, чем через тысячу. Мировой религией буддизм считается на том же основании, что и две другие только что названные религии: подобно христианству и исламу буддизм в своём распространении по земному шару решительно переступил этноконфессиональные и этногосударственные границы, став религией самых разных народов с совершенно разными традициями» [12, с. 5].

«Четыре Благородные Истины (*чатур арья сатьяни*) представляют собой формулировки, вполне сопоставимые с формулировками врача, ставящего больному диагноз и назначающего лечение. Эта метафора далеко не случайна, поскольку Будда видел себя врачом, призванным исцелить живых существ от страданий сансары и прописать лечение, ведущее к выздоровлению – нирване. И действительно, первая Истина (Истина о страдании) – констатация о болезни и постановка диагноза; вторая (Истина о причине страдания) указывает на причину болезни (то, что в современной медицине называется «этиология и патогенез»); третья (Истина о прекращении страдания) – прогноз, указание на возможность исцеления; и, наконец, четвёртая (Истина о пути) представляет собой прописанный больному курс лечения. Таким образом, буддизм с самого начала своего существования мыслился как своеобразный проект преобразования человека из существа страдающего и онтологически несчастного в существо свободное и совершенное. Этот проект имеет как бы терапевтический (мы бы сказали с известной долей метафоричности – психотерапевтический) характер...» [12, с. 26-27]. На основании сказанного можно предположить, что иерофания буддизма – иерофания исцеляющая изнутри, по ходу практики и приобретения опыта в осознании благородных истин. Будда не предлагает верить в его Учение, он предлагает испытать его на собственном опыте.

Что касается христианства, то здесь картина другая, что связано с тем, что христианство – религия веры. В Евангелиях сказано, что Иисус Христос, в первую очередь, призывает своих учеников к вере: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и *верующий* в Пославшего Меня имеет жизнь вечную; и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» [Ин 5: 24], «Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и *верующий* в Меня не будет жаждать никогда» [Ин 6: 35], «Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и *верующий* в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» [Ин 6: 40]. Также, на протяжении всей своей деятельности, Иисус производил, то тут, то там, чудесные исцеления,

основанные на вере: «И вот, женщина, двенадцати лет страдавшая кровотечением, подойдя сзади, прикоснулась к краю одежды Его. Ибо она говорила сама себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею. Иисус же, обратившись и увидев ее, сказал: дерзай, дочь! *вера* твоя спасла тебя» [Мф 9: 20-22], «Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: *веруете* ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по *вере* вашей да будет вам» [Мф 9: 28, 29], и т.д. Отсюда, очевидно, что иерофания христианства – иерофания исцеляющая снаружи, т.е. исходящая через Него от «Пославшего Его». Чтобы Учение Иисуса Христа, нам было более понятно, приведем «самую великую заповедь»: «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим»: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» [Мф 22: 36-40].

Буддийское понимание – объясняет широко развитые в христианском веровании чувствования.

Итак, с точки зрения буддизма, причиной наших страданий являемся мы сами. Поэтому, устраняя причины страданий в себе своим нравственным поведением, мы обретаем счастье. В христианстве, чтобы уйти от страданий, необходимо развить любовь к Создателю и к ближнему своему; вроде тоже всё понятно, но как овладеть этим чувством и заставить себя всех любить, непонятно. Поэтому, буддизм – религия опыта, работающая с умом, с пониманием. Христианство – религия веры, работающая с чувствами, не стремящаяся давать понимание. Может быть, развитое буддийское понимание, сможет объяснить широко развивающиеся в христианском веровании чувства?

Гари Гэх, делится опытом: «Интересно, что я глубоко понял Иисуса только через буддизм. То есть, когда я понял учение Будды о неизбежности страдания и начал пользоваться его инструментами для того, чтобы справляться со страданием и обрести счастье, я понял, как христиане могут поклоняться изображению человека, страдающего на кресте. И Будда, и Христос пришли к людям с одинаковым посланием любви. Они хотели изменить участь всех людей на Земле, через сострадание избавить их от печалей» [5, с. 67].

Основные тайны буддизма и христианства – Будда-природа и Царство Божие.

Основная тайна буддизма – постичь свою изначальную Будда-природу: «Способность ума осознавать не нуждается во внешних опорах и получении знания извне. Будда-природа уже есть у всех существ» [11, с. 53].

Основная тайна христианства – постичь Царство Божие: «Быв же спрошен фарисеями, когда придёт Царство Божие, отвечал им: не придёт Царствие Божие приметным образом; и не скажут: «вот, оно здесь», или «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» [Лк 17: 20-21].

Таким образом, и буддизм, и христианство имеют общую иерофанию – Будда-природа и есть Царствие Божие внутри нас. Обе религии тем или иным образом указывают на сердце, и его способность любить, и различать единую сущность за разными формами. Это разные языки, разные формы, разные понятия – Одной Благородной Сущности, ведь «понятие есть форма сущности»

[10, с. 10]. Но, поскольку, «форма ограничивает собою содержание. Понятие ограничивает собою сущность» [10, с. 11], то каждая религия, в какой-то степени, ограничивает собою Истину. Гармоничное сочетание истин буддизма и христианства по «закону вкрапления», может сделать понимание Истины «несравненно прочнее» [8, с. 232].

1. Бердяев Н.А. Русская идея / Николай Бердяев. Судьба России: Эксмо. – М.: 2007. – 422 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Библия. В русском переводе с приложениями. – Брюссель: Издательство «Жизнь с Богом» 1973. – 2366 с.
3. Бороноев А.О., Василик М.А. Основы социологии и политологии: Учебное пособие / О-75 Под редакцией А.О. Бороноева, М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2001. – 408 с.
4. Борхес Х.Л. Буддизм // Атеистические чтения. Вып. 18. / Хорхе Луис Борхес – М.: Политиздат, 1989. – С.98-106.
5. Гэх Г. Буддизм / Гарри Гэх. – Москва: Астрель; АСТ, 2005. – 393 с.
6. Донини А. Люди. Идолы и Боги. Очерки истории религии / Амброджо Донини. Пер. с итал. И.И. Кравченко. Изд. 2-е испр. и доп. – М., Политиздат, 1966. 368 с. с илл.
7. Зегерс М. Термины буддизма / Манфред Зегерс. – Санкт-Петербург: Алмазный Путь, 2006. – 178 с.
8. Лободин В.Т. Самоанализ и познание внутреннего мира / В.Т.Лободин. – СПб.: ИК «Комплект», 1996. – 250 с., ил. (Сер.: Путь к единству).
9. Нидал О. Современное введение в учение Будды. Каким всё является / Лама Оле Нидал. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 160 с.
10. Ревяков И.С. Язык. Миф. Социум: Монография. / И.С. Ревяков. – Донецк: НОРД – ПРЕСС, 2007. – 80 с.
11. Ринпоче Джигме. О медитации / Лама Джигме Ринпоче. – 2-е изд. – К.: ООО Диалог Пресс, 2009. – 96 с.
12. Торчинов Е.А. Введение в буддизм: Курс лекций / Евгений Торчинов. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. – 430 с.

УДК 168.522/23/28.001.1

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТОСФЕРЕ ХРИСТИАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Отина А.Е.

Донецкий национальный технический университет

В IX веке славяне Руси осуществили свой цивилизационный выбор. Для наших предков это время стало сакральным, ведь главным приобретением из всех византийских традиций, смыслов и влияний для них оказалось обретение православия, православной духовности, вхождение в православный мир и дальнейшее созидание его. Вышеназванному священному хронотопу посвящены глубочайшие исследования Павла Флоренского, Сергея Аверинцева, Дмитрия Лихачева и многих других серьезных учёных. Тема принятия нами православия и роли крещения Руси для отечественной культуры является одной из корневых, концептуальных, многогранных и неисчерпаемых тем российской, общеславянской и мировой культурологической науки. Особенно она актуальна сегодня, когда возникают чудовищные, смехотворные, но зловещие попытки искажения исторической правды.

Буквальный перевод слова «католическая» (католическая церковь) – соборная. Однако, по существу, концептуальное значение понятие соборности обрело не в католицизме, а в православии, проникло не в западноевропейскую языковую и в целом общекультурную картину мира, а в русский мир и все, что с ним связано.

Один из крупнейших специалистов в области языковой картины мира А.Д.Шмелёв замечает: «Любопытно, что и «соборность», часто признаваемая одним из самых своеобразных понятий, выработанных русской культурой, выражается словом, которое было образовано для передачи важного общехристианского понятия: *соборный* – это просто перевод греческого *Katholikos*. Будучи лингвоспецифическими по форме, ... слова *соборный* и *соборность* выражают концепт, который нередко воспринимается как специфически русский, и слово *соборность* в русских текстах часто даже принимает определение *русская* или *российская*...» [1, с. 403].

Старинный *собор* как совещательное соголосоование и согласование есть ничто иное как созидательное общение. Пусть и модернизируясь, из него вырастает современное светское *собрание*, цель которого – решение коллективных (всеобщих, насущных, важных для каждого его члена) вопросов. Неравнодушие, содействие, сопричастность – корневые характеристики истинных *собора* и *собрания*, как религиозного, так и светского социального, ведь их субъектом обязательно является сообщество людей. А сообщество коренным образом отличается от стаи, от стайности. В его основе диалог личностей, а не животное подчинение силе, поиск истины и согласие с ней, послушание совместно выстраданной правде, а не природным правилам естественного отбора.

Мегаконцепт соборности порождает множественные важнейшие, специфически ментально окрашенные концепты русской культуры: особую, неповторимую для других народов коллективную память, сострадание и жалость.

Понятие «порядок», безусловно, является порождением и свойством общечеловеческой культурной практики и культурной памяти. Это древнегреческий космос, и упорядоченность римского права, и конфуцианская государственная структура, и католическая иерархия, и ежедневность протестантского быта. Однако православная русская соборность придала «порядку» значение «лада». «Быть в ладу с самим собой» здесь означает в ладу с правдой, телом, духом, с «другим» и «другими», т.е. с миром.

Еще одним бесценным концептом православной культуры является сострадание. И, видимо, не столько страдание очищает душу (само по себе оно способно привести и к гибели личности), а сострадание. Сочувствуя, сострадая другому, человек перестает углубляться в бездну собственной боли, ощущая беды ближнего, собрата, подобного себе. Способность к состраданию – признак человечности, то, что Он заложил в нас и ожидает в нас увидеть так же, как и желание сорадоваться.

Человеку свойственно ощущать свою боль, обиды, жалеть себя. Жалеть другого не так просто. Это труд души, ее талант, в целом, признак ее наличия. Не зря в русской речи слова «любить» и «жалеть» употребляются как синонимы. Вопреки стереотипному восприятию жалость (т.е. сопричастное,

сострадательное движение души и развитие духа) не способна унижить или обидеть личность, так как невозможно оскорбить любовью. И если на искренние слова: «я жалею тебя» кто-то обижается, то скорее всего этого человека обманула гордыня.

Любовь для православного – прежде всего служение, самоотречение, сорадование, сочувствие, сопричастность, как миру, так и какому-либо конкретному человеку.

Говоря о сути символа, А.В.Пустовит отмечает: «Вообще символ тем содержательнее, чем более он многозначен. Сама структура символа направлена на то, чтобы дать через каждое частное явление целостный образ мира» [2, с. 403]. Можно много спорить о разнице между символом и концептом и о том, что из них первично. Символы порождают новые концепты, а концепты новые символы. Иногда они помогают друг другу в разграничении понятий. На наш взгляд, в отечественной православной, а затем и светской культуре так случилось с восприятием концептосфер «гордости» и «гордыни».

Гордыня для русского православного человека, как и для любого христианина – не случайно смертный грех. Это нечто чрезмерное, уводящее от истины, эгоистичное, узкое, ложное, лживое – тупиковый путь. Гордость сопряжена с мерой, нормой, достоинством и, главное, способностью воспринимать и переживать правду, какой бы болезненной она не была. Гордыня – слабость и извращение характера. Гордость – сила и работа духа. Это не только самоуважение, но и естественная потребность и привычка уважать другого. Это желание диалога: объяснить, понять, достичь согласия, сохранить совместное достоинство. Гордыня приводит к отречению и предательству. Гордость включает в себя терпение, любовь и волю. Нельзя испытывать гордыню за другого, гордиться другим можно.

Спутники гордыни – лесть и гнев, обидчивость и месть. Соратники гордости – спокойствие и мера, достоинство и разум.

1. Шмелёв А.Д. Русский взгляд на «западные» концепты: языковые данные // А.Д.Шмелёв, А.Зализняк, И.Б.Левантина. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с. – (Языки. Семиотика. Культура.)
2. Пустовит А.В. Этика и эстетика: Наследие Запада. История красоты и добра: Учебное пособие. – К.: МАУП, 2006. – Библиогр. в конце гл. – 680 с.

УДК 7.046.2

ОБРАЗЫ АРТУРА И МЕРЛИНА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ВОИНСКОГО И ЖРЕЧЕСКОГО НАЧАЛ В БРИТАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Ревяков И.С., Швец А.О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
twilight_21@mail.ru

В современном мире обращение к мифологическим сюжетам, в частности, Британии становится все более актуальным, что, соответственно, указывает и на актуальность изучения труда Гальфрида Монмутского «История бриттов»,

в котором он подробно излагает легенды Туманного Альбиона так, как они есть [2]. Главные герои этих легенд – это король Артур и его преданный советник Мерлин.

Целью данной работы является рассмотрение образов Артура и Мерлина как архетипических воплощений воинского и жреческого начал в британской культуре.

Как известно, «культура может развиваться лишь в очерченном мифом горизонте» [1, с.95], что означает, что именно миф, положенный в основание того или иного культурного пространства, предопределяет его развитие и задает его пределы.

Имя *Артур* имеет достаточно много различных интерпретаций, но самая распространенная из них – «мужская сила, внушающая ужас в сердца», которая исходит из кельтского слова “artos” – «медведь» [3]. В сочинениях Гальфрида Монмутского Артур предстает в качестве воина-защитника и могучего владыки Британии, Скандинавии и Галлии. На счету Артура – многочисленные подвиги, однако, компетенция его власти заканчивается там, где начинается зона деяний, осуществимых лишь при помощи личного благородства и мужества. Когда Артур в устройстве своего государства сталкивается с границами воинского начала, в дело начинают вступать сверхчеловеческие силы Мерлина. Следует обратить внимание на то, что воинский (во многом хаотичный) характер Артура уравнивается характером Мерлина (хранителя сверхъестественного, недоступного простым смертным, знания), который является не только отдельным индивидом, но и персонификацией духовной стороны самого Артура («Тесная связь между двумя принципами – воинским и духовным – характерна для всего "рыцарства" при дворе короля Артура, и именно она предопределяет особенность и смысл совершаемых им подвигов», – такую точку зрения высказывает известный русский философ А.Г.Дугин в своей книге «Философия политики», опираясь на структуру «Политического в традиционном обществе» Юлиуса Эвола, где явное и тайное соприкасаются друг с другом согласно четкой функциональной схеме [3]).

Следует отметить, что современной интерпретацией истории Гальфрида Монмутского является сериал «Мерлин» (BBC, 2008г.), в котором главные герои, по сути дела, соединяют в себе отмеченные выше воинское и жреческое начала как олицетворения материального и духовного.

Образ Мерлина был прочитан и преподнесен британской телекомпанией зрителям с неожиданной, но яркой стороны. Вместо того, чтобы увидеть данного героя старцем-предсказателем, постоянно оберегающим Артура, зритель видит верного и смешного юношу, однако, с оставшейся легендарной мудростью, серьезностью и оберегающей функцией.

Легендарный Мерлин – это жрец, колдун и наставник Артура. Он связан абсолютно со всеми эпизодами в жизни принца (как бы пронизывая и постоянно поддерживая и дополняя его). Вспомним, например, постройку Стоунхенджа, то есть культового сооружения друидов в Англии, состоящего из огромных глыб, расставленных в виде амфитеатра, которые по преданию были перенесены и поставлены вертикально, благодаря волшебным способностям Мерлина. История об этом строении наиболее показательна, и Ю.Эвола ее уточняет: «Следует напомнить эпизод, связанный с камнями Стоунхенджа, – с камнями,

которые существуют и сегодня и не перестают поражать многих своей тайной – как можно было в столь давние эпохи обработать и установить в том порядке, в каком они стоят по сей день, гигантские блоки, являющиеся останками древнейшего донеолитического солнечного храма? Мерлин, приказывая воинам принести с далеких гор эти огромные камни, сказал: “Принимайтесь за дело, храбрые воины, и узнайте, принося эти камни, что является более могущественным – дух или простая сила”... Воины не смогли этого сделать, и тогда сам Мерлин, улыбаясь, легко осуществил эту задачу» [цит. по 3]. При этом, следует отметить то, что кругообразная структура Стоунхенджа воспроизводит Круглый Стол, вокруг которого рассказываются двенадцать (по количеству месяцев в году и апостолов) рыцарей короля Артура.

В указанном сериале Мерлин показан глубокой и романтической неземной натурой, задумывающейся о будущем. Это – человек жреческого начала, противоположный Артуру.

Артур в сериале уже с первых серий выступает как блестящий полководец, которому нет равных в боевом искусстве. Он показан как человек чести и благородства, но человек приземленный; реальный. Это – человек воинского начала.

Исследуемый нами сериал в большинстве своих эпизодов имеет четко выверенную структуру. Каждая серия – это совершенно новое маленькое приключение в общей канве сюжета, в котором можно выделить постоянно присутствующие черты:

- угроза королевству Камелот или его первым лицам;
- попытка Артура в одиночку предотвратить угрозу;
- незаметная для окружающих магическая помощь Мерлина Артуру (так как по сюжету, магия в Камелоте находится под запретом);
- переплетение силы воина и силы мага, дарующее победу над угрозой.

Показательным примером может служить один из эпизодов сериала, в котором Артур должен был достать меч Эскалибур из камня. В тот момент Мерлин опасался за будущее Артура и понимал, что ему нужно помочь. По замыслу режиссеров и сценаристов Мерлин не предоставляет судьбе выбора и когда Артур начинает вытаскивать меч из камня, юный маг благодаря своему дару делает камень мягким, что позволяет принцу вытащить меч без каких-либо проблем. Этот пример – один из множества подобных, где только при (вос)соединении воинского и жреческого начал достигается абсолютная сила.

Следовательно, в образах Мерлина и Артура нашли свое воплощение два архитектурно-социально-мифологических архетипа, а именно: жреческого и воинского, которые до сих пор на уровне коллективного бессознательного лежат в основе структурной организации современного общества.

1. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
2. Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Под. ред. А.Д.Михайлова. – М., Наука, 1984 – 293 с.
3. Дугин А.Г. Философия политики [Электронный ресурс] / А.Г.Дугин. – Режим доступа: http://lib100.com/book/philosophy/filosofiya_politiki/html/.

ВЛИЯНИЕ ЛАНДШАФТА НА СТАНОВЛЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА (НА МАТЕРИАЛЕ «ДУМ О ДОНБАССЕ» И.С. КОСТЫРИ)

Рубцова И.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Irina93_2010@mail.ru

Культура – продукт исключительно человеческой деятельности. Под термином «культура» мы будем понимать не только все материальные, духовные ценности, созданные человеком в конкретный период его существования и на определенной территории, но и дух эпохи, нации (то, что принято обозначать словом «ментальность»). Одной из наиболее интересных гипотез, описывающих становления этноса (как носителя ментальности), является концепция этногенеза советского историка и этнолога, археолога, востоковеда, писателя и переводчика Льва Николаевича Гумилёва [2].

Цель работы: изучить проявления теории пассионарности, в частности влияние ландшафта на становление менталитета населения Донбасса на материале творчества И.С. Костыри [4] – советского писателя, краеведа, писавшего о Донбассе.

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью материала о Донецком крае и возрождением интереса к истории родного края.

В настоящее время уделяется большое внимание изучению соотношения топоса и этноса. В нашей работе мы попытаемся проследить проявления теории пассионарности Л.Н. Гумилёва [2] в творчестве И.С. Костыри [4].

Иван Костыря в своей документально-художественной книге «Думы о Донбассе» [4], посвященной 75-летию Донецкой области, писал о далеком прошлом и настоящем Донбасса, о заповедной природе, первооткрывателях и первопоселенцах, обживавших дикие степи и оборонявших Донецкий край. В книге собраны легенды, предания, шахтерские сказы, бывальщины и подлинные исторические события. Сквозной линией в его книге проходит лиризм, искренность и любовь автора к Донбассу.

О Донбассе писали многие, но они рассматривали различные аспекты в одностороннем порядке. Например, А.П. Чехов [5] «В родном углу» описывал степь и ее воздействие на человека. Н. Анциферов в своем стихотворении «О Донбассе пишут в географии...» указывал на то, что Донбасс рассматривают как «край угля и металла», что «терриконы и копры воспеты», «но для полной биографии – Это очень сухо, очень мало», поэтому он задается вопросом: «Ну, а где же люди? Их не видно... Потому мне горько и обидно...» [1].

Однако в творчестве И.Костыри гармонично сплелись судьбы людей, история, география. Писатель соединил преемственность культур, подчеркивая влияние различных этносов на формирование современного, свободного, волевого характера наших соотечественников. В выдвинутой им теории нет упрека и предвзятости, а в его словах – трепетное отношение к родной земле.

В «Думах о пращурах» Костыря писал: «И какой только крови не подмешано в нашу, славянскую! Текут себе в одном русле, по временам, как недруги, то бунтуя, то умиряясь, выказывая тот или иной норов, порой, казалось бы, ничуть не совместимый в одном и том же человеке. Кого же в таком разе помянуть доброй памятью? Кого проклинать? И кого из них, в конце концов, считать своими пращурами? По мне, так – всех! Без разбору. Ведь они в большинстве своем стали прахом этой земли на веки вечные. А она для нас — роднее родной» [4, с. 13].

Это высказывание созвучно с теорией Гумилева, в которой он описывает зарождение этноса, нахождение им общих интересов, приобретение стереотипов поведения, а также взаимодействие этнических полей этносов, логическим завершением которого есть неосознанное чувство расположения – комплиментарность.

Немаловажной частью теории пассионарности является прямое и косвенное воздействие географического ландшафта на этнос. У И. Костыри в «Думах о большом Донбассе» встречаем: «Образ Донбасса настолько многолик, многомерен и многокрасочен, настолько величественен, что и впрямь непросто воздать ему должное обыденными словами. В нем причудливо единятся несочитаемые виды: первозданные ландшафты и сотворенные руками человека пейзажи; <...> по величине же и по многомиллионному многонациональному народонаселению под стать любой европейской державе» [4, с. 446]. Но все же со своей особенностью: стойкостью духа, волей к свободе, доброжелательностью, любовью к труду, жертвенностью, воплощенными в символах диких степей – ковыле, бессмертнике; дубе и розе. Ковыль как воплощение свободы и доброжелательности, бессмертник – стойкости духа, жизнелюбия и долголетия; дуб – молодости, силы, величия, стойкости к невзгодам, так как корни дуба глубоко врастают в землю и помогают выстоять все беды. Например, в сказке Л.М. Жарикова «Дуб и ветер», сказочный персонаж Дуб, которого пытались погубить Ветер и Молния, сказал: «Моя сила в том, что я в землю родную врос, корнями за землю-матушку держусь. А родная земля все раны залечивает». Автор в конце делает вывод: «Так и не покорился Дуб и до сих пор растет, могучий и красивый. А ты смекай, что каждому из нас силу дает...» [3]. Насколько многолик и прекрасен ландшафт Донецкого края, богатый символами, настолько под стать ему и человек Донбасса.

Стоит говорить не только о влиянии флоры на менталитет, но и подчеркнуть особое влияние топоса на поступки человека. Л.Н. Гумилев в работе «Этногенез и биосфера земли», рассматривая теорию пассионарности, говорил о порождении жертвенности ради высоких целей. Стоит вспомнить «Думу о Саур-Могили» Костыри, где он описал бесстрашие, жертвенность народа на протяжении всей истории от войны с турками до событий Великой Отечественной войны. «...Былинный плач матери Морозенко из наваждения становится явью – он перерастает в плач уже другой матери и по другому сыну... Их сыновья погибли на подступах к Саур-Могили в Великую Отечественную войну» [4, с. 89].

Писатель верил, что «на вершине могилы навеки застыл бронзовый солдат» [4, с. 89] как напоминание о жертвенности, стойкости защитников Родины. И. Костыря не предполагал, что история повторится вновь в XXI веке.

Несмотря на все, чтобы преодолеть беды и невзгоды, чтобы выстоять, нужна любовь к своей земле, чувство патриотизма. Каким бы ни было в прошлом место нашего проживания, оно для нас искони нашенское, родное, как колыбель матери.

«У каждого своя отчина и каждый по-своему выражает к ней свою любовь. И спорить тут нечего. Одно дело как бы со стороны глядеть на нее, тосковать по ней и восторгаться ею. А другое – постоянно жить в отчем крае, не отстраняясь ни от его славы, ни от его нужд и насущных проблем», – утверждает Костыря [4, с. 442].

Донбасс многонационален и любим этносами, населяющими его территорию. Вне зависимости от исторических обстоятельств поликультурный Донбасс находится в состоянии дружелюбного межэтнического диалога, особенно развитого в условиях современности. В этнической памяти все эти события сохраняются и становятся спланивающим фактором, приобретают символическое значение, вокруг которых создаются идеологемы героического характера.

Костыря пишет, что: «Возродить подутраченный патриотизм в современной рыночной суете, в борьбе за выживание не так просто. Никакие воззвания, никакие лозунги, никакие призывы и напоминания тут не помогут – они просто бессильны из-за своей отталкивающей схоластики. Любовь к малой Родине нужно заронять смалу» [4, с. 443]. Писатель предлагает различные варианты и способы реализации возрождения патриотизма от составления родовых древ, до подкрепления познаний в отчих пределах, «...например, возрожденным родником – все равно, что проследить обратную неразрывную связь понятий Родина – народ – род – родник» [4, с. 444].

В связи с этим следует упомянуть и Масару Эмото, японского ученого, известного своими экспериментами над водой, который доказал, что структура воды определенной местности идентична структуре воды в организме человека, так как она, словно кровь жизни, циркулирует во флоре и является носителем информации о почве, энергетике определенной местности. Этим ученый объясняет, что Родина – не только понятие, имеющее возвышенный смысл, но и конкретное, физическое содержание; что благодаря идентичности водных структур человек сохраняет внутреннюю связь с Родиной и испытывает ностальгию, когда находится вдали от нее.

В заключении отметим, что рассмотренные нами проявления теории Л.Н. Гумилева находят свой отклик в работах советского писателя, краеведа И.С. Костыри. Несомненным остается факт влияния территории на этнос, однако географические факторы не только способствуют формированию менталитета, духа, культуры, но и влияют в определенной мере на поступки человека и на его мировоззрение. Донбасс – поликультурен, многонационален, богат историческими событиями, поэтому так важно знать свои истоки, быть доброжелательным и любить свою Родину. Хотелось бы завершить словами писателя, чьи думы о Донбассе несли в себе истинную любовь и трепетное отношение к родной Земле, чьи пожелания нетленными словами легли на бумагу: «И сиять, сиять тебе на звездном небосводе веки вечные! Оповещать мир о трудах своих и высоком духе своем. И быть светоносным неиссякаемо, осиянным светом земной любви, которая, как известно, пребудет вовеки. Пусть

же и впредь не оскудеют твои глубины, Донбасс. И не падут взятые тобой высоты. Быть посему!».

1. Анциферов Н. О Донбассе пишут в географии / Н. Анциферов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mspu.org.ua/re/10149-ya-hochu-skazat-o-zemlyakah.html>
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н.Гумилёв. – СПб Кристалл, 2001. – 399 с.
3. Жариков Л. Дуб и ветер / Л.Жариков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soyuz-risatelei.ru/forum/6-650->
4. Костыря И.С. Думы о Донбассе: в двух частях / И.С.Костыря. – Донецк: ЧП «ЦСО», 2007. – 480 с.
5. Чехов А.П. В родном углу / А.П.Чехов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp9/sp9-313-.htm>

УДК 82.1

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII в.

Сенчина Л.Т.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
Lyudmila1947@yandex.ru

1. В русской теоретической мысли устойчиво бытовала идея о нормативности и упорядоченности поэтического творчества. Ф. Прокопович настаивал, что «...искусство утвержденное определенными правилами и наставлениями, не только полезно поэту, но прежде всего необходимо» [1, с. 346].

В той или иной степени эта мысль звучит и в «Риторике» М.Ломоносова и в теоретических рассуждениях В.Тредиаковского. Устанавливается «риторический код»: тема – жанр – стиль. Этот «код» становится обязательным в плане осмысления творческого замысла. Нормативные требования способствовали формированию сугубо риторических представлений о природе как поэтических, так и прозаических сочинений.

Подчеркивая общий теоретический принцип многочисленных трактатов первой половины XVIII в., отметим, однако, противоречия в реализации этого принципа в реальной поэтической практике данного периода.

2. Обратимся к творчеству В. Тредиаковского. Внимательное прочтение произведения «Элегия о смерти Петра Великого» (1725 г.) дает возможность увидеть в нем в редуцированном виде присутствие трех родовых элементов – эпоса, лирики и драмы, что свидетельствует об особом роде синкретизма впоследствии разделившихся родовых признаков. Отметим, что такой же «способ представления» новых для русской литературы XVIII в. жанров был, по-видимому, принципиален для Тредиаковского. Вспомним идиллию поэта «Нисса» (первое обращение к буколическому жанру), где можно отметить наличие «синтеза» трех родовых элементов. Представляя таким образом жанр, В. Тредиаковский расширяет потенциальные возможности развития и функционирования данного произведения на русской почве, переосмысляет нормативные требования к «чистоте» жанра.

Обращаясь к «Элегии на смерть Петра Великого», следует подчеркнуть и такую особенность текста: органическое соединение двух жанров – элегии и оды: печаль, грустное размышление и восторг, восхваление деяний Петра I.

3. Такие же процессы взаимодействия разных жанров «внутри» одного произведения, можно наблюдать и в творчестве М. Ломоносова, что явно противоречит требованию «чистоты» жанра.

М. Ломоносов создает произведение «Полидор», определив его жанровую природу как идиллию. Однако перед нами явная «замаскированная ода» (термин С. Бонди), прославляющая деятельность графа К. Разумовского.

Поясним причину, по которой М. Ломоносов не смог назвать «Полидор» одой. Дело в том, что в русской традиции ода посвящалась, как правило, только правящему монарху или же членам его семьи, но не могла быть посвящена «частному человеку». Граф К. Разумовский был назначен гетманом Украины, и это событие послужило поводом для создания произведения. Называя «Полидор» идиллией, М. Ломоносов, однако, сохраняет в этом произведении многие типологические черты оды: восхваление, одический пафос, «высокую» лексику, риторическую композицию, наличие адресата, важное событие и т.п.

4. Особое внимание следует уделить оде Г. Державина «Фелица». В этом произведении поэт смело соединяет, на первый взгляд, трудно соединимые начала: восхваление и осмеяние.

В оде «Фелица» прославляется Екатерина II, которая изображается и как достойная императрица, и как простой обыкновенный человек. Кроме этого, в оде обличается окружение императрицы.

Г. Державин создаёт многоликий мир, в котором есть всё: достоинства и пороки, величие и простота, высокое и низкое.

5. Таким образом, к концу XVIII ст. происходит разрушение привычных жанровых канонов. Ода трансформируется, включая в себя новые темы, иное осмысление мира. Предромантическая ода открывает неисчерпаемые возможности жанровых заимствований.

1. Прокопович Ф. Сочинения. – М.-Л., 1961.

УДК 811'42:[124.5:316.485.26]

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИСКУРСА

Соболева И.А.

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко
sobolevalugansk@mail.ru

Для динамично развивающейся дискурсологии важно уяснение характера и особенностей комбинаторики вербальных и невербальных компонентов, составляющих то, что в русском языкознании называют языковой личностью. Современная дискурсология позволяет сфокусировать внимание на структуре и

поведении языковой личности, расширяя поле наблюдений и рефлексий, корректируя и дополняя модель, предложенную Ю.Н. Карауловым [1].

Языковую личность можно рассматривать с позиций различных научных знаний и выделять при этом в ней различные страты и аспекты для изучения. В.И. Карасик выделяет пять аспектов в речевой организации человека: языковую способность, коммуникативную потребность, коммуникативную компетенцию, языковое сознание и речевое поведение [2, с.24-25]. Лингвистику интересует прежде всего речевое поведение, дискуртологию – сложный комплекс всех этих аспектов, определяющих индивидуальное и коллективное когнитивное пространство личности.

Цель статьи – рассмотреть различные современные подходы в изучении языковой личности с позиций дискуртологии.

Безусловно, любая языковая личность представляет собой некие алгоритмы стереотипных моделей поведения. Т.М. Николаева выделяет три вида стереотипов в речевом поведении: 1) речевой стереотип – отрезок высказывания, включенный в контекст, представленный «свободными» компонентами высказывания, т.е. это – чужая речь в речи говорящего; 2) коммуникативный стереотип – в одних и тех же ситуациях употребляются одни и те же обороты, клише, т.е. это – этикетные формулы, клишированные обороты делового общения и т.д.; 3) ментальный стереотип – стремление мыслить дуальными или градуальными категориями, т.е. это – определенные установки и привычные реакции, облачаемые в языковую и неязыковую форму и характеризующие языковую личность [4, с. 162-178].

Е.А. Ничипорович считает важным не анализ свойств языковой личности как некоторой отдельности, а анализ модусов ее вербального и невербального существования в виде микросоюзов (микротолп) с тем или иным периодом распада и рассматривает языковую личность как непременно существующую в открытом дискурсивном эпизоде или, иными словами, в таком хронотопе, в котором отсутствуют строгие ограничения на использование макроэтикетного и тематического кодекса, характерного для русского общения. Словом, Е.А. Ничипорович стремится не только описать привычки кооперативной языковой личности, но и выявить глубинные установки (кооперационные архетипы), способные проанализировать не только вербальные манифестации кооперативной личности, но и описать ее социально-психологический образ [5].

Полагаем, перспективным для изучения языковой личности в медиаполитическом дискурсе является понятие «имплантации» – встройки инородных языковых элементов, превращающих канонизированную вербальную среду в неканонизированную среду. Эти «имплантации» позволяют выстраивать модель дискурсивного поведения языковой личности, наблюдать за тем, как такие языковые средства перестают быть инородными в структуре дискурса данной личности. Показательно, что использование таких «имплантантов» в медиаполитическом дискурсе (и не только в нем) часто приводит к различным речевым эффектам — юмору, иронии, сарказму, сатире и т.д. То есть тому, что порождает смех или улыбку (внешнюю или внутреннюю). Иными словами, существует нечто, что вслед за В.Л. Вартаняном следует назвать момистическим, некоторым соотношением вербального и невербального, переходом одного в другое в дискурсивной деятельности языковой личности [6]. М.А. Кулинич в

свою очередь предлагает систематизированно и обобщенно рассматривать те модусы человеческого поведения, над которыми смеются люди [7]. Это, на наш взгляд, позволило бы вплотную подойти к созданию этномомистического портрета современной языковой личности и описать дискурсивные механизмы, порождающие комизм в широком смысле – дискурсивные характеристики как адресанта (так называемых «мишеней для шуток»), так и адресата («стрелков по мишеням») и качества, ценности речи («берущиеся на мушку»).

Понятно, что момистический портрет современной языковой личности неразрывно связан с ментальными и этнонациональными особенностями. Такой портрет рисует и М.А. Кулинич, перечисляя ценности англичан и американцев, свидетельствующие о противоречивой этнической психологии тех, кто говорит почти на одном языке. Интерес, на наш взгляд, представляет и корпус таких русскоязычных момистических дискурсов. Вот, к примеру, один из них, рассказывающий о командировке английского профессора-слависта в современную Россию и отражающий этнонациональную специфику и такого дискурса, и дискурсивных личностей: *«На обратном пути нашу машину «Жигули – 2105» остановил офицер ГИБДД. Проверив мои водительские документы и убедившись, что от меня не пахнет алкоголем, он сказал сидевшему рядом со мной профессору Роберту Портеру: – Что-то мне ваше лицо знакомо, это не у вас я на прошлой неделе права отобрал за пьянку? – Я профессор славистики из города Глазго, Великобритания, – гордо выпрямился англичанин. – Одно другому не мешает, – мудро заметил гаишник и пожелал нам счастливого пути неизвестно куда, не взяв с нас за это ни копейки денег»* (Огонек, №7, 2014).

Продуктивность использования понятия «имплантации» в характеристике языковой личности, предложенного Е.А. Ничипорович, подтверждается, на наш взгляд, и результатами работы С.Г. Васильевой, хотя она и не использует этот термин [8]. Основная цель ее работы — выявить формы разноразличия в этнически гетерогенном лингвокультурном сообществе, преимущественно обращая внимание на устно-непринужденные формы функционирования речи. С.Г. Васильева оспаривает корректность использования понятия билингвизма для осмысления речевых событий, происходящих в таком сообществе. Более эвристичным и соответствующим языковым реалиям будет по ее мнению «подслушивающая лингвистика» и метаполевой дискурсивный анализ, опирающийся на факты спонтанной речи и письменных источников.

Вполне возможно, что «подслушивающая лингвистика», или «дискурсология вслушивания», или даже «вживания», что, на наш взгляд, точнее и корректнее по номинированию, станет важным методологическим инструментом при изучении современной дискурсивной личности. Эта методика должна быть направлена на изучение вербального поведения личности с позиций внутрисубъектного разноразличия как целостного метаобразования. В одних случаях (по отношению к одним языковым личностям) мы можем говорить о фактах речевой мутации (интерференции и интеркаляции), когда иноязычные вкрапления мигрируют из Языка₁ в Язык₂, или из Языка₂ в Язык₁ (интеркаляция). Такие процессы чрезвычайно актуальны для речевого поведения современных граждан Украины и, безусловно, должны быть учтены при анализе или паспортизации таких языковых личностей.

Однако больший интерес, на наш взгляд, представляют другие формы внутрисубъектного разноязычия или диглоссии, когда языковая личность демонстрирует такой тип языкового поведения, который диссонирует с ее социальным статусом, возрастом, уровнем образования, половой принадлежностью и т.д. Самый очевидный пример такого внутрисубъектного разноязычия – широкое использование жаргонных средств в медиаполитическом дискурсе [9].

По мнению С.Г. Васильевой, существует внутрисубъектное пространство носителя языка и внутрисубъектный образ как единство формы и содержания языкового знака. Это разнопорядковые величины, но не антагонисты. Внутрисубъектное разноязычие – это совокупность ядерных типовых, периферийных типовых и нулевых коммуникативных ситуаций. Безусловно, изучение таких коммуникативных ситуаций, их дискурсивный анализ дадут развернутую характеристику отдельной языковой личности, позволят найти ключ к ее дискурсивному поведению.

Если считать, что понятие имплантации речи (Е.А. Ничипорович) и понятие внутрисубъектного разноязычия (С.Г. Васильева), а также понятие смешанной речи и внутренней интерференции указывают на нечто общее в современном дискурсивном поведении, то все они в совокупности представляют большой интерес для дискурсивного анализа как типологизированных кооперативных личностей, так и реальных, конкретных дискурсивных личностей.

При анализе этих дискурсивных явлений в структуре языковой личности нельзя, конечно же, ограничиваться исключительно лингвистическими процедурами. Особую важность приобретает когнитивный, культурологический, психологический и иной инструментарий. Так, Д.Б. Гудков считает, что природу наших вербальных и невербальных поступков определяют мемы или культурные гены. Он предлагает свою версию системы культурных генов – прецедентных феноменов как лингвокультурологических общностей, проявляющихся в различных формах поведения языковой личности [10].

Интересен также такой подход в выявлении составляющих кооперативной дискурсивной личности, как типологизация их на Лидеров и Исполнителей. При этом под Лидером мы понимаем личность с объемным разнообразным коммуникативным полем и регистрами речи, а под Исполнителем – личность со сфокусированным полем коммуникативной речи. Лидер предлагает выбрать, а Исполнитель предлагает выбрать из выбранного, из тех языковых средств, фокуситивов, которые употребляет и рекомендует Лидер.

В высшей степени многообещающими для исследования дискурсивной личности будут и факты, свидетельствующие о конфликтности или бесконфликтности дискурсивного поведения. В частности, наличие в речи разного рода инвективов, обеспечивающих наличие агрессивности и пейоративности в вербальном поведении.

Одним словом, современная лингвистика предлагает множество подходов и параметров в описании современной языковой личности, представляющей собой многомерное образование. Данная статья, конечно же, не претендует на сколько-нибудь полное отражение научных позиций по этому вопросу. Совершенно ясно, что понятие структуры языковой личности по Ю.Н. Караулову

остается как данность. То есть представление о языковой личности, реализующейся через свои вербализмы, существующей лишь в языке и с помощью языка же стремящейся вписаться в правила бытия в его письменной или устной форме, продолжает оставаться базовым. В дополнение к этим параметрам рассмотрения языковой личности следует добавить наблюдения за вариациями или смещениями в вербальном каноне, за реализациями его в пространстве и времени дискурсивного общения-поведения.

Таким образом, дискурс позволяет описывать не столько языковую (речевую) личность, сколько личность дискурсивно-семиотическую, что на наш взгляд, дает более многомерное представление о многообразии форм ее существования.

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
2. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В.И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 24-46.
3. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л.П.Крысин // Русский язык в научном освещении, 2001. – № 1. – С.90-107.
4. Николаева Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. – 680 с.
5. Ничипорович Е.А. Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 13.01.01. «Русский язык» / Е.А. Ничипорович. – Москва, 1999. – 20 с.
6. Вартанян В.Л. Фрагменты психолингвистической теории юмора: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 13.01.01. «Русский язык» / В.Л. Вартанян. – Москва, 1994. – 20 с.
7. Кулинич М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. на соискание учен. степени докт. культур. наук: спец. 24.00.04 «Прикладная культурология» / М.А. Кулинич. – Москва, 2000. – 25 с.
8. Васильева С.Г. Разноязычие (смешанная речь) и типология билингвизма личности: автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук: спец.: 13.01.01 «Русский язык» / С.Г. Васильева. – Москва, 1999. – 26 с.
9. Соболева И.А. Поливекторная палитра медиаполитического жаргона / И.А. Соболева // Соціолінгвістичні студії. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – С. 101-106.
10. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук : спец. 13.01.01 «Русский язык» / Д. Б. Гудков. – Москва, 2000. – 30 с.

УДК 373.67

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТКОГО МЫШЛЕНИЯ

Ущановская Е.Н.

Донецкий государственный университет управления
hellen.00@mail.ru

Один из исторических вызовов, стоящих перед современными гуманитарными науками, состоит в поиске способов продуцирования знания,

которое стало бы перспективным и позитивным относительно будущего. Однако само будущее можно усмотреть в прошлом. Для современного исследователя в области гуманитаристики, в частности музыкальной антропологии, прошлое уже предстает в виде мировоззрения постмодернистской личности и собственно постмодернистского искусства. На наш взгляд, эпоха постмодернизма на постсоветском пространстве исчерпала себя в первом десятилетии XXI в. В научных же исследованиях гуманитариев продолжается осмысление постмодернистских традиций, благодаря чему возможно строить прогнозы на будущее. Именно поэтому одним из частных вопросов в этой области становится изучение музыкального искусства постмодернизма в контексте влияния его тенденций на развитие современного композиторского мышления.

Одной из ярких отличительных черт постмодернизма является тенденция к коммуникативному включению в смысловое поле произведения исторически различных стилей, жанров и форм. Благодаря этому стираются грани между пространственно-временными слоями культуры, а в самом художественном произведении прошлое становится атрибутом настоящего и перспективой будущего.

Ещё одной важной особенностью художественного мышления постмодернизма стало средоточие внимания на концептуальной стороне творческого процесса. В частности, композитор-постмодернист, усвоив художественные традиции разных эпох, начинает воспринимать их своими собственными. В результате такого восприятия, он свободно включает их в художественную целостность своего произведения. Благодаря такому подходу, в художественном произведении открываются новые комбинации стилевых кодов, моделей и знаков, создавая метакоммуникационную ситуацию переключки эпох, ощущения времени в виде связанной линии, почти «единовременного аккорда» (А. Шнитке).

Проблема выявления эстетического измерения постмодернизма представлена в исследованиях философов, социологов, искусствоведов, которые приходят к общему мнению, что «по масштабам охвата многих отраслей человеческого бытия и знания, нагнетанию страстей и остротой научных дискуссий приход постмодернизма можно сравнить разве что с позитивистской революцией предыдущих десятилетий» [1, с. 22].

Многоаспектность постмодернизма осознано и музыковедением. Так, исследуя проблемы организации художественной целостности, Б.Сюта отмечает, что «постмодернизм как художественно-культурное течение, как особая общественно-культурная форма миропознания и мироотражения является определенно межотраслевым явлением, тяготеет к всеохватности научных знаний, культурологической разноаспектности» [4, с.67]. Как справедливо замечает В. Личковах, «сакральная граница веков и тысячелетий стала временем возникновения различных фантазмов, парапсихологических и метакультурных явлений», которые приводят к путанице «стилей, концепций, методологий, технических сценариев развития» [2, с.152–153]. Конечно, подобная путаница привела к изменениям в стиле философствования и эстетики, а также собственно в музыкальной стилистике, которые требуют своего отдельного обстоятельного изучения.

Современное композиторское творчество характеризуется новым прочтением традиции и причинно-наследственных художественных связей, что приводит к своеобразной универсальности художественного мировоззрения, многоязычия техник и стилей, диалогичности мышления. В работах многих исследователей подчеркиваются интертекстуальность и рефлексивность, полифоничность и плюралистичность музыки последней трети XX – начала XXI века.

В своем системном видении современного искусства российский исследователь А. Соколов придерживается подобных позиций, но выделяет три плоскости современного художественного мышления, которые воплощают мировоззренческие традиции – философскую, методологическую и стилевую. Музыковед определяет следующие сущностные параметры этих плоскостей: – рефлексия как универсальная философско-эстетическая категория, воплощающая «итоговость» новозеклектического этапа развития культуры; – постмодернизм как универсальный метод художественного творчества; – метаисторизм как универсальный стиль, основанный на интертекстуальных связях [3, с. 29].

Анализируя образность постмодернистского искусства, можно выделить некоторые доминирующие тенденции, которые проявляются в виде диалога Восток-Запад во временной, пространственной и генетической плоскостях; воплощения идей новой религиозности с использованием жанров и форм духовной музыки; «новой фольклорной волны»; полистилизма как художественного диалога эпох, культур, мировоззрений и стилей.

1. Алексеева Т. Лики российского постмодернизма // Вестник московского ун-та. – Сер. 18. Социология и политология. – 2003. – № 4. – С. 22–46.
2. Личкова В. Авангард-постмодернизм-универсализм: смена парадигм неклассической эстетики // Философская и социологическая мысль. – 1996. – № 7, 8. – С. 143–166.
3. Соколов А. Новые эстетические тенденции музыки второй половины XX века. Стили. Жанровые направления // Теория современной композиции / Отв. редактор В.С. Ценова. – М.: Музыка, 2005. – С. 23–39.
4. Сюта Б.О. Проблеми організації художньої цілісності в українській музиці другої половини XX століття: Дослідження. – К., 2004. – 120 с.

УДК

СЕМИОТИКА КАРНАВАЛА В КАРТИНЕ ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО «БИТВА МЕЖДУ КАРНАВАЛОМ И ПОСТОМ»

Черникова А.С.

Донецкая общеобразовательная школа № 46

Anastasiyaaa17@gmail.com

Карнавал как текст культуры организуется по определенным правилам и принципам, имеет свою особую эмоциональную систему координат, систему ценностей, обозначенные пространство и время, определенные нормы поведения в его рамках. Текст карнавала открыто взаимодействует с другими формами семиосферы. В его рамках происходит динамика смыслов в зависимости от того, с какими текстами семиосферы он контактирует [1, с.19]. В связи с этим вопросы

знаково-семиотической организации карнавала как текста культуры, контрапунктное столкновение различных языков, отображение действительности в символической и метафорической формах, характерный для карнавала внутритекстовый диалог культур, способствующий генерированию новых смыслов в результате взаимодействия с другими текстами представляют особый научный интерес. Малоизученность проблем семиотики карнавала в изобразительном искусстве, а в частности, в произведении Питера Брейгеля Старшего, посвященного теме средневекового карнавала (т.е. периода расцвета карнавала), вопросы интерпретаций культурных смыслов карнавала сквозь призму знаковых систем обуславливают актуальность избранной темы.

В последнее время появились диссертационные исследования, в которых затрагиваются вопросы семиотики карнавала (А.С.Ляшок [1], М.А.Загibalова [2]). Однако практически отсутствуют работы, посвященные исследованию знаково-семиотической организации карнавала как текста культуры с позиций его взаимодействия с другими текстами.

Цель данной статьи – охарактеризовать специфику семиотики карнавала в картине Питера Брейгеля Старшего «Битва между Карнавалом и Постом».

Материалом исследования послужила картина Питера Брейгеля Старшего «Битва между Карнавалом и Постом». Выбор картины обусловлен её тематикой, своеобразием творческого подхода художника, значительным количеством элементов знаково-семиотической системы произведения, высокой степенью метафоризации в ней культурных смыслов карнавала.

В картине «Битва между Карнавалом и Постом» создана сцена народного веселья. В представлении художника человеческое общество походит на муравейник. И хотя Питер Брейгель находит в нем настоящую красоту, его маленькие герои столь же смешные, как и незначительные, в такой мере жизненные, как и гротескные – между человеческим лицом и маской карнавального шута разницы временно не существует.

На первом плане, в центре картины, мы видим ироническую битву Карнавала и Поста, которые олицетворяют собой два человека по разные стороны, позади которых находятся участники этих двух явлений.

Карнавал – это человек с большим животом, который намекает нам на грех чревоугодия, и увеличенным мужским половым органом, рядом с которым висит опущенный вниз кинжал – символ недействительной мужской силы; набитый различной карнавальной едой и напитками, восседающий на бочке с вином, он похож на мясника и размахивает своим оружием – вертелом, на острие которого нанизана мясная еда как символ карнавала, шлемом ему служит корзина с куриным паштетом, как отображение обычая есть жирную курицу в день карнавала. Карнавал оседлал винную бочку, около которой разбросаны игральные карты (намек на азартные игры, любимые в то время), разбитые яйца (употреблялись при изготовлении вафель) и свиные кости.

В свите Карнавала под шум кухонных «инструментов» шествуют ряженые. Фокусник в разноцветном колпаке с большим кошельком на боку толкает бочку, держа в руках кубки для распития вина. Существо в треуголке с обмазанным мукой лицом водит ножом-смычком по решетке для жарки, создавая ещё больший шум. Скрытое лицо – указание на то, что на карнавале все

становятся одинаковыми, стираются границы между мужчиной и женщиной, взрослым и ребенком, красавицей и чудовищем.

За ним шествует толстый «священник» с зажженной свечой в руке (огонь – символ перерождения), он несёт на голове круглый стол с обрядовыми угощениями «жирных» дней – вафлями и булками. В ряду Карнавала можно увидеть и буффона, увенчанного котелком и бренчащего на мандолине (музыкальные инструменты – греховность), у него чересчур увеличен живот, словно у беременной женщины, так как это являлось составляющей карнавала – мужчина менялся местами с женщиной. Рядом с ним – шут, переодетый кумой в чепчике и в одежде из соломы, несет блюдо с вафлями; с набеленным лицом он шествует в ожерелье из яичной скорлупы: яйца входили в обильную трапезу преддверия поста («Чтобы пост показался, мал и легок, как яичко, чтобы, как яйцо, быть крепким и здоровым» [3, с. 197]). Его одежда из соломы связана с карнавальными действиями: сожжением и захоронением соломенного чучела, разведением костров из соломы. Солома была символом всего старого и отжившего, сожжение означало преодоление смерти – зимы.

Последним идёт мальчик в бумажной короне – маленький священник, который благославительным жестом поднимает вверх вафлю. В нижнем левом углу картины двое игроков мечут кости на вафле, словно на доске. У игрока в бараньей куртке (зооморфный образ) голова обвязана вафлями, а на спине помещено зеркало (обычно шутовской мотив бессмысленных действий или бинарность, двойственность бытия). Лицо его партнера скрыто под черным конусовидным колпаком, которые обычно носили средневековые палачи.

Сакральное значение не только в обычной жизни, но и во время карнавала, имели ритуальные огни – свечи, факелы, костры. Если люди обходили свои поля и сады с горящими факелами, то это означало защиту будущего урожая. В картине Брейгеля мы также можем видеть множество огней: горящие свечи, которые несут ряженые, факел у шута, сопровождающего пару людей, и у людей в серых комбинезонах, костёр, на котором кухарка, расположившись среди площади, печёт оладьи и большой костёр перед домами на заднем плане картины, знаменующий собой «сожжение Зимы». С огнём также связана архаическая церемония разведения общих костров с целью очистки людей, животных и изгнания нечистой силы.

В правой стороне проходит противоположное карнавалу шествие поста. На этой стороне ревностно придерживаются обычаев постных дней: пьют воду, торгуют рыбой, то есть удовлетворяются довольно скудным рационом, который означает умерщвление плоти и умеренность. Здесь основным зданием является церковь, в то время как на стороне карнавала доминируют жилые здания и трактиры.

Аскетичный, истощенный и печальный Пост с бледной кожей, увенчанный пчелиным ульем (мёд – символ умеренности), выезжает на шутовской турнир с деревянной лопатой пекаря, заменяющей копье и напоминающей весло (храм часто сравнивают с кораблём). На лопасти лежат два сельди – «главное блюдо «Пепельной среды» (первый день Великого Поста) в Нидерландах» [3, с. 74]. В левой руке он держит пучок сухих прутьев, образ скудности и бесплодия. «Колесницу» Поста – платформу на колесиках – тянут монах и монахиня. На

платформе разложены «деликатесы» постного времени: корзина с сушеными инжирами, кренделями, сухими лепешками. Перевернутая пустая корзина намекает на голодание и пост.

В шествии Поста играют дети с трещотками молоточками и корзинами для сбора пожертвований; пономарь несет в ведре святую воду. Здесь же верующие, выходящие из храма, подают милостыню нищим, слепым и калекам. Подаяние собирает вдова утопленника, калека-обманщик, у которого якобы нет ног и руки, исхудалая женщина, на спине которой в корзине сидит обезьяна («символ греха, хитрости, коварства, стремления к роскоши, злобности, лени. У христиан раннего Средневековья обезьяна стала символом дьявола и, скорее, знаком язычества, нежели греховности» [4, с. 136].

На игровой и ироничной левой половине картины торжествует праздничный смех, народные гуляния, обряды и веселье. Антитеза этому – жизнь серьезная и аскетичная. Для Питера Брейгеля карнавал был трагикомедией земного существования со всеми его безумцами, которые не знают меры крайностями, светлыми и темными сторонами, но с ударением на трагические аспекты бытия: бедность, уродство, неизлечимые болезни.

Итак, символика образов Питера Брейгеля ярко передает карнавальное сознание, где нет ничего незыблемого, все понятия относительные, двойные и противоречивые. Культурное пространство картины наполнено огромным количеством семиотических образов, это постоянное движение, изменение, единство реального и вымышленного.

1. Ляшок А.С. Карнавал как форма праздничной культуры: философско-культурологический анализ: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филос. наук: спец. 24.00.01 – «Теория и история культуры» / Анна Сергеевна Ляшок; Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств. – Краснодар, 2004. – 28 с.
2. Загibalова М.А. Граница как основа формирования социокультурного пространства / М.А.Загibalова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2012. – № 2. – С. 27-34.
3. Токарев С.А. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев / С.А.Токарев. – М.: Наука, 1983. – 226 с.
4. Багдасарян В.Э. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / В.Э.Багдасарян, И.Б.Орлов, В.Л.Телицын. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС; РИПОЛ классик, 2005. – 198 с.

УДК 821.161.1+311.2

К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ «ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ» В «МЕРТВЫХ ДУШАХ» ГОГОЛЯ

Шульц С.А.

г. Ростов-на-Дону, РФ
s_shulz@mail.ru

Комментируя различные философии слова, А.Л.Доброхотов указывает: «Стоит нам употребить любое слово, как тут же возникает некий идеальный мир, который из этого слова потенциально выводим. Факт начинает жить в поле

идеального мира; и чем дальше, тем больше факт подчиняется тому, что было заключено в самом слове» [Доброхотов, с. 51]. Принципиальной квинтэссенцией слова выступает имя.

Обращая внимание на комическую нелепость античных имен детей Манилова, не замечают, что фамилия «Манилов» может происходить от древнеримского имени – в частности, имени «Манилий». В эпоху поздней Римской империи жил известный астролог Манилий. Астролог – вид мага, пытающегося овладеть будущим людей, природы, космоса. Манилов – в качестве почти «астролога» – строит прожекты великой дружбы с Чичиковым, планы диковинных строений и т.д. Но «астрология» Манилова вопиюще не точна и самопародийна, она упускает из вида судьбу страны. Гоголь высмеивает несостоятельные «магико-астрологические» претензии Манилова ради того, чтобы подчеркнуть истинность собственного «магизма» в своем «колдовстве» по поводу будущего России через свою «философию имени».

В частности, в своем письме к Жуковскому от 12 ноября 1836 (н. ст.) Гоголь заговорит о «моем птичьем имени». Фраза о «моем птичьем имени» отмечена определенным комическим снижением, но и мифологизированием, онтологическим по существу. Ведь имя есть сущность вещи, имя есть жизнь [Лосев 1995, с. 617]. Уподобляя себя Поэту вообще, с одной стороны, и свое имя (свою художническо-экзистенциальную сущность) птице, с другой, Гоголь отождествлял поэзию и мифологию, взлет фантазии и птичий взлет ввысь, будущую поэтическую «птицу-тройку» как вариацию Музы и Пегаса с птицей вообще, в том числе с птицей-душой. (В мифологии птица часто является воплощением души).

1. Доброхотов А.Л. Мир как имя // Логос, 1996, №7. – С. 47-61.
2. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – М., 1995. – С. 613-801.

УДК 821.161.2.091.22.06

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ БИБЛЕЙСКОЙ ПРИТЧИ
В ПОВЕСТЯХ Г. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО
«МАРУСЯ» И «СЕРДЕШНА ОКСАНА»**

Бородинова М.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
irinayaroshevich5@mail.ru

Библия для известного украинского писателя XIX в. Г. Квитки-Основьяненко была одним из наиболее важных источников идей, мотивов, образности. Особый интерес в аспекте интерпретации Библии представляют повести «Маруся», «Сердешна Оксана». На разных уровнях этих произведений наблюдаем «присутствие» библейской притчи. Рецепцию этого важного компонента Священного Писания выбираем в качестве предмета исследования.

Этот рецептивный аспект недостаточно представлен в научной литературе. Используя биографический метод, учитываем основные положения тех работ, в которых биография писателя – объект специального исследования или существенная составляющая анализа: П. Кулиша, М. Грушевского, Н. Зерова, А. Борзенко. Эти работы важны для понимания фактов интереса писателя к Библии, христианской традиции. Используем также работы Е. Вербицкой, О. Гончара, принимая во внимание, что такой ракурс анализа повестей только очерчен. Значимыми для освещения проблемы «Украинская литература и Библия» считаем работы В. Сулимы, И. Бетко, В. Антофийчука, учитывая, что проза Г. Квитки-Основьяненко не «включена» в сферу научных интересов исследователей. Импонируют общие подходы к «библейскому коду» в украинской литературе.

Повесть Г. Квитки-Основьяненко «Маруся» посвящена изображению нравственных, бытовых аспектов жизни крестьянской семьи Наума Дрота. Находит художественное воплощение одна из «вечных» проблем – «отцов и детей», через изображение отношений Наума Дрота, Насти с дочерью Марусей, а также история любви Маруси и Василя.

Особенность композиции повести – наличие введения, которое имеет нравственно-морализаторскую направленность. Автор-рассказчик размышляет о зависимости человека от Божьей воли. Собственно повествование о семье Наума Дрота, любви Маруси и Василя воспринимается как своеобразная «развернутая иллюстрация» к нравственно-религиозным сентенциям во введении. На такую особенность композиции повести в свое время обратил внимание Н. Зеров, объяснив ее дидактической тенденцией: «Повесть Квитки – повесть а these. Сначала автор высказывает общие суждения, а фабулой будто бы иллюстрирует свой тезис» [4, с. 57]. Д. Чижевский в такой композиции видит проявление «христианского морализма» [6, с. 349] автора.

Принимая во внимание высказывания Н. Зерова, Д. Чижевского, уточним, что на уровне композиции ощущается воздействие притчи (имеем в виду притчу как важный компонент Библии).

Наиболее общее определение этого жанра – поучительное аллегорическое повествование, в котором фабула подчинена морализационной части. С. Аверинцев, определяя притчу как «дидактико-аллегорический жанр» [1, с. 362], выделяет основные черты. Определенный интерес вызывают обобщения И. Бетко [3], касательно функций и структуры библейской притчи.

Притчи занимают особое место в Библии: «присутствуют» в старозаветных текстах, их роль определяющая в Новом Завете. Это особенная форма проповеди Иисуса Христа, он притчами учил людей, высказывая в образной аллегорической форме духовные истины.

Характеризуя композицию повести Г. Квитки-Основьяненко «Маруся», выделяем такое формально-содержательное воздействие библейской притчи как подчиненность повествования введению. Морализационная часть (обобщающая максима) – это введение, а подчиненное ей сюжетно-фабульное повествование – рассказ о семье Наума Дрота, любви Маруси и Василя (композиция произведения напоминает притчу «наоборот»). Во введении наблюдаем еще одну интересную форму рецепции библейской притчи. Автор – рассказчик, говоря о любви Бога к человеку, придает размышлениям форму религиозной притчи об отце и ребенке.

Анализируя введение, считаем целесообразным обратить внимание не только на его содержание, но и на субъекта повествования. Г. Квитка-Основьяненко в прозе утверждает субъективную манеру повествования. «Збудовано всі оповідання Квітки як живу оповідь, що точиться з вуст якогось, ближче не схарактеризованого оповідача, не автора» [6, с. 346], – цитирую одно из обобщающих высказываний Д. Чижевского. Развивая мысль исследователя, подчеркиваем: в повести «Маруся» субъект выполняет «роль персонажа», но не участника художественного действия, скорее свидетеля, наблюдателя тех событий, которые пересказывает, принадлежит к простонародной среде. И, что особенно важно, он носитель народно-христианских нравственных ценностей.

Морализаторское введение напоминает проповедь. Рассказчик будто бы «проповедует», обращаясь к слушателям, что жизнь человека быстротечна, нужно жить, следуя Божьей воле, смерть воспринимать как закономерное завершение человеческого существования.

Тема жизни и смерти, одна из «вечных» тем в искусстве, осмысливается рассказчиком в христианском духе, как проявление Божьей воли. Обращаясь к разуму и сердцу слушателей, он как бы «очерчивает» своеобразную «модель» поведения христианина, который потерял близких.

Таким образом, во введении обозначены такие элементы проповеди: обращение к слушателям, толкование некоторых положений христианского вероучения, определенные рекомендации о правилах поведения христианина. Специфическая субъектная организация («присутствие» рассказчика), «моделирование» введения как проповеди, дидактический элемент – все это мотивирует воздействие притчи на композицию повести, «включение» этого компонента в контекст повествования.

В повести «Сердешна Оксана» писатель обращается к теме искушения девушки-крестьянки человеком, принадлежащем к высшему сословию (в повести он офицер, капитан).

На композиционном уровне также ощущается воздействие библейской притчи. Начало произведения, нравственно-дидактическое введение, напоминает такой компонент притчи как обобщающая максима. Тема размышлений рассказчика, исповедующего нравственно-этические христианские ценности, – материнская любовь, похожая на любовь милосердного Бога. Отношения матери и дочери – одна из важных, но не основная тема произведения. Поэтому менее выявлена подчиненность сюжета морализаторской части.

На сюжетно-фабульном уровне повести интерпретируется библейская притча о блудном сыне [Лк.15: 11-32], в которой рассказывается об отношениях отца и сыновей: один был послушным, второй поступил неразумно – «подався до далекого краю і розтратив маєток свій там, живучи марнотратно..., став бідувати» [2, с. 96]. Оксана, юная и беспечная, влюбившись в капитана, покинула мать. Непослушный сын хочет вернуться же мотивы поступков блудной дочери и попросить у отца прощения. Таковы же мотивы поступков блудной дочери. Отец готовит для блудного сына пир, объясняя: «Цей брат твій був мертвий – і ожив, був пропав – і знайшовся» [2, с. 97]. Любящая мать прощает дочь, руководствуясь христианскими принципами. Наблюдаем также созвучие смысла притчи: Божья любовь для всех – праведных и грешных, – и авторской идеи, в основе которой – принцип христианского всепрощения.

Таким образом, предложенный анализ повестей «Маруся», «Сердешна Оксана» в ракурсе рецепции библейского жанра притчи имеет продуктивный характер и способствует углублению эстетического значения этих произведений.

1. Аверенцев С. София – Логос: Словарь / С. Аверенцев. – К., 2006. – С. 362-363.
2. Біблія або Книги Святого Письма Старого й Нового Заповіту із мови давньоєврейської та грецької на українську наново перекладена. – United Bible Societis, 1990.
3. Бетко І. Біблійні сюжети і мотиви в українській поезії 19- поч. 20 ст. / І. Бетко. – Київ – Зелена Гора, 1999. – 160 с.
4. Зеров М. Нове українське письменство / М. Зеров // Українське письменство. – К., 2003. – 1300 с.
5. Квітка-Основ'яненко Г. Зібрання творів: у 7 т. – Т. 3. – К., 1981.
6. Чижевський Д. Історія української літератури: Від початків до доби реалізму / Д. Чижевський. – Тернопіль, 1994. – 478 с.

УДК 821.161.2.09

ДУХОВНЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРЫ ДОНЕТЧИНЫ

Ярошевич И.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
irinayaroshevich5@mail.ru

Духовная культура Донетчины имеет свою давнюю историю. Свидетельством этого является украинский фольклор и один из первых письменных

памятников «Слово о полку Игореве». Несмотря на все неблагоприятные историко-политические обстоятельства, литература Донетчины всегда была частью жизни нашего общества, в то же время составляла особое художественное достояние восточного региона, как один из приоритетных факторов влияла на формирование духовного и нравственного мировоззрения донетчан, духовности как доминирующего качества личности.

Особое значение морально-этический потенциал литературы родного края приобретает сегодня, когда сложности социально-экономического и политического развития республики, а Донбасса в частности, с особой болью отражаются на молодом поколении. Неопределенность нравственных ориентиров в повседневной жизни, отсутствие социальной защищенности, пропаганда насилия средствами массовой информации, потеря семейных ценностей приводит к отчуждению молодежи от морали, побуждают ее к собственным поискам самореализации.

Поэтому формирование духовного мира личности должно происходить в тесной связи с историей, культурой, литературой родного края. Только через осознание, внутреннее восприятие, понимание христианских и общечеловеческих нравственных ценностей можно говорить о формировании высокодуховной сущности человека. По сути каждый художник, а писатель однозначно демонстрирует творческую способность к самореализации и самосовершенствованию, обусловленные чувственно-эмоциональными и волевыми факторами, которые способствуют успешному формированию и реализации потребности в целенаправленном познании и утверждении общечеловеческих этических и эстетических ценностей.

Донецкие краеведы отмечали, что признаки литературной жизни в Донбассе начали проявляться уже в последние годы XIX века, набирая с каждым десятилетием новой силы, пополняя украинскую литературу достижениями своего литературного цеха. В Бахмуте, на то время административном центре Донбасса, начинают издаваться художественные книги, активизируется деятельность писательской организации «Забой», фактически с одновременным изданием одноименного журнала.

Тема шахтерского рабочего края представлена в творчестве Б. Гринченко, С. Васильченко, Х. Алчевской, М. Чернявского. Картины быта и производственных отношений передает С. Черкасенко в сборнике рассказов «На шахті». Писатель видел социальные корни безвыходного положения шахтеров, понимал, что причина в самой системе, исполнителями которой являются различные штейгеры, инженеры, десятники, дозорные.

С. Черкасенко был учителем-практиком и хорошо знал психологию ребенка, целенаправленно старался снять присутствие неприязни и ужаса по отношению к детям-труженикам, поэтому к следующему сборнику рассказов «Маленький горбань» делает посвящение – *«Дітям праці, нужди і горя присвячую цю книжку»*, так как из-за халатности и равнодушия взрослых на шахтах гибли дети. Автор, тонкий психолог, отмечает не только ранимость детских душ, но и наблюдает и воспроизводит, как жестокий мир взрослых оказывает влияние на них и формирует далеко не положительные качества.

Поэтическая палитра Донбасса 20-х гг. XX в. неоднозначна. В это время особое звучание приобретает поэзия В. Сосюры, талант которого формируется

под влиянием родного края, ему он посвящает нежные, лирические произведения: «Цвіте садок...», «Десь далеко в Юзівці...», «Шуми міста...», «Шахтар», «Рвав восени я шипшину...». Образ Донетчины В. Сосюры неотделим от образа любимой, поэтому вырастает до идеала, освещает его жизнь.

Оторванность от родной земли усилила сыновью связь поэта с ней: *«Непереможно встає бажання ще раз прожити хоч у споминах, своє життя над золотим Дінцем, у шумі тихих верб і осик, у янтарному цвіті акацій і дзвонах... О моя Третя Рота...»* [1, с. 304].

В поэзии В. Сосюры присутствует рецептивная модель не только «Донбасса индустриального величия» но и «военного Донбасса» в годы Второй мировой войны. Для произведений этого времени характерное появление топонимов «Россия», «Москва», «Алтай», «Урал», «Белоруссия» и др. В этом контексте Донетчина выступает частью большого целого, квалифицировавшись как «донецкая Украина». Формируется персонифицированный образ Донетчины как мужественного воина: *«і Донеччина любя до бою, до останнього бою встає», «і тільки за щастя б'ючися уперто, / катам не здається Донбас»*. Поэт с огромным желанием стремится воспеть и прославить родной край: *«Прослав свій край, лети до неба, / де кулеметів огнепад, / щоб не сказав ніхто про тебе, / що спала ти під грім гармат»* [1, с. 343].

Бурным развитием отмечается и проза 20-30-х гг. XX в., как в расширении тематических так и жанровых форм. В частности, это повести И. Гонимова «Старая Юзовка», Б. Горбатова «Ячейка», Л. Скрипника «Шахтер Василий», Г. Баглюка «Проект» и романы С. Божко «В степях», Г. Баглюка «Молодость», Б. Горбатова «Наш город», которые отличаются характерной публицистичностью, фактографической манерой письма, системой специфических персонажей.

В целом, на широком эпическом фоне возникают многоплановые топосы Донбасса. Особую художественную интерпретацию приобретает образ донецкой степи, красота которой завораживает и манит.

С. Божко в романе «В степях» прослеживает изменения в ментальности народа, выявляет проблемы деформации национального характера украинца через демонстрацию процессов разрушения уклада жизни крестьянина, посягательство на свободу личности, через воссоздание конфликта нового с отжившим, психологические состояния растворения человеческого в массовом сознании.

Раскрывая эту проблему, автор показывает изменения на уровне системы духовности украинского народа. Поэтому одной из центральных проблем произведения возникает связь человека с историей, обществом, природой.

Заметное оживление литературного движения в Донбассе отмечается в «эпоху» так называемых шестидесятников: П. Байдебура, В. Стус, Г. Гордасевич, Г. Кривда, Е. Цетляк, П. Бондарчук. Это время, когда несмотря на воздействия соцреалистического канона, наблюдается сильный уклон литературы в философизацию, психологизм и документализм.

Роман «Вогонь землі» П. Байдебуры можно по праву назвать энциклопедией народных традиций, обычаев, своеобразной иллюстрацией к

характерным исконным чертам украинского народа. Продолжая традиции украинской региональной литературы, П. Байдебура обращается к образу славной окраины родной земли – Саур-Могилы, воспетой в народных думах и песнях. Она была не только ориентиром чумакам в их странствиях к Дону и Азову из Украины, но и священным местом, в битвах за которое с врагами было пролито немало крови отважных героев. Об этом помнят персонажи романа и вместе с тем учат нас не забывать свою славную, героическую историю.

Литературно-художественная жизнь Донбасса рубежа XX-XXI вв. характеризуется настойчивым сохранением классических канонов в литературе: Ю. Доценко, С. Жуковский, В. Павловский и поиском постмодернистских веяний в творчестве Д. Белого, П. Куца, Э. Свенцицкой.

Привитие и воспитание любви к родной земле, через постижение красоты родного слова в творческом наследии писателей-земляков непременно послужат обогащением духовного и нравственного мировоззрения молодого поколения, вызывая уважение к щедрым, честным и трудолюбивым людям, к славному прошлому, к бесценным сокровищам литературно-художественного наследия. Хочется верить в то, что нас объединяет не только одно общее дело: содействие в воспитании нравственно развитой, высокодуховной молодежи, а и сознательный вклад каждого в формирование судьбы Донбасса.

1. Сосюра В. Вибрані твори: у 2 т. / В. Сосюра. – К.: Наукова думка, 2000. – Т. 1. – 646 с.; Т. 2. – 550 с.

УДК 811.161.1'289.6:315.74

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ

Белоусова Е.В.

Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко
zhenya.beloysova@mail.ru

Коренные изменения, которые произошли и продолжают происходить в современном обществе, создают предпосылки для полного обновления образовательной системы. Такая тенденция находит отображение в разработке и последующем внедрении интерактивных методов обучения – новых технологий образования, основанных на мировом педагогическом опыте.

Интерактивное обучение – это прежде всего диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и студентов. В основе концепции этой технологии предполагается понимание социального взаимодействия людей в межличностной коммуникации, важнейшей особенностью которой признается способность человека принимать роль другого, представлять, как его воспринимает партнер по общению [3, с. 145].

Суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс организован таким образом, что практически все учащиеся оказываются вовлеченными в процесс познания. В организованной среде (интерактивной среде) они имеют возможность понимать и рефлексировать по поводу того, что они изучают, познают, делают, знают и думают.

Таким образом, интерактивный метод обучения решает одновременно три основные задачи: познавательную, коммуникативно-развивающую, социально-ориентационную. Это позволяет реализовать субъектный подход в организации учебной деятельности, формировать активно-познавательную и мыслительную деятельность учащихся, усилить мотивацию к изучению предмета, создать благоприятную атмосферу на занятии, исключить монологическое преподнесение учебного материала и дублирование информации, которая может быть получена из доступных источников [2, с. 98].

Научно-методические основы, на которых базируется интерактив, – это обучение через опыт и сотрудничество, учет различий в стилях познания, поисковые и исследовательские методы.

Основными формами и методами обучения, способствующими повышению качества обучения и эффективности учебно-познавательного процесса при изучении русского языка, могут быть: ролевые игры, деловые игры, семинары, конференции, диспуты, аргументированное эссе, методы «*Кейс-стади*», «*Мозговой штурм*», составление концептуальных карт, кластеров, метод «*AQCI*», метод «*Синквейн*», защита рефератов, творческие сочинения, доклады, сообщения, тестирование, программированный контроль, исследовательская

работа, а также традиционные методы информационно-описательного характера [1, с. 54].

Как показывает практика, интерактивные методы стимулируют мотивацию студентов к обучению, а также способствуют переводу пассивных знаний в умения, предоставляют широкие возможности для творчества, формируют необходимые в социальном партнерстве профессиональные и социально значимые личностные качества.

Кроме того, правила игры, являясь способом передачи и усвоения социального опыта, требуют от студентов выполнения определенных нравственно-этических нормативов партнерского общения, взаимодействия и поведения.

При этом использование интерактивных методов обучения предполагает новую роль для преподавателя. Теперь он не транслятор знаний, а активный руководитель и участник учебного процесса.

Преподавателю необходимо учить студентов думать, а не довольствоваться готовыми ответами, работать с академическими текстами и связывать их с собственной жизнью, развивать у студентов навыки аналитического мышления, управлять динамикой аудитории.

В настоящее время трудно представить процесс преподавания русского языка в вузе без использования различных инновационных технологий. Эффективность инновационных технологий на занятиях русского языка не подлежит сомнению. В числе их преимуществ можно назвать субъективную ориентацию, гибкость и вариативность.

1. Антони М.А. Интерактивные методы обучения как потенциал личностного развития студентов // Психология обучения. – 2010. – № 12. – С. 53-63.
2. Воронкова О.Б. Информационные технологии в образовании: интерактивные методы. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 315 с.
3. Пассов Е.И. Концепция коммуникативного иноязычного образования: методическое пособие для русистов. – СПб.: Златоуст, 2007. – 199 с.

УДК 811.161.1:030(477.6)

О СОЗДАНИИ СЛОВАРЯ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ДОНБАССА

Кудрейко И.А., Медведкин С.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
kudrejko@mail.ru, medvedkin53@mail.ru

Последовательное и планомерное изучение русского разговорного языка было начато в 60-е годы XX века. Именно в этот период объектом изучения стала естественная повседневная устная речь горожанина – носителя литературного языка. Следует отметить, что ранние исследования проводились на материале художественных текстов, имитирующих особенности разговорного синтаксиса, в первую очередь диалогического (см. [3]).

Город является спектро스코пом, в котором сошлись и интеллигентный горожанин – носитель литературного языка, и носитель диалекта – житель села, который долгое время живет в городе, а также городской носитель просторечия. Ещё в конце XX в. ученые отмечали важность отбора информантов в исследовании русской разговорной речи. Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев указывали, что речь разнообразных слоёв городского населения строится на основании разных лингвистических систем. Лингвистически единой может быть речь лиц, представляющих известную однородность в социально-образовательном отношении [1, с. 123].

Исследование русской городской речи жителей Донецкой области имеет важное научно-теоретическое и практическое значение, так как является источником материала по лексикологии, фонетике, морфологии, синтаксису и пр. изучаемого языка.

Главной предпосылкой успешного исследования русской городской речи является надежная методологическая обеспеченность. Под методом сбора лингвистической информации мы будем понимать совокупность приемов и средств, с помощью которых исследователь собирает, обрабатывает, анализирует данные, полученные в ходе исследования. Каждый метод имеет свои четко определенные познавательные возможности, подходы, преимущества и недостатки, не существует идеальных методов, поскольку каждый из них применяется в соответствии с поставленной исследователем задачей.

Среди многочисленных методов сбора лексики русской городской речи необходимо выделить опрос (анкетирование) – метод получения массового материала в виде ответов на вопросы специально созданной программы. Содержание анкет, формулировки вопросов, порядок их расположения, характер и обстоятельность ответов зависят от конкретных задач анализа, изучения.

Исследователь не имеет возможности проанкетировать все население исследуемой территории, в этом нет необходимости, так как «опыт конкретных социологических исследований показывает, что количество опрошенных не главное. Решающим является правильная организация методики выборки» – отмечает С. Трескова (цит. по: [2, с. 16]).

Особое внимание при проведении анкетирования будем уделять национальности, образовательному уровню, социальному статусу, возрасту, полу опрашиваемых. Следует отметить, что в анкете большая часть вопросов специализированная, разбита на тематические группы, которые касаются человека, сфер его деятельности, отдельных производственных процессов, приборов и т.п.; отдельную группу составляют многозначные слова. Также к источникам сбора информации следует отнести СМИ, социальные сети (интернет-форумы), региональную литературу.

Однако сбор материала – это лишь первый шаг в изучении особенностей разговорной речи. Следующий наиболее трудоемкий процесс связан с установлением литературного соответствия и признаков для каждой лингвистической единицы. В этом случае трудно обойтись без использования компьютерных технологий, позволяющих в автоматическом режиме проводить лингвистический исследования, использовать различные словари, выполнять

переводы, проводить поиск в социальных сетях, анализировать контексты и целые литературные произведения. Компьютерные технологии позволяют с минимальными временными затратами провести системную обработку всего массива лингвистических единиц по выбранным параметрам и создать определенную базу данных.

Главной задачей проводимых исследований является формирование словаря разговорной речи населения Донбасса, который может быть представлен как в электронном виде, так и в традиционном печатном варианте.

Особый интерес для дальнейших разработок представляет словарь в электронном виде. На его основе возможно создание автоматизированной базы данных, работа с которой может осуществляться в среде СУБД или при помощи специально разработанного программного обеспечения.

Электронный словарь разговорной речи может быть озвучен в результате использования систем синтеза речи. Это позволяет дополнить традиционный печатный словарь аудиозаписями с озвучиванием каждой лингвистической единицы и ее признаков как части речи на любом литературном языке.

Проводимые исследования позволяют классифицировать особенности разговорной речи для каждой социальной группы, проанализировать основные признаки, которые влияют на ее формирование, предложить методику и средства, позволяющие обогатить региональную речь литературным русским языком.

1. Земская Е.А. Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования / Е.А.Земская, Е.Н.Ширяев // Русистика сегодня. Язык: система и её функционирование; Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 121– 52.
2. Кудрейко І.О. Соціолінгвістичні портрети міст Донеччини: Монографія / І.О. Кудрейко. – Донецьк : Вид-во «Ноулідж» (донецьке відділення), 2013. – 174 с. – Бібліогр.: с. 140-166. – 100 пр. – ISBN 978-617-579-783-9.
3. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 378 с.

УДК 81'373.2

ТЕМНЫЕ ПЯТНА ПРАВОВОЙ ОНОМАСТИКИ

Мозговой В.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк
mowi48@mail.ru

Традиционное определение ономастики как раздела языкознания, изучающего собственные имена (СИ) по разрядам в зависимости от категорий называемых объектов (как реальных – топонимов, антропонимов, зоонимов, астронимов и т.п., так и вымышленных – поэтонимов, коннотонимов [1, с. 346-347]), не выдерживает критики при рассмотрении онимов с позиции права. Все чаще пользователи имен ставят под сомнение их языковой статус, акты именования, переименования и восстановления [3], что закономерно фокусирует внимание ономастики на проблемах, ранее для нее неактуальных.

1. Правомочно ли отнесение СИ к именам существительным?

Языковой анализ их структуры говорит о том, что они могут формализоваться в любой из частей речи: в существительных (автомобиль «Москвич»), прилагательных (аптека «Хорошая»), глаголах (журнал «Отдохни»), междометиях (магазин мобильной связи «Алло!») и т.п.

Потенциально любое слово, словосочетание или предложение могут превратиться в СИ. Кроме того, в структуру национального ономастикона входят все иноязычные имена и названия (так называемые «облигативы» [2, с. 11-17]), которые подменяют обычную лексическую парадигму слова неисчислимым множеством предметов, событий и явлений: *Лондон, Дрезден, Монблан, Адидас, Жиронда, Ренессанс, Шевроле, Столетняя война* и др.

Вот почему собственное имя не всегда слово, обозначающее предмет (см. выше: «Хорошая», «Отдохни», «Алло!», *Лондон, Монблан, Адидас, Жиронда, Ренессанс, Шевроле, Столетняя война*), но всегда предмет («автомобиль», «аптека», «журнал», «магазин», «город», «гора», «фирма», «департамент», «период», «автомобиль», «война»). И этот предмет дополняется привязкой к адресу, собственнику и к информации, сосредоточенной в «именной части», обозначенной на письме прописной буквой: *национальный университет* – станция метро «Университет»; *нефтеперерабатывающий завод* – г. *Александровский Завод* (Россия); *облисполком* – *Облисполком Киевского областного совета* (два юридических собственника); *морская губа* – г. *Великая Губа* (Россия); *железное дерево* – *Железный век* (период) и т.п.

2. Правомочно ли отношение к собственным именам как словам?

Материализация конкретного предмета в языковом сознании при помощи СИ разрушает его как словарную единицу с лексическим значением и обобщенным понятием предмета, действия, обстоятельства и т.п. (*любовь, канцелярия, ну, погоди, заяц, эх, всегда*), превращая в некий символ самого объекта, оперирующего денотативно-предметной информативностью (*Любовь* – женщина, русская; «*Канцелярия*» – магазин; «*Ну, погоди!*» – мультфильм; *Заяц* – русский род, объединенный одной фамилией»; «*Эх, прокачу!*» – «такси» в романе «Золотой теленок»).

Вот почему абстрактное лексическое поле обычных слов нельзя переносить в правовую реальность собственного имени:

а) в передачу СИ на основе перевода и межъязыковых «эквивалентов» (ср: русск. *октябрь* – укр. *жовтень*, но русск. ул. *Октябрьская* – укр. вул. *Октябрьська*, а не *Жотнева*; русск. *Елена* – укр. *Єлена*, а не *Олена*);

б) в казуистику, изменяющую логику названия (*Донецкий национальный университет* – государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования – *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»*), поскольку за кавычками «упрятывается» юридический статус, адрес и выпячивается форма собственности;

в) в явные и скрытые переименования (*Красноармейск* – *Покровск, Димитров* – *Мирноград*; русск. г. *Набережные Челны* – укр. м. *Набережні Човни*) или восстановления без участия собственника (*Красный Лиман* – *Лиман*), изменяющие судьбу творца истории и самой истории [3].

3. Важна ли для правовой ономастики классификация СИ по разрядам?

Актуальность категорий именуемых объектов (топонимов, антропонимов, оронимов, теонимов, урбанонимов, хремотонимов и т.п.) несомненна, если речь идет об истории конкретных объектов материального мира, но «не действует» при их перенесении в языковую плоскость правового поля, где *Победа* может быть праздником, автомобилем, названием предприятия, микрорайона или площади, а *СССР* – государством, наименованием такси или ресторана. В контексте права одно и то же название может «мигрировать» в любую из категорий имен и собственников, соответственно, передаваясь в разных языках по-разному: русск. *День Победы*, *площадь Победы* – укр. *День Перемоги*, *площа Перемоги*, но русск. *шахта «Победа»* – укр. *шахта «Победа»*; русск. *СССР* – укр. *СРСР* «государство», но «*СССР*» – «такси», «ресторан» и т.п.

Правовая ономастика оперирует собственностью, поэтому для нее существенней является классификация по «реальности – нереальности» собственников и уровню социально-правовой информативности.

А. Классификация онимов по «реальности – нереальности» собственников предполагает их деление на три разряда:

1). Онимы, принадлежащие реальным собственникам с внутренним осмыслением информации, не допускающей перевода и варьирования в зависимости от речевой «традиции» (СИ в полном смысле этого слова): *Николай* русский; *Ник* – американец; *Микола* – украинец; *Николя* – француз; *Никос* – грек; *Докучаевск* – город в Донбассе, названный в честь Докучаева; *Константиновка* – город в Донбассе от имени Константин; *Днепр* – река, протекающая в России; *Днипро* – река, протекающая в Украине.

2). Вымышленные (авторские) СИ, не имеющие реального денотата и «внутренне осознанного» собственника имени (*Кощей Бессмертный* – *Кащик Невмирущий*; *Мальчиш Плохий* – *Хлопчик Поганчик*; *Славутич*; *Евгений Онегин* – «пушкинский *Евгений*» – *Євгеній Онегін*; *Печорин* – *Герой нашего времени*, *Собакевич* – «средней величины медведь»; *Андрій* в «Тарасе Бульбе»). Они могут иметь только авторские нормы передачи в пределах конкретной национально-культурной реальности или в интерпретации других авторов (переводчиков) из другой национально-культурной реальности.

3). Внешние авторские интерпретации реальных СИ (*Николай* – *Ник*, *Микола*, *Николя*, *Никос*, *Коля*, *Колян*; *Докучаевск* – *Докуч*, *Докучай*; *Константиновка* – *Констаха*, *Конста*), не имеющие строгих норм употребления и перевода по причине потенциально бесчисленного множества «внешних пользователей» и субъективного отношения к собственнику.

Б. Правовая классификация официальных онимов по уровню их социально-правовой и национально-культурной информативности: уровень минимальной (адресной) информативности, который исключает перевод и эквивалентную замену одних национальных форм СИ другими (ул. *Октябрьская* – укр. *вул. Октябрська*; *Василий* – *Василій*); уровень межкультурной (избирательной) информативности, допускающий частичный перевод или эквивалентную замену компонентов в зависимости от количества пользователей (русск. *г. Углегорск* – укр. *м. Вуглегорськ*, связан с добычей угля; русск. *ул.*

Горная – укр. вул. *Гірнична*, связана с горной промышленностью, но вул. *Гірська*, связана с горами); уровень международной (полной) информативности, предполагающий передачу правовой информации при помощи перевода на любой язык (русс. *Красное море* – укр. *Червоне море*; магазин *«Обувь»* – магазин *«Взуття»*).

Итак, если для традиционной ономастической традиции любая номинация квалифицируется как СИ, то для правовой ономастики именем собственным может считаться только реальный («внутренний») собственник. Речевые интерпретации имен или вымышленные имена, связанные с авторскими оценками (коннотациями [4]) внешних собственников не могут апеллировать к регламентным нормам их употребления.

1. Лингвистический энциклопедий словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990 – 685 с.: ил.
2. Мозговой В.И. Освоение иноязычной топонимии в русском языке XVII века (на материале «Вестей-Курантов»): дисс. на соискание уч. степени канд. фил. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / В.И.Мозговой. – Донецк, 1981. – 260 с.
3. Мозговой В.И. О переименованиях и восстановлениях собственных имен / Функциональная лингвистика: VII Межд. научн. Конгресс «Язык и мир» (Ялта, 5-8 октября): Сб.научн. работ докладов / Отв.ред. А.Н.Рудяков, Ю.В.Дорофеев; Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. 400 с. – С. 242-244.
4. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С.Отин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 410 с.

УДК 81-112: 81'35

РУССКАЯ И УКРАИНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ: СТРАНИЦЫ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Борисова Л.П., Янышевская В.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

donnuborisova@yandex.ru

1. Старославянский язык впервые в истории славянских народов закрепил славянскую речь на письме и стал функционировать как авторитетный общеславянский литературный язык, – единый по своему содержанию, цельный по исходным установкам авторов, имеющий конкретного адресата в лице славян. Первая письменная фиксация славянской (точнее – южнославянской) речи, не ограниченная с конца IX века ни временем, ни пространством, постепенно развиваясь, стала единственным средством вербального общения будущих русских, украинцев и белорусов. История письменности восточных славян прочно связана с историей азбуки, созданной Кириллом и Мефодием, и теми процессами, которые определили направление её модификации и совершенствования.

2. Идеальная в своей буквенной основе, ориентированная в значительной степени и на греческий язык, кириллица с самого начала не вполне соответствовала системе фонем древнерусского языка, что было связано с объективными причинами: в восточнославянских диалектах, например, к началу X века уже отсутствовали носовые звуки, прочно закрепленные за кириллическими буквами А, ІА, Ж, ІЖ; в древнерусском языке отсутствовал [ф], который в заимствованных словах передавался либо через Θ, либо через Ф; в результате вторичного смягчения согласных была определена судьба буквы ІѢ; со временем стал ненужным Ъ и многое другое, что в значительной степени повлияло на характер дальнейших изменений в составе русской и украинской азбук, опиравшихся в своей истории на кириллическое письмо (в выступлении приводятся примеры, конкретизирующие все несоответствия кириллических букв звуковому строю древнерусского языка раннего периода его развития).

3. Изначально кириллица включала 43 буквы. Сегодня в русском и украинском алфавитах их количество сокращено до 33. За весь период существования азбуки в русском алфавите в процессе его перестройки появились только три новые буквы (Й, Э, Ё); в украинской абетке новой можно считать букву І; со звуками украинской речи были соотнесены также кириллические буквы І и І̇, которых нет в русском алфавите. В письме украинцев с разными фонемами соотносятся буквы Е и Є, а твердый знак Ъ вовсе исключен из употребления (в выступлении содержится материал об истории новых букв, о сложности вхождения некоторых из них в состав обновлённых алфавитов, о современных дискуссиях по вопросу их истории и дальнейшей судьбе и т.д.).

4. Попытки серьёзной реформации азбуки ученые связывают с Петровской эпохой. Однако *абцеда́л* (синонимы названия для того времени – *алфавит, алфавет, алфавитар, алфавитарь, абцадло, абцеда́риум, абевега, абетка* и др.), утвержденный Петром I в 1708 году, всё же не отражал новой системы письма, а являлся лишь модификацией кириллицы, приспособленной под требования нового времени. Введение *гражданки* (или *гражданицы*) – нового графического стандарта дало свои положительные результаты: разрыв между письмом в конфессиональной сфере и сфере светской культуры становится все более ощутимым [1], что способствует разрушению церковнославянско-русской диглоссии и формированию устойчивого двуязычия. В результате этого отдаление церковнославянского языка (как «чужого») от русского усиливается, вследствие чего создаются условия для последующего формирования восточнославянских литературных языков на национальной языковой основе.

5. Петр I стремился стандартизировать русское письмо, приближая его к европейской письменности, ориентированной на латинскую антикву. Преобразования русской графики этого времени считают *первой реформой русского письма* в самом точном (узком) значении этого слова (реформа ‘преобразование, изменение, переустройство чего-н.’). Реформа русской графики Петровского времени сыграла определяющую роль в развитии письменности братских народов: гражданский шрифт стал основой письма и для украинцев: их алфавит тоже не избежал модификации под влиянием реформированного русского алфавита (далее в выступлении приводится конкретный иллюстративный материал).

6. Языковеды Украины в целом позитивно оценивали роль *гражданки* в развитии украинской графики и орфографии, однако не все считали, что эти преобразования принесли существенную пользу украинскому письму. Например, Иван Огиенко (Митрополит Иларион) [4] утверждал, что замена кириллицы гражданкою стала ударом по развитию украинского правописания, поскольку в ходе реформы был утрачен тот набор символов, который помогал на письме передавать особенности украинского языка [2, с. 49].

7. Попытку нормализации новых правил тырновской школы в области орфографии предпринял украинский церковный деятель Лаврентий Зизаний, («Грамматіка словенска съвершенного искусства осьми частей слова и иныхъ нуждныхъ», 1596 г.). Интерес к староукраинской орфографии в начале XVII века проявил также известный писатель и языковед Мелетий Смотрицкий («Грамматіки славенския правильное Сунтагма», 1619 г.) (в выступлении дается краткий анализ названных источников).

8. Формирование современного украинского правописания связано с «Грамматикой Малороссійскаго нарѣчія» Олексия Павловского, увидевшей свет в 1818 году. Начало истории русского правописания связывают с появлением в 1873 году книги Я.К. Грота «Спорные вопросы правописания от Петра Великого донныне».

9. В начале XX века реформированием и упорядочением правописания начала заниматься самая высокая научная инстанция – Орфографическая комиссия АН (её состав — И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.Ф. Брандт, А.И. Соболевский, Ф.Е. Корш и др.; позднее её членами стали А.А. Шахматов и

Ф.Ф. Фортунатов). Проект новой реформы правописания был готов к маю 1904 года, однако официально новые правила не были приняты (в выступлении дается более подробное объяснение причин).

Вопросами упорядочения украинского правописания в это время занимались члены Научного товарищества имени Т.Г.Шевченко, которое до 1917 года фактически выполняло функции Украинской академии наук [3, с. 11]. В состав специальной «Языковой комиссии» входили О. Колесса, М. Павлик, В. Гнатюк, С. Смаль-Стоцкий, И. Франко, М. Грушевский, В. Дорошенко, А. Крымский, Е. Тимченко и др. Опираясь на опыт предшественников, эта комиссия составила «Руску правопись зі словарцем», в которой были узаконены правила употребления украинских букв и закреплены некоторые нормы украинского правописания. Весомый вклад в упорядочение этих норм внес Борис Гринченко. Дальнейшие кардинальные изменения в этом направлении связаны с именами М. Драгоманова, Е. Желиховского, С. Смаль-Стоцкого и др., способствовавших подготовке нормативных документов, которые были официально утверждены в первые годы советской власти. «Главные правила украинского правописания», составленные Орфографической комиссией при Министерстве образования в Киеве, были опубликованы 24 мая 1918 года. Орфографическую комиссию при Академии наук Украины в то время возглавлял известный украинский филолог А. Крымский (в выступлении кратко освещаются главные направления нормализации русского и украинского правописания в начале XX века, и осмысливаются причины, из-за которых все попытки в этом направлении не имели положительного результата).

10. В течение XX века развитие систем правописания в России и Украине на государственном уровне складывалось успешно, в орфографической науке появились новые имена, и она продолжала развиваться. В Москве, Ленинграде, Киеве продолжали работу национальные Орфографические комиссии, которые занимались проблемами «оптимизации» письма, его усовершенствованием и упрощением. В состав этих комиссий неизменно входили самые авторитетные ученые-лингвисты. Однако ни одна из попыток довести до конца процесс нормализации русского и украинского правописания положительных результатов не имела (в выступлении приводятся размышления о причинах таких неудач).

1. Бурькин А.А. Три века современной русской азбуки / А.А.Бурькин, Г.А.Кутлинская // Русский язык в школе. – 2008. — № 10. – С. 77-82.
2. Ключковський Богдан. Іван Огієнко і проблеми сучасного українського правопису / Б.Ключковський // Український правопис і наукова термінологія: проблеми норми і сучасність. – Львів, 1997. – С.47-53.
3. Німчук В. Переднє слово / В. Німчук // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. – К.: Наукова думка, 2004. – 582 с.
4. Огієнко Іван. Нариси з історії української мови: система українського правопису. Популярно-науковий курс з історичним освітленням / І. Огієнко. – Вінніпег: Волинь, 1990. – 216 с.
5. Франко І. Азбучна війна в Галичині 1859 р. / І. Франко // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. – К.: Наук. думка, 2004. – С. 208–228.

СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТЗЫВОВ С САЙТОВ [HTTP://OTZOVIK.COM](http://otzovik.com) И [HTTP://IRECOMMEND.RU/](http://irecommend.ru/))

Емельяненко А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
yemelyanenko84@gmail.com

Актуальность исследования разнообразных средств реализации суггестии не вызывает сомнений. Б. Ф. Поршнев констатирует: суггестия состоит в том, что суггестор предлагает суггестенту вести себя и действовать не так, как он вел бы себя в соответствии со своими собственными потребностями, а неким иным, но вполне определенным образом [6, с. 22]. Хотя оценка суггестии как морально-этического феномена неоднозначна, в некоторых случаях такой тип взаимодействия между коммуникантами приносит немалую пользу обществу. Доказательством тому служит ряд публикаций, в которых суггестия рассматривается как способ оказания психологической помощи. М.Г. Ивашкина описывает опыт психореабилитационного сопровождения личности в условиях онкологического заболевания [3, с. 49–54]. А.И. Кучинов, исследуя комплексную реабилитацию наркозависимых пациентов описывает аудио-визуальное семантическое воздействие: применение этого метода имеет выраженную терапевтическую эффективность (ремиссии более 1 года у 31 % пациентов) [4, с. 51–54]. С.Ю. Полуйкова подчеркивает практическую значимость изучения суггестивных характеристик дискурса для создания эффективных воздействующих текстов в сфере просвещения населения [5, с. 93]. Безусловно, суггестия может быть использована во вред одной из сторон коммуникации: сами по себе такие понятия как *манипуляция* и *зомбирование* чаще воспринимаются обществом как негативные явления. Именно поэтому важно всестороннее изучение механизмов суггестии: этот мощный тип влияния должен быть использован в перспективе лишь во благо человека. В плоскости суггестивной лингвистики возникает вопрос: какие именно тексты являются оптимальными для реализации различных суггестивных целей? Ещё Р. Барт, сравнивая текст с полотном, отмечал, что «текст создается, вырабатывается путем нескончаемого плетения множества нитей» [1, с. 515]. Эту многогранность, нелинейность особенно ярко демонстрируют креолизованные тексты, т.е. тексты, содержащие в себе неоднородные знаки. Использование в рамках одного текста вербальных и невербальных элементов значительно расширяет возможности автора. В отличие от гомогенных текстов, креолизованный текст может оказывать влияние на уровне нескольких каналов восприятия. Невербальные компоненты могут не только дополнять вербальные, но и замещать их (например, использование эмотиконов как эвфемизмов). Невербальным компонентам иногда свойственны уникальные функции, недоступные вербальным средствам (например, идентификационная функция) [2, с. 230].

Названные преимущества креолизированных текстов как потенциальных реализаторов суггестии осознаются специалистами, вовлеченными в процесс формирования общественного мнения (PR-менеджерами, журналистами, копирайтерами, редакторами разнообразных СМИ и проч.). Ценным материалом для лингвистического анализа представляются в нашем ракурсе исследования сайты, специализирующиеся на размещении отзывов потребителей: лица, курирующие работу сайта, чётко заявляют о требованиях к текстам отзывов, что дает возможность проанализировать некоторые тенденции генерирования суггестивных креолизированных текстов. Для сбора фактического материала мы обратились к двум самым популярным в рунете сайтам отзывов: <http://otzovik.com> и <http://irecommend.ru/>. Доход владельцев сайтов связан с размещением баннерной рекламы. Администрация активно привлекает авторов: пользователю предоставляется возможность за денежные бонусы писать отзывы. Также авторы получают определенную сумму денег за просмотры своих текстов другими пользователями. Требования администрации к элементам креолизации текстов сводятся к следующим правилам: 1) запрещено размещать фотоматериалы, не имеющие информационной ценности, некачественные фотографии; 2) используемые в отзыве фотографии нельзя выкладывать на других сайтах; 3) запрещено использование фотоматериалов непристойного содержания. Предлагается также ряд советов для тех, кто стремится к размещению своих материалов на главной странице: не рекомендовано скрывать лица на фотографиях; в описаниях туристических достопримечательностей не рекомендовано размещать фото с людьми, позирующими на переднем плане. Из сказанного можно сделать несколько выводов о суггестивной тактике администрации: читатели текстов о туристических поездках должны ассоциировать себя с тем, кто побывал в описываемом месте, а для этого необходимо устранить всё то, что ассоциирует отзыв с его автором. И наоборот: образ автора важен, если нужно привлечь внимание к вещи – косметике, украшению, аксессуару и под.: важно внушить читателям, что автор – реальный человек и отзыв не фальсифицирован. Запрет на контент непристойного содержания в целом мотивирован подчинением общим морально-этическим нормам. Но важен и фактор психологического фона: запрет на материалы такого характера способствует созданию комфортной коммуникативной среды. Конечно, тексты отзывов зачастую осознано направлены на поднятие позиций сайта в результатах выдачи поисковых систем по определенным запросам – это объясняется финансовым взаимодействием между авторами отзывов и администрацией сайта. Однако суггестивные интенции у авторов текстов также присутствуют. Во-первых, описывая те или иные товары / услуги, автор, как правило, пытается создать себе определенный имидж. Например, оценивая товары класса люкс, некоторые авторы таким образом пытаются обозначить свой статус: на первый план выходит уже не заработок в интернете, а создание определенного образа (человека, имеющего средства для покупки дорогих вещей, путешественника либо специалиста, разбирающегося в определенных вопросах). Здесь креолизация текста играет не последнюю роль. Вербальные средства (например, лексемы на обозначение знаковых брендов) сопровождаются невербальными (соответствующей символикой, подбором

определенного фона для фотографий и т.д.). Во-вторых, автор часто стремится убедить читателя в целесообразности / нецелесообразности использования анализируемого объекта: вербальный компонент (повествование о некачественном продукте – например, косметике, вредной для кожи) сопровождается иллюстративным компонентом (фотографиями покрасневшей, раздраженной кожи). Характерной особенностью подобных отзывов также является употребление глаголов в форме прошедшего времени изъявительного наклонения (*использовала, протестировал, пробовали* и т.д.) и неоднократных повторов. Последнее, вероятно, объясняется не только суггестивным потенциалом повторов, но и желанием создать текст, который будет занимать первые позиции на страницах выдачи поисковых систем.

Итак, вербальные и невербальные средства суггестии тесно взаимодействуют в пределах единого текстового целого: при такой интеграции их суггестивный потенциал значительно возрастает в интерактивной коммуникативной среде. Перспективы исследования мы видим в дальнейшем анализе средств суггестии, их классификации, подробном изучении функциональной специфики.

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Ємельяненко Г.В. Універсальні та специфічні функції невербальних компонентів креолізованого тексту / Г.В.Ємельяненко // Мир языковых форм: сборник научных статей. – Серия «Концептуальный и лингвальный миры». – СПб: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – С. 229–233.
3. Ивашкина М.Г. Опыт психокоррекционного и психореабилитационного сопровождения личности в условиях онкологического заболевания / М.Г. Ивашкина // Лечебное дело. – 2010. – № 3. – С. 49–54.
4. Кучинов А. И. Комплексная реабилитация пациентов с наркозависимостями с использованием неосознаваемого аудио-визуального семантического воздействия / А.И. Кучинов // Вестник новых медицинских технологий. – 2011. – № 1. – С. 51–54.
5. Полуйкова С.Ю. Суггестивные характеристики современного просветительского дискурса / С.Ю. Полуйкова // Вестник Омского университета. – 2013. – № 1. – С. 89–93.
6. Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история / Б.Ф. Поршнев // История и психология. – М.: Наука, 1971. – С. 7–35.
7. Юдаева О.В. Роль повтора в реализации суггестивной функции (на материале рекламных текстов) / О.В. Юдаева // Язык и культура. – 2013. – Вып. 7. – С. 169–172.

УДК 81'42:82.0

КОНЦЕПТКРОВЬ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Касьяненко Н.Е.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
dog-set@donapex.net

В последнее время внимание лингвистов неизменно привлекает концептуальное пространство национального языка вообще и концептосфера конкретных мастеров художественной речи в частности. Сказанное касается и

поэтического творчества М.И. Цветаевой. Достаточно назвать опубликованные в последние годы работы и диссертационные исследования, посвященные подобной тематике (см., например, [1, 2, 4, 5]).

Задача исследователя в процессе концептуального анализа поэтической речи – обнаружить прежде всего те признаки конкретного концепта, которые не нашли отражение в словарных дефинициях, однако входят в психолингвистическое значение слова, зафиксированное в сознании носителей языка, и в том числе самих авторов художественных произведений. Эти признаки эксплицируются в первую очередь через контекст, позволяющий «уловить» не зафиксированные обыденным сознанием смыслы.

Предметом анализа в данной работе является концепт *кровь*, не только являющийся частотным в поэзии М. Цветаевой (более 200 употреблений), но и составляющий существенный фрагмент ее авторской картины мира, возможно потому, что, по словам И. Кудровой, поэтесса проявляла «обостренную чувствительность к болевым точкам современности, к сокровенным процессам, которые рождались и созревали в воздухе времени» [3, с. 313].

Основными репрезентантами концепта *кровь* являются, прежде всего, лексемы-существительные *кровь*, в том числе стилистически окрашенные *кровушка*, *кровца*, *кровинушка*, *кровинка*, *кровосос*; прилагательные *кровный*, *кровавый*; а также многочисленные фразеологические единицы, которыми так богата поэзия М. Цветаевой: *кровь с молоком*, *проливать кровь*, *потом и кровью* и пр.

В поэтической картине мира М. Цветаевой *кровь* соотносится с понятием родства и акцентирует генетические связи между людьми. Не случайно в стихотворении «Магдалина» лексема *кровь* используется у поэтессы с определением *родная*, будучи противопоставленной номинации *чужая кровь*: «**Родная кровь** отшатывает, / ты мне – **чужая кровь**» [8, с.470]. Примечательно, что мироощущение М. Цветаевой демонстрирует своеобразную амбивалентность понятия *чужая кровь*, которое, помимо основного, приобретает у автора и значение ‘близкий человек’: «Немою тканью под ноги / Стелюсь... Не тот ли (та!) / Твари с кудрями огненными/ Молвивший: встань, сестра!» [8, с. 470].

Значение родства просматривается и в определениях *кровный* (голос), *кровная* (связь). Оригинальным выразительным элементом выступает у поэтессы намеренная тавтология: «Тянут к тебе матери / **кровную кровь** свою» [8, с.103]. *Кровная* здесь синонимично понятию *родная* (кровь) – в лексему *кровь* вкладывается значение ‘дитя’. Метонимическое осмысление лексемы *кровь* можно наблюдать и в стихотворении «Камерата»: «Его любя сильнее, чем брата. / – Любя в нем род, и трон и **кровь**<...>», где *кровь* соотносится с понятием ‘порода’ [8, с. 27].

Существенной составляющей рассматриваемого концепта является элемент ‘цвет’. Цветовое осмысление концепта *кровь* находит отражение в сравнениях поэтессы: «Рот как **кровь**, а глаза зелены»; «Помогите – на ногах нетверда! / Затуманила меня **кровь-руда**» [8, с. 347].

Известно, что символическим субститутотом понятия *кровь* в народном сознании на основе цветового отождествления выступает вино: «<...> и **нутала**

кровь с вином, / и путала смерть с любовью» [8, с. 472]. «Винный» цвет крови становится основой для акцентирования оппозиции *смерть – любовь*.

Цвет крови у М. Цветаевой – это пурпурная окраска чернил, цвет гари и ночного светила, утренней зари и праздничной рубахи, ржавчины и смолы. Опосредованно, через отношение к реальности *рана*, имеющей цвет крови, поэтесса характеризует кобылицу как метафорическое воплощение боли: «*Это – красною раную вскачь / запаленная кобылица*» [8, с. 454]. Кровь приобретает в поэтическом мире М. Цветаевой и идеологический оттенок, подчеркивая оппозицию *белый – красный* как «примету» Гражданской войны и становясь компонентом культурных знаков: «*Белый был – красным стал: / Кровь обагрила. / Красным был – белым стал: / Смерть побелила*» [8, с. 347].

Кровь в сознании носителей языка предвещает нарушение целостности живого организма, и «сигналом» этого является запах. Не случайно в языке сочетание *запах крови*, употребляясь с глаголами *чують, почуять*, приобрело уже определенную устойчивость. Семантический примитив ‘запах’ отличает употребление лексемы *кровь* в следующих контекстах: «*Аймек-гуарузум – так в первый раз / Предстала тебе любовь. / Так первая книга твоя звалась, / Так тигр почуял кровь*» [8, с. 128]; «*День без числа. / Верб зачала. / Жизнь без чехла: / Кровью запахло*» [8, с. 459].

Репрезентанты концепта *кровь* у М. Цветаевой обнаруживают различные элементы смысла, включаясь в поэтические оппозиции, порой совершенно неожиданные: ‘война’ – *кровь* – *хлеб* «*В час страды и войны / Все равны. И в крови и в хлебе*–»; ‘жертва’ – *кровь* – *елей* «*Нет, усердно богам служим. / День и ночь кровью елей / Льются...*»; ‘багряный цвет’ – *лед* – *кровь* «*В грозном – безумном! – небе / Лед и кровь*»; ‘плоть’ – «*В час, когда во мне рокочит / Кровь и дух*».

Концепт *кровь* содержит элемент значения ‘то, что обладает памятью’: «*В пу-чину хоть жемчугом / Кань, – горстью словлю! / Сти, юная женищина! / Кровь помнит–!*» [8, с. 502].

Все отмеченное – лишь небольшая часть полного содержательного объема рассматриваемого концепта. Однако даже этот беглый анализ употреблений дает основание утверждать следующее:

- 1) концептуализация понятия *кровь* в творчестве М. Цветаевой осуществляется ёмко, отражая многоплановость мышления поэтессы, трагичность ее мироощущения и чувственную восприимчивость окружающей действительности;
- 2) *кровь* в интерпретации поэтессы приобретает антропоморфные признаки, сочетаясь с глаголами *дремать, помнить, болеть, завернуть (за угол), роптать, стонать, томиться* и пр.
- 3) при реализации указанного концепта автор обнаруживает склонность к использованию поэтических оппозиций, намеренной тавтологии, языковой игры, паронимической аттракции, свидетельствующих о парадоксальности видения окружающей действительности;
- 4) репрезентантами концепта часто выступают фразеологические обороты (*плоть и кровь, голубая кровь, пролить кровь* и т. п.), введенные в неожиданный контекст. Одним из излюбленных приемов поэтессы является прием намеренного разрушения или обновления фразеологического оборота;

5) рассмотренный концепт воплощает не только типичные ассоциативные связи понятия (*боль, рана, река*), но и дает почву для оригинальной синтагматики (*колея, вал, заводь, иллюзы*), что, безусловно, значительно обогащает его содержание.

1. Белякова И. Ю. Концепт «пути» в поэзии Марины Цветаевой / И.Ю. Белякова // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 144–149.
2. Дзюба Е.В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М.И. Цветаевой / Е.В. Дзюба // Политическая лингвистика. – Вып. № 15. – 2008. – С. 181–189.
3. Кудрова И.В. «Загадка злодеяния и чистого сердца» / И.В. Кудрова // Гибель Марины Цветаевой. – М., 1997. – С.299–318.
4. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой [Электронный ресурс] учеб.пособие / В.А. Маслова. 2-е изд.стер. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 256 с.
5. Maја Polechina Репрезентация концепта в поэтическом творчестве М. Цветаевой / М. Полехина // Polilog. Studianeofilologiczne. – Nr. 2. – 2012. – С. 107–114.
6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. – Т.2-й. – М.: «Международные отношения», 1999. – 697 с.
7. Тимченко Е.Б. Антропоморфные признаки концепта кровь в русской языковой картине мира / Е.Б.Тимченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 2 (256). Филология. Искусствоведение. Вып.62. – С.118–121.
8. Цветаева М.И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе / М.И. Цветаева. – М.: «Изд-во АЛЬФА-КНИГА», 2008. – 1214 с.

УДК 81'373

БОТАНИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ОНИМООБРАЗОВАНИИ

Першина К.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
pershinakv@mail.ru

Онимотворческий процесс осуществляется в режиме вторичной номинации, предполагающей использование определенной производящей лексической базы. Эта лексическая база выступает важным звеном, через которое в имена собственные вводится, далеко не всегда осознаваемо, та или иная однотипная этнокультурная информация. Поэтому не утрачивает своей актуальности изучение онимотворческого потенциала различных групп нарицательной лексики. Этнокультурный аспект изучения онимов, который разрабатывается в рамках антропоцентрической парадигмы, включает в себя, по нашему мнению, не только выявление обязательных компонентов ментального каркаса того или иного проприально именуемого участка реальности, но и установление лексических средств, вербально его репрезентирующих. Изучение производящей базы показывает степень сопряженности референтных областей в языковой картине мира, иерархичность этих связей.

Включенность нарицательной лексики природы (т.е. лексем, связанных с обозначением тех или иных природных феноменов) в онимотворческий процесс является важной номинационной универсалией, обусловленной тем, что всякая культура предполагает определенный тип отношения человеческого сообщества с природой. Изучение конкретных способов и степени использования указанных лексем на разных участках онимного пространства позволяет выявить новые

детали в общей картине взаимодействия мира людей и мира природы в рамках восточнославянского культурного пространства.

Наименования, связанные с концептуальной областью «растительный мир», занимают важное место в лексическом составе языка, репрезентируя разнообразные составляющие языковой картины мира. Одним из аспектов их изучения может быть этнокультурная интерпретация способов применения таких апеллятивов в онимопроизводстве. Далее представлен опыт анализа фитонимов в означенном направлении, осуществляемого на материале названий, входящих в русское онимное пространство.

Наблюдения показывают, что основная сфера применения ботанической лексики - топонимия, а в ее рамках в первую очередь гидронимия, ойконимия, микротопонимия и урбанонимия. В этих отделах топонимного пространства номинаторы опираются на прямые значения соответствующих нарицательных слов, основную массу которых составляют видовые названия древесных пород и кустарников. Данная особенность может трактоваться, на наш взгляд, как связанная с пониманием растения как ценности этого мира самой по себе вне символических наслоений и переосмыслений, с одной стороны, и с представлением о месте деревьев в иерархии растительного царства и их функциональных нагрузках в повседневной жизни и художественном сознании, с другой.

В гидронимах отражаются названия реально произрастающих по берегам водоемов деревьев и кустарников, т.е. номинативное внимание нацелено на наблюдаемую локально ограниченную ландшафтную реальность. Ср.: *Кленовый, Черемухов Верх, Орехов, Липовой, Березовой Верх, Березов, Черемушка, Дубок, Дубовик, Ольховатец, Ольховатка, Вязовая* (бассейн Верхнего Дона); *Берестовая, Вербовка, Калинова, Очеретная, Терновая, Камышевах, Бузинова, Дубовая, Дубовка* (бассейн р.Кальмиуса); *Осиковатая, Ольховатка, Ольховая, Липовая, Дубовая, Таловая, Ясиновая* (бассейн р. Крынки). Отфитонимные гидронимы подтверждают общее положение о том, что распространение тех или иных гидронимических основ диктуется физико-географическими условиями определенных территорий.

Аналогичен отбор фитонимов и в микротопонимии; здесь они чаще всего входят в состав наименований, выступающих проприальными обозначениями локальных участков территорий (микрохоронимами), например, *Тополя, Дубки, Три дуба, У Трех Берез* и др.

В гидронимах и микротопонимах в момент их возникновения местный ландшафт отражается непосредственно, он как бы вербально фотографируется. В ойконимах, созданных на базе таких единиц путем метонимического переноса, подобная фотография дублируется (со временем реальный ландшафт может изменяться, на это всегда нужно делать поправку, соотнося название селения с окружающим ландшафтом). Местный ландшафт может отражаться и в ойконимах, возникших путем непосредственного использования соответствующих апеллятивных лексем. Это подтверждается данными донецкой (донбасской) ойконимии. В середине XX в. в этом регионе осуществлялся процесс замены описательных наименований селений полноценными ойконимными формами. При их создании неоднократно обращались к ботанической номенклатуре, отбирая лексемы, соответствующие растительному пейзажу донецкого края: пос. *Березовое* - б. пос. 4-го отделения совхоза

"Еленовский"; пгт. *Вишинее* – б. пос.ж.д.ст.Селидовка; пос. *Грабское* – б. пос. совхоза «Диктатура пролетариата»; пос. *Дубовое* – б. пос. шахты №40; пос. *Зеленый Гай* – б. пос. совхоза им. ХУ111 партсъезда; пос. *Камышевка* – б.пос. Гродовского кирпичного завода. Эта же лексика использовалась и при переименованиях: с. *Берестовое* – б.с. Новохопрово; пос. *Виноградное* – б. пос. Щербина; с. *Дубовка* – б. х. Капинус. В эту же группу можно включить и названия *Зарощенское, Поддубное, Залесное, Березовая Роща*. В случаях, когда производящим выступает антропоним с фитоосновой (типа *Береза, Березка, Дубовой, Яснев* и под.), ориентация на местную природную реальность отсутствует.

Традиционно широко используется ботаническая лексика в урбанонимии. Возможно, наиболее показательными в этом плане являются названия улиц. Ср. некоторые топонимы такого рода: *Березовая, Брусничная, Дубовая, Зеленый Гай, Кленовая, Лиственная, Цветочная, Черемуховая* (г.Донецк); *Березовая, Вишиневая, Сосновая, Ольховка, Рябиновая, Ореховая* (г.Владимир); *Вишиневая, Вязовенька, Ракитная, Рябиновая, Большие Вязы, Первая Кашитановая, Облетиховая, Сосновая, Хвойная* (г.Смоленск); *Вишиневая, Кашитановая, Кленовая, Ракитовая, Рябиновая, Сиреневая, Сливовая, Яблоневая* (г.Курск).

В оронимии рассматриваемая лексика также используется, ср. названия гор *Березовая, Кедровка*, но менее активно, чем в описанных выше отделах топонимии. В этом отделе топонимии отношение объекта номинации к растительности часто обозначается через выбор географического термина, содержащего сему 'растение', или путем использования прилагательных *лысый, голый, зеленый*.

Фитонимы могут использоваться при номинации и других природных объектов, например, дорог: *Боровая, Оржаная, Житочная, Ивная, Лиственничная, Рябиновая*, островов: *Березовец, Березовый, Осиновец, Ольховец*.

В топонимии не ориентируются на использование фитонимов в переносных или символических значениях. Правда, следует отметить, что в урбанонимах и в меньшей степени в ойконимах образно-символический компонент производящих фитонимов может присутствовать, но он не является ведущим. Соответствующая названию ботаническая реальность либо действительно наблюдается и управляет номинативным процессом, либо является сегментом языковой картины мира, привычно тиражируемым в названиях. В топонимном пространстве деревья и кустарники представляют сами себя как равноправные участники «номинационного диалога» номинаторов и растительного мира; здесь в первую очередь получает отражение восприятие объекта растительного царства как отдельного самостоятельного природного объекта, не несущего каких-либо специально эксплицируемых дополнительных культурно маркированных смыслов. Данная особенность использования фитонимов проявляется и в артионимах, номинирующих пейзажи.

В других секторах онимного пространства выбор ботанической лексики диктуется не отражаемым ландшафтом, а культурными коннотациями. Онимообразовательная продуктивность фитонимов за пределами топонимии сравнительно невысока.

КАТЕГОРИИ РЕЦИПРОКАЛЬНОСТИ И СОЦИАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Юшкова С.А.

Автомобильно-дорожный институт ГОУ ВПО «Донецкий национальный
технический университет»
teacher13@rambler.ru

Под социативностью (совместностью) в лингвистике понимается значение, присущее синтаксическим конструкциям, субъекты которых выполняют однотипные действия или являются субъектами одинакового процесса, состояния, носителями одинакового признака [4: 81]. Вместе с тем, реципрок рассматривается как подтип категории совместности.

В лингвистической литературе, посвященной взаимным глаголам, отмечается, что взаимное значение сначала возникло в обратных глаголах именно в формах множественного числа. Понятие взаимности прежде всего содержит в себе признак перехода действия с одного субъекта на другой (или другие субъекты), то есть признак взаимодействия двух или нескольких человек (участников ситуации). В таких случаях рефлексивный показатель *-ся* обозначает *друг друга*. Например:

(1) укр. *А Юхим з Цигулею зглянулися і знов посхилялися* = *Юхим з Цигулею глянули один на одного і знов посхилялися*.

В.К. Радзиховская определяет взаимное действие как “действие, которое определенным образом регламентировано в пространстве и во времени, скорректировано со своей значимой целью и образом осуществления” [8: 63].

Взаимное действие характеризуется как реципрокальное, хотя указанное взаимонаправленное действие выступает не как арифметическая сумма действий, а как качественно новое действие, которое имеет свою результативную [9: 17].

Реципрокальное значение сближается со значением совместности, которое также предполагает множественность участников действия. Например: (2) рус. *Ребята и девушки встречаются после трудовой недели, поют, танцуют*.

Из примера (2) видно, что встречу следует трактовать не как действие *Ребята встречаются девушек, в то время, как девушки встречаются ребят*, а как общий процесс: *Ребята и девушки одновременно сближаются, двигаясь навстречу друг другу*.

Некоторые лингвисты считают совместность более широким понятием в сравнении с реципрокальностью. Так, А. Зализняк и А. Шмелев отмечают, что совместность возможна только тогда, когда субъект одного действия является одновременно объектом такого же действия, и наоборот [2: 235].

В.В. Виноградов считает взаимность и совместность близкими категориями и не находит оснований для выделения от взаимного значения конструкций с косвенным объектом, который означает участника действия и присоединяется с помощью предлога *с* [1: 478-498].

И.П. Мучник рассматривает реципрокальность как степень дальнейшего развития совместности, выделяет в ней значение простой совместности и взаимное значение и указывает на отличие между ними [6: 57-59].

В.П. Недялков понимает социатив как более широкое значение, чем реципрокальность и трактует его как реципрок, который обозначает симметричное отношение между актантам действия с одной и той же семантической ролью [7: 277].

Симметричное отношение, которое выражается конструкциями или формами социатива, может быть описано через значение «совместно», «взаимосвязано», «упорядочено в пространстве и времени»: (3) рус. *Петр и его брат работают* → *Петр и его брат работают вместе*.

Взаимное и социативное значение объединяет неединичность (множественность) участников при совпадении их семантических ролей, которые заложены в семантике глаголов общего действия [7: 277].

Отличием между этими смежными категориями является то, что со взаимностью связано представление о наличии между участниками ситуации отношений противодействия, взаимной направленности активного действия, влияние участников ситуации друг на друга, в то время как социативное действие ограничивается параллельным участием участников в сообщаемом действии, то есть участники социативной ситуации дополняют и предопределяют действия других.

К основным отличиям реципрока и социатива следует отнести также количество участников действия. Каноническая реципрокальная ситуация ассоциируется с двумя (и не больше) участниками действия, в то время как социативная ситуация предусматривает чаще участие более двух действующих лиц. Самым значимым отличием этих категорий надо считать то, что в социативных ситуациях, в отличие от реципрокальных, каждый участник выполняет семантическую роль инициатора действия, то есть каждый партиципant является агенсом и одновременно равноправным «компаньоном» второго аналогичного партиципанта.

Грамматическим средством выражения социативности (совместности) в украинском языке служат префиксы *спів-* (*співпрацювати, співпереживати*), *з-*, *роз-* (*з'їхатися, роз'їхатися*), в русском – *с-* (*спеться, сработаться*) и другие.

В.В. Виноградов относит глаголы соединения/разъединения (*сойтись, разойтись*) к группе возвратно-моторных глаголов [1: 635]. Указанные глаголы обозначают общую деятельность, то есть взаимодействие и взаимное влияние участников, установление и поддержку контактов между ними, что отвечает значению взаимности.

Н.С. Зарицкий выделяет глаголы этого типа в отдельную подгруппу возвратно-взаимных глаголов и называет их внешне-взаимными (*собраться, развестись, сложиться* и т.п.) [3: 30].

Р.П. Михайлик также отмечает, что такие глаголы выражают общее действие субъектов. Это действие выполняется одним из субъектов и направленно на другого, имеет определенную ориентацию относительно второго

субъекта и в определенной мере зависит от него. На первый план выступает значение совместности действия, выполненной субъектом [5: 112].

М.А. Шелякин выделяет взаимно-обратные глаголы и определяет их как единицы, которые обозначают действия, выполняемые совместно двумя или более субъектами по отношению друг к другу (рус. *бороться, советоваться, целоваться, шептаться, подружиться* и др.) [10: 322].

Автор отмечает, что специфика этих глаголов состоит в том, что они очерчивают действия, в которых признаки объекта слиты с признаками активного субъекта, и речь идет о взаимной направленности активного действия, а не о взаимной пассивности. Поэтому реципрокальные глаголы легко предполагают взаимно-социативное понимание активного действия двусторонней направленности. В связи с этим реципрокальные глаголы можно считать подтипом глаголов социативного действия.

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове: [учеб. пособие для вузов] / В.В. Виноградов. – М. – Л.: Учебно-педагог. изд-во, 1947. – 784 с.
2. Зализняк А.А. Введение в русскую аспектологию / А.А. Зализняк, А.Д. Шмелёв. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
3. Зарицкий Н.С. Формы и функции возвратных глаголов / Н.С. Зарицкий. — К.: Изд-во Киевского университета, 1961. – 315 с.
4. Лещинская А.Е. О структуре функционально-семантического поля совместности: основные периферийные значения (на материале немецкого языка) / А.Е. Лещинская // Вестник СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – Сер. 2. – Вып. 1. – № 2. – С. 81–88.
5. Михайлик Р.П. Семантико-граматична структура дієслів на -ся в сучасній українській мові: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 “Українська мова” / Р.П. Михайлик. - К., 1995. – 16 с.
6. Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном литературном языке / И.П. Мучник. – М.: Наука. - 1971. – 298 с.
7. Недялков В.П. Типология взаимных конструкций / В. П. Недялков // Теория функциональной грамматики. - СПб., 1991. - С. 276–312.
8. Радзиховская В.К. О залоговой характеристике глаголов взаимного действия / В.К. Радзиховская // Развитие и функционирование русского глагола. - Волгоград, 1980. - С. 63–66.
9. Храковский В.С. Залоговые конструкции в разноструктурных языках / В.С. Храковский. - Л.: Наука, 1981. - 288 с.
10. Шелякин М.А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости / М.А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. – СПб., 1991. – С. 312–327.

УДК 81'374.3=161.1

НЕОНОМИНАЦИИ ЛИЦА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Ярошенко Н.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
nyaroshenko@yandex.ru

В качестве основных исследовательских принципов (в другой терминологии – тенденций, установок, парадигм) современной лингвистики, как

известно, выделяют экспансионизм, антропоцентризм, экспланатарность и функционализм (см. [7; 6 и др.]). При этом антропоцентризм предполагает изучение научного объекта с позиции его роли для человека. Так, А.Е. Кибрик говорит о проблеме лингвистической интерпретации человека, которая охватывает по крайней мере два круга вопросов: 1) антропоцентрический характер самого языка; 2) лингвоцентрический характер понимания человеком окружающего мира [6, с. 93].

В лексике и словообразовании, а, следовательно, и в лексикологии и дериватологии конца XX – начала XXI в. антропоцентризм в числе прочего проявляется как в своего рода буме в сфере заимствования и деривации неоминаций лица, так и в актуализации изучения языковых единиц этого типа.

Н.С. Валгина, анализируя активные словообразовательные процессы конца XX века, которые выявили «наиболее продуктивные словообразовательные модели сегодняшнего дня», в частности называет активное производство имен лиц [1, с. 138]. О.М. Караева в рецензии на словарь О.В. Григоренко «Новые наименования лиц в современном русском языке: Словарные материалы» (Воронеж, 2009) отмечает, что тот факт, что неоминации лица являются «одним из ярких „неогенных“ участков лексической системы», подтверждается и «материалами неологической картотеки Словарного отдела ИЛИ РАН: существительные-имена лиц составляют около 10% выборки новой лексики по результатам обследования текущей периодики» [5, с. 93].

С неологией как наукой, осуществляющей анализ новых языковых явлений, другими словами, с лексикологией и дериватологией неологизмов, тесно соприкасается проблема лексикографической фиксации неоминаций. Что касается паспортизации неологизмов со значением лица, то их лексикографическая фиксация осуществляется и толковыми словарями, и новейшими словарями иностранных слов, и словарями неологизмов разного типа. При этом особого внимания заслуживают попытки лексикографического отражения неоминаций лица в специальных тематических словарях (см. [3; 5]).

В предлагаемой статье на материале словаря Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда» (М., 2012) [3], а также учитывая данные специальных работ по неологии и собственные наблюдения (см. [8; 9]), обозначим основные тенденции, характерные для неоминаций лица в современном русском языке.

Указанный словарь-справочник был составлен на основании анализа текстов рекламных объявлений, размещенных в печатных СМИ и на просторах сети Интернет. Словарь включает 424 единицы, представляющие собой новые наименования лица по профессиям, специальностям и должностям.

Итак, анализ позволяет обозначить следующие общие тенденции, характерные для неоминаций лица в современном русском языке:

1. Активизация как заимствования, так и деривации в самом языке номинаций указанного типа в целом обусловлена антропоцентрическим характером языка и лингвистики.

2. Интенсивное заимствование (в первую очередь из английского языка и из его американского варианта), а также образование в русском языке неоминаций лиц прежде всего определяется такой экстралингвальной

причиной, как специализация в сфере профессиональной, политической, общественной и др. деятельности и необходимостью как-то обозначить новые профессии, увлечения, политические и др. взгляды. Например, *веб-дизайнер, веб-дилер, веб-мастер, веб-продюсер, веб-программист; дизайнер, автодизайнер, евродизайнер, интерьерный/ландшафтный дизайнер, дизайнер-верстальщик, дизайнер-график, дизайнер-декоратор, дизайнер-консультант, дизайнер-модельер, дизингер, дизайн-менеджер* и др.

3. Среди неоминаций лица значительно преобладают заимствованные лексемы (более 70 % от словника словаря-справочника Н. В. Исаевой). Например, *джоббер, дессинатор, дозвокер, фуд-стилист* и др. Около 20 % выборки составляют неоминации лица, образованные на базе заимствованного слова (основы), но с помощью исконно русских аффиксов. Например, *грильщик, кальящик, коллажист, рецепционист, колорист, кондиционерщик, макетчик, мангальщик, пиарщик, плоттерщик, попкорнщик, рекламист, рольщик, сертификатчик, сканировщик, стикеровщик* и др. Такие дериваты в лингвистике называют гибридными. К этой группе примыкает номинация *грузчик-мерчендайзер*. И, наконец, самую малочисленную группу (около 10 %) образуют неоминации лица, созданные на базе исконных слов (основ) с помощью исконных аффиксов (например, *доставщик, закольщик, замерщик, коренщик, расклейщик, ручница, тележечник* и др.), или же являющиеся результатом семантической деривации, т. е. переосмысления уже известных языку единиц (например, *кукольник* 'человек в специальном костюме, привлекающий внимание покупателей', *маршал* 'сотрудник боулинга, непосредственно осуществляющий обслуживание игроков и контроль за игрой', *семейная пара* 'персонал для работы в загородных домах, коттеджах, как правило, супружеская пара' и др.).

4. В сфере заимствованных неоминаций лица, как и в числе неозаимствований в целом, частотны примеры графических, фонетических, грамматических вариантов, которые отражают процессы адаптации неозаимствований в языке-реципиенте. Например, *веб-мастер — WEB-мастер, веб-дилер — WEB-дилер, веб-продюсер — WEB-продюсер, блогер — блоггер, геоблогер — геоблоггер, бренд-менеджер — брэнд-менеджер, вен-агент — вэн-агент, вэнселлер — вэнсэллер — van-seller, дистриьютор — дистрибьютер, имджеолог — имиджолог, дула — доула, рерайтер — рирайтер* и др.

5. В сфере неоминаций лица, помимо вариантных единиц, частотны синонимические пары и ряды разного типа. Например, *маклер — брокер — брокер-трейдер — ризлтор — джоббер; бодигард — телохранитель, водитель-телохранитель; дворецкий — батлер — мажордом — хаусхолд-менеджер; бьюти-редактор — бьюти-эдитор; дворник — дворник-координатор — работник территории — мастер уличной уборки; гейм-дизайнер — сценарист компьютерных игр — концепт-художник* и др.

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина: Уч. пособ. для студ. вузов. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
2. Григоренко О.В. Неоминации лиц в аспекте современной лексикографии и неографии / О.В. Григоренко // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2010. – №2 – С. 99–107.

3. Исаева Н.В. Новые лица на рынке труда: словарь-справочник / Н.В. Исаева. – М.: Флинта, Наука, 2012. – 194 с.
4. Кадырова Л.Д. Гибридные неонимации в современном масс-медийном дискурсе: семантико-деривационный аспект: Дис. ... канд. филол. наук / Л.Д. Кадырова. – Симферополь, 2014. – 208 с.
5. Караева О.М. Реценз. на: О.В. Григоренко. Новые наименования лиц в современном русском языке: Словарные материалы. – Воронеж: Научная книга, 2009 / О.М. Караева // Мир русского слова. – 2012. – № 1. – С. 92–94.
6. Кибрик А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? / А.Е. Кибрик // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 5. – С. 93–103.
7. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 144–238.
8. Ярошенко Н.А. Номинации лица в толковых словарях русского языка под редакцией Г.Н. Складчиков: динамика состава / Н.А. Ярошенко // Русская филология. Украинский вестник. – № 2 (39). – Харьков, 2009. – С. 29–32.
9. Ярошенко Н.А. Адаптация неологизмов-англицизмов и галлицизмов в современном русском языке / Н.А. Ярошенко, Н.В. Козак // Русский язык в поликультурном мире: Сб. научн. ст. В 2 ч. – Ч. I. – Симферополь: ООО «Антиква», 2015. – С. 173–179.

УДК 785.73

АЛЕАТОРИКА И ХЭППЕНИНГ КАК ЯВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЗВУКОВОГО МУЗЫКАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Волкова Л.В.

Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева
volkovcello@yahoo.ca

Современное исполнительство отличается значительно возросшей ролью импровизационно-творческого начала. К примеру, в музыке XIX столетия импровизационность проявлялась, главным образом, в концертных каденциях, отчасти в эпизодичных *rubato*, и речь шла лишь о свободной исполнительской интерпретации написанного композитором текста. Однако уже в произведениях XX–XXI столетий композиторы в нотном тексте оставляют «островки неопределённости» и, полагаясь на фантазию исполнителя, разрешают ему «досочинять недописанное» в момент исполнения. Особенно это касается тех произведений, где используются приёмы алеаторики.

Алеаторика – это современная техника композиции в музыке, когда «главным формирующим началом в процессе создания произведения и его исполнения есть принцип случайности, который создаёт возможности большей свободы для творчества и композитора, и исполнителя» [5, с. 97].

Данный метод музыкальной композиции своими корнями уходит в прошлое искусства импровизации. История развития музыкального искусства имеет множество примеров подобной исполнительской свободы: при начальном обозначении гармонии цифрованным басом, в импровизационных сольных каденциях, в трактовке мелизмов и т. д. Но своё наиболее широкое распространение алеаторика получила во второй половине XX века.

Композиторы по-разному используют этот вид композиторской техники. В одних случаях они предоставляют полную свободу исполнителю, который опирается лишь на ряд намеков-символов, зафиксированных в тексте. Такие сочинения относятся к разновидности «абсолютной алеаторики». Этот метод, по существу, снимает с композитора всякую ответственность за свое произведение, перекладывая её на исполнителей, по-своему реализующих намеченную схему.

Родоначальником современной алеаторной музыки и сторонником «абсолютной алеаторики» считается Дж. Кейдж. В его творчестве есть сочинения, относящиеся к *графической* музыке, создавая которые композитор всецело подчинялся воле случая. Так в «Музыке для колоколов» № 2 «партитура» представляет собой «булавочную наколку», которая подчёркивает нечаянные дефекты бумаги, а в Вариациях она состоит из шести листов простой бумаги, заполненных линиями и точками.

Абсолютная алеаторика, как утверждает Т. Кюрегян, «предоставляет музыке такую свободу, которая выходит за привычные границы себя самой, окончательно упраздняется феномен музыкального произведения (вне которого

немыслимо музыкальное искусство последнего трёхсотлетия) и глубоко пересматривается (с нарушением традиционного распределения ролей между творцом и исполнителями) феномен авторства – и начинается, по определению Стравинского, посткомпозиторский период музыкальной истории» [1, с. 415].

Другие композиторы являются сторонниками лишь ограниченного применения принципа случайности. Одним из таких авторов является Витольд Лютославский, который такую технику письма называл «контролируемым алеаторизмом», предусматривая только эпизоды для импровизации солирующих инструментов или оркестровых групп.

В своей статье «О роли элемента случайности в технике композиции» композитор подчёркивает: «Введение элемента случая в <...> музыку не должно коренным образом изменять её существенных черт <...>. Произведение не перестаёт быть „предметом во времени“, если только радиус действия случая достаточно ограничен композитором» [3, с. 139].

В этом отношении весьма показательны камерные сочинения В. Лютославского. Композитор пытается в поисках новой образности достичь той экспрессивности выражения, которая возникает, когда каждому участнику коллектива предоставляется возможность «высказаться по-своему; как в смысле ритмическом, так и в смысле экспрессивном игра его будет более гибкой, свободной, оттенки его игры будут более выразительными, динамическими» [2, с. 5].

Анализируя сочинения украинских композиторов в жанре фортепианного трио, творчество которых приходится на вторую половину XX – начала XXI века, можно убедиться, что в целом предпочтение отдаётся контролируемой алеаторике. Яркими примерами могут служить Трио №2 В. Бибика, Трио №1 Ю. Ищенко, Трио «DSCH» В. Губы, Партита В. Бибика. «Постлюдия *DSCH*» В. Сильвестрова, «Маленький концерт» В. Бибика. Разнообразное применение алеаторики имеет место в программном камерном сочинении «Драма» В. Сильвестрова.

В современной музыке, которой близка алеаторная природа, ощущается активное использование идей «инструментального театра», влияние хэппенинга как новой формы, пришедшей из театрального искусства.

Хэппенинг – это своего рода «движущееся произведение», где происходит сочетание и взаимопроникновение действий музыкальных и физических, исполнители вовлекаются в действие одномоментное, неповторимое. По утверждению основателя нового жанра М. Кагеля, «движение является основным элементом инструментального театра и принимается во внимание в инструментальной композиции» [цит. по 4, с. 214].

В музыкальном произведении хэппенинг имеет многоплановое значение, причём внешние проявления здесь целиком подчинены музыкально-философской концепции.

Привнесение в современную музыку идей хэппенинга выражает тенденцию к слиянию искусства с течением самой жизни.

Ярким примером сочетания инструментальной композиции с идеями хэппенинга, как формы современного искусства, является сочинение В. Сильвестрова «Драма». Композитор включает в развитие действия новые, не только музыкальные, но и внемузыкальные элементы, режиссёрски точно

предусмотренные. Например, в соответствии с ремарками автора, «очень стремительно вбегает скрипач, постепенно замедляя шаг, подходит к фортепиано» либо «уходит», «пианист медленно встает», «плавно наклоняется», «идет за кулисы» и т.д. Музыкальная партитура на отдельной строке фиксирует динамику этих движений исполнителей наравне с записью музыкальных звуков. Этот ритмический канон создается музыкальными средствами в сочетании с пластикой движений, т.е. они составляют часть музыкально исполняемого процесса. Композитор не разделяет эти жесты на музыкальные и физические.

Элементы театрализации присутствуют также в сочинении В. Сильвестрова «Три постлюдии», Трио «DSCH» В. Губы и многих других камерно-инструментальных произведениях современных украинских композиторов.

Очевиден факт: XX век принёс с собой эволюцию звукового музыкального мышления, во многом сформировал новые законы музыки, открыл широчайшую панораму диссонансов во всех возможных сферах: аккорды-диссонансы, диссонансы-хроматизмы, диссонансы тоновысотности (сонорика), диссонансы ткани и композиции (алеаторика), диссонанс сочинения (хэппенинг, инструментальный театр, музыкальная графика) и т.д. Коренные перемены произошли в содержании музыкального творчества, в критериях музыкальной красоты и ценности, в психологии восприятия, в самом человеке. А музыка лишь как зеркало отражает происходящее.

1. Кюрегян Т.С. Алеаторика // Теория современной композиции / под ред. В.С. Ценовой. – М.: Музыка, 2005. – Гл. 12. – С. 412–430.
2. Лютославский В. Замечания о манере исполнения моего струнного квартета // *Ruch muzyczny*. – 1965. – № 17. – С. 3–8.
3. Лютославский В. О роли элемента случайности в технике композиции // Статьи, беседы, воспоминания / [сост., комментарии и перевод И. Никольской]. – М.: Музыка, 1995. – С. 138–146.
4. Петров В.О. Хэппенинг в искусстве XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2010. – Т. 16. – № 1. – С. 212–215.
5. Раппопорт Л.Л. Витольд Лютославский. – М.: Музыка, 1976. – 133 с.

УДК 781.2

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АБСТРАКЦИОНИЗМ

Колоней В.А.

Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева

В своей книге «Техника композиции в музыке XX века» Ц. Когоутек писал: «Все новинки вызывают, с одной стороны, восхищение, с другой – недоверие, часто даже глубокое презрение. Существуют как ярые сторонники алеаторики, музыки тембров, так и противники, которые считают оба эти вида полным вырождением музыки, явлением, недостойным подлинного художника, проявлением снобизма. Мы подходим к области, где часто трудно сразу отличить новаторские творческие стремления, сознательно направленные к

точно поставленной художественной цели, от модного, нередко искусно замаскированного, манерного дилетантизма или даже шарлатанства [2, с. 237].

Очень сложно определить место указанных исследователем направлений в музыкальной эстетике. Уже то, что эти направления разорвали связи с накопленными веками музыкальными традициями, свидетельствует о том, что это музыка иная. Её *инаковость* заключается в отсутствии наследственного продолжения того, что было раньше. Самым значительным фактом инаковости является потеря в этой музыке *интонационности*, без которой музыка становится абстракцией [1]. Поэтому гораздо продуктивнее исследовать происходящее в современной музыке в русле онтологии. Например, чем, собственно, в музыкальном абстракционизме заменяется интонационность? В значительной мере – тембром. Тембр же является одним из взаимосвязанных и взаимозависимых друг от друга компонентов музыкальной интонации. Вне интонационности он становится ограниченным в своей функциональности.

Для того, чтобы был понятен ход нашей мысли, обратимся к лингвистике. В вопросе об элементах интонации в вербальной речи данная наука намного опередила музыкознание. В частности, в том, что такое интонация и из чего она состоит. В 1972 году был издан «Справочник лингвистических терминов» Д. Розенталя и М. Теленковой, где интонация представлена в виде комплекса элементов: мелодики, ритма, интенсивности, темпа и тембра речи, а также фразового и логического ударений [5]. На этом основании была написана статья о многокомпонентности музыкальной интонации. Дело в том, что в музыкознании до сих пор существует узко профессиональное видение интонации, например, что это нахождение чистого тона или «верного тона» в звучании. То есть, речь идёт всего лишь об одном компоненте музыкальной интонации – высоте звука у скрипачей, хормейстеров, вокалистов и др., всех тех, у кого нет точной фиксации высоты звука, например, как на фортепиано. При том, что в музыкальной интонации присутствуют, кроме мелодики (высоты звука), ритма, темпа, интенсивности (громкости звука) такие компоненты, как артикуляция, длительность звука, агогика, метр, гармонический компонент, акцентность.

Если говорить о роли тембра или колорита в современной музыке, то необходимо обратить внимание на такие понятия, как *сонорика* и *кластер*. «Сонорика (от лат. sonorus – звонкий, звучный, шумный), вид современной техники музыкальной композиции. Специфика сонорики – в выдвигании на 1-й план окраски звучания. Использует как собственно сонорные средства – музыкальные шумы, звукоокрасочные комплексы, звучания без определённой высоты (т. н. сонористика), так и средства других видов композиторской техники (напр., серийной, алеаторной)» [6].

Человек с древних времён использовал шумы. «Шумовая» практика при охоте на зверей существует и в наши дни. В ней заложен контраст тишины, когда ловцы подкрадываются к зверю, и громкого шума, когда охотники гонят зверя на засаду или в заранее устроенную западню. Шум олицетворял для животного (и человека) страх, а в моменты победы над врагом или зверем – апофеоз ликования, радости победителя (победителей). Постепенно шум, который использовался в практической деятельности, стал применяться в представлениях, играх, обрядах, ритуалах, сопровождая праздники и всякого рода общественные

события. Шумовые ударные инструменты являются самыми древними. Они служили человеку как сигнальные устройства для оповещения о приближающейся опасности (сигналы тревоги) или отбивания ритма в танце, шествии, атаке на врага. Шумы всегда сопровождали человека как в природе, так и в бытовой жизни, жизни семьи и общественной жизни мегаполиса.

Шум предстаёт перед нами в трёх ипостасях (аспектах), связанных друг с другом. Во-первых, мы воспринимаем его в природе и в быту как сигнал, предупреждающий об опасности: грохот обвала, орудийный или ружейный выстрел, шум воды при наводнении и т. д. На генетическом уровне, для человека шум обозначает опасность и вызывает страх. Во-вторых, когда вы не защищены, шум вызовет определённую программу действий. Находясь вне дома, при звуке грома или шуме падающих капель дождя вы постараетесь спрятаться от этой неприятности в подъезде или под чьим-то зонтиком. Та же программа действий будет запущена и тогда, когда ночью человек проснётся от «приятного» журчания воды с мыслью о том, что он забыл закрутить кран в ванной, либо думая о том, что это журчание воды с потолка комнаты возникло из-за забывчивости соседа сверху.

В-третьих, когда программа выполнена – шум трансформируется в фон. Как правило, фон воспринимается как положительный момент, так как стихия не угрожает, у человека устойчивое ощущение защищённости, и в этой связи возникает чувство комфорта. Фон часто используется для релаксации (шумы моря, звуки леса, пение птиц, журчание ручья и т. д.). Шумы иногда называют «музыкой» природы, а при катастрофических проявлениях – языком стихий.

Для того, чтобы понять каким образом возникают сонорные средства в музыке, следует обратиться к такому понятию, как звуковой кластер. «Кластер (от англ. *cluster* – гроздь) в музыке – созвучие из звуков, тесно расположенных по малым и/или большим секундам <...>» [3, с. 253]. Представьте себе гроздь винограда. Виноградинки тоже тесно прилегают одна к другой. Сколько там виноградинок? Много! А теперь представьте себе, что это нотки, которые начинают звучать! Как вы будете классифицировать это звучание? По сравнению с функциональной гармонией – это значительно более простое явление. По сути, это звуковое пятно, в котором исчезает высотность музыкальных тонов. Тембр при отсутствии высотности становится шумом. Это и есть музыкальный шум, который может быть высоким или низким, в зависимости от того в каком регистре располагается кластер. Если выразиться парадоксальным образом, то это очень похоже на звук огромного барабана, со свойственной ему недифференцированностью высоты звучания, но с возможностью длиться в звучании сколько угодно долго и при этом менять динамику (громкость). Безусловно, небольшая натяжка здесь есть, так как звучание кластера более дифференцировано, ведь это *музыкальный шум*, но общая тенденция очень заметна. При этом следует заметить, что шум вне интонационности – аэмоционален.

Изначально в музыкальном тоне и в вербальной речи явление шума связано с тембром, который образуется благодаря обертонам. «Обертоны – призвуки (частичные тоны), имеющиеся в спектре музыкального звука. Звучат выше и слабее основного тона, слитно с ним и на слух почти не распознаются. Обертоны – важный темброобразующий <...> фактор» [4]. В комплексе

компонентов музыкальной интонации тембр приобретает функцию выражения, свойственную всей музыке. Но при этом он, единственный среди компонентов музыкальной интонации, имеет функцию обозначения, благодаря которой мы можем назвать имя говорящего человека, название звучащего музыкального инструмента, название издающего звуки предмета, животного и т. д. Вне комплекса музыкальной интонации тембр обладает только функцией обозначения, потому что ему нечего обозначать кроме самого себя. К примеру, музыка К. Пендерецкого «Плач по жертвам Хиросимы» представляет собой движущиеся звуковые комплексы – кластеры, при этом нет ни мелодии, ни ритма. В этой музыке нет трагедии, нет эмоций – это фон для картины событий, которые человек сам должен наполнить содержанием.

Ключевые слова: интонационность, тембр, сонорика, звуковой кластер, обертон, музыкальный шум, сонорные средства, многокомпонентность музыкальной интонации, функция выражения, функция обозначения.

1. Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс. – М., 1971. – Изд. 2-е. – 376 с.
2. Когоутек Ц. Техника композиции в музыке XX века. – М.: Музыка, 1976. – 358 с.
3. Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г.В.Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
4. Обертоны [Электронный ресурс] // Современный энциклопедический словарь. URL: <http://sbiblio.com/BIBLIO/content.aspx?dictid=12&wordid=86225> (дата посл. обращения 18.04.2016).
5. Розенталь Д., Теленкова М. Справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1972. – 496 с.
6. Сонорика [Электронный ресурс] // Большой энциклопедический словарь. URL: http://enc-dic.com/enc_big/Sonorika-56151.html (дата посл. обращения 18.04.2016).

УДК 78.5

АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Романец М.С.

Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева
mariaromanez@mail.ru

Проблема автоинтертекстуальности в музыкальном искусстве непосредственно соотносится с более общей проблемой интертекстуальности, активно разрабатываемой в современной музыкальной науке (М. Арановский, Л. Березовчук, А. Денисов, Л. Казанцева, И. Коханьк, А. Кудряшов, Л. Крылова). Являясь формой межтекстовых «пересечений», автоинтертекстуальность понимается как специфическая разновидность интертекстуальности, действующая на уровне творчества одного автора, суть, которой – взаимодействие между различными текстами в рамках индивидуально-авторского наследия.

Феномен автоинтертекстуальности имеет давние исторические корни, его широкое распространение характерно для эпохи барокко, где он функционировал в виде приема пародирования, то есть авторской переработки

(иногда весьма существенной) одного опуса в другой, что часто было продиктовано практическими условиями работы композиторов (яркий пример, творчество Й.С. Баха).

В музыкальном искусстве XX века, представляющем собой пеструю картину с точки зрения межжанровых, межстилевых, межтекстовых взаимодействий, концептуальное значение приобретает проблема отбора и компоновки музыкального материала, а также методов работы с ним. В результате интертекстуальность приобретает статус устойчивой тенденции, «вбирающей» творчество мастеров различных национальных школ. В этом контексте показательно и расширение сферы действия автоинтертекстуальности, которая становится органической частью творческого метода современного композитора.

Близкородственная связь материала заимствования и контекста, позволяет авторам крайне свободно – с точки зрения структурных границ, сохранности первоисточника, методов работы – обращаться с исходным материалом. Варьируются и сами типы автоинтертекстуальных взаимодействий, среди которых можно выделить два подхода к собственному ранее написанному тексту:

- как относительно *целостной структуре*;
- как *контексту существования источника* нового произведения.

В первом случае материал заимствования выступает как «замкнутая» структура, находящаяся в стадии авторского пересмотра. Приняв во внимание степень творческого участия композитора во вновь создаваемом произведении и мотивацию, заставляющую повторно обратиться к уже написанному сочинению, мы выделили три классификационных группы произведений-результатов:

- *опусы-rileggere* (итал. – «читать снова»), для которых характерно сохранение базовых основ первоисточника, что же касается видоизменений и дополнений, вносимых композитором, казалось бы, в уже готовый текст, то их основная цель – улучшить существующее произведение, сделать «материальный» результат некогда возникшей творческой идеи еще более художественно совершенным – *редакции* собственных сочинений;

- *опусы-orzione* (итал. – «вариант»), созданные в результате тембрового или жанрового «переинтонирования» ранее написанных произведений и существующие на правах допустимых вариантов первоисточника. К ним относятся *транскрипции, переложения, оркестровые сюиты* на материале музыкально-театральных сочинений и киномузыки. Независимо от жанрового наклонения первоисточника и повода, побудившего композитора к созданию произведения-варианта, незыблемой остается целевая установка работы – популяризация своего сочинения. Достижение поставленной цели позволяет автору решать различные задачи: приблизить произведение к слушателю (как, например, в случае с двумя оркестровыми сюитами из балета С. Прокофьева «Ромео и Джульетта», которые были созданы композитором до премьеры самого спектакля); расширить слушательскую аудиторию (фортепианные переложения номеров из любимившегося театралом его же балета «Золушка»);

- *опусы-degenerazione* (итал. – «перерождение»), возникающие в результате жанрового транспонирования музыкального материала (например,

Третья и Четвертая симфонии С. Прокофьева, созданные в результате творческой переработки музыкального материала оперы «Огненный ангел» и балета «Блудный сын», соответственно). Другой способ – представление необнародованного или незаслуженно «забытого» материала в новых композиционных условиях. Примером может служить II часть Альтовой сонаты Д. Шостаковича, в которой композитор полностью воспроизводит начальную сцену своей неоконченной оперы «Игроки».

Обращение к своему ранее написанному тексту как важному композиционно-драматургическому элементу нового сочинения, актуализирует такое явление как *автоцитирование*, понимаемое нами как ***точное или относительно точное воспроизведение фрагмента собственного произведения, выступающего в «новом» тексте в качестве важного семантического знака.***

Художественный эффект данного приема заключен в двойственной природе самого явления. С одной стороны, автоцитата ассоциируется с первоисточником, облик которого хранится в памяти слушателя; с другой – вовлекается в новые структурно-смысловые отношения и в этом своем качестве выполняет различные функции – от знака-символа, своего рода семантического кода (например, «тема нашествия» из Седьмой симфонии Д. Шостаковича в его Пятнадцатой симфонии) до «омузыкаленного» имени адресата посвящения (начальная фраза Катерины из последней 9 картины оперы «Катерина Измайлова»: «Сережа! Хороший мой!» в III части Четырнадцатого квартета Д. Шостаковича, посвященного виолончелисту Сергею Ширинскому).

В художественной практике существует особая группа сочинения, в которых прием автоцитирования возведен в ранг основополагающей концептуальной идеи. Речь идет о произведениях являющимися артефактами личностного самоанализа автора, углубления его в себя. Примерами таковых являются «Жизнь героя» Р. Штрауса, «Восьмой квартет» Д. Шостакович, «Автопортрет» Р. Щедрин, "Lebenslauf" (Жизнеописание) А. Шнитке.

Многообразие автоинтертекстуальных явлений в музыке XX века свидетельствует об актуальности данного вектора исследования широкой и многогранной проблемы текстовых взаимодействий.

1. Арановский М.Г. Музыкальный текст: структура и свойства / М.Г. Арановский. – М.: Композитор, 1998 – 341 с.
2. Березовчук Л.Н. О типологии межкультурных взаимодействий в музыке / Л.Н. Березовчук // Стилиевые тенденции в советской музыке 1960-1970-х годов. – Л., 1979. – С. 164-181.
3. Денисов А.В. Интертекстуальные взаимодействия в музыке второй половины XX века – тенденции и перспективы: Электронный ресурс / А.В. Денисов // Режим доступа: <http://www.21israel-music.com>
4. Денисов А.В. Феномен музыкальной цитаты – проблемы исследования: Электронный ресурс / А.В. Денисов // Режим доступа: http://www.21israel-music.com/Tsitata_kontekst.htm
5. Крылова Л.Л. Функция цитаты в музыкальном тексте / Л.Л. Крылова // Советская музыка. – М.: Сов. композитор, 1975. – Вып. 8. – С. 92-97.

УДК 378.147:7.05

МИНИМАЛИЗМ В ДИЗАЙНЕ И WEB-ДИЗАЙНЕ

Абубекерова К.О., Гурова Н.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
hopen@meta.ua

Тезисы посвящены минимализму как одному из наиболее широко используемых стилей в современном дизайне. Его предыстория, основные признаки и правила, а также использование в графическом дизайне и web-дизайне. Концепция простоты форм и цвета в минимализме как самый действенный способ влияния на выбор пользователя в пользу данной стилистики, а также нарастающий интерес к данному течению в дизайне

Дизайнеры часто пытаются пойти дальше первичных функциональных требований метода, использования, потребности, ассоциации и эстетики, они стремятся к более сжатой формулировке: точность, простота. В такой формулировке мы находим эстетическое удовлетворение, подобное восхищению логарифмической спиралью моллюска наутилуса, легкостью полета чайки, силой узловатого ствола дерева, цветом заката. Свойство вещи вызывать своей простотой подобные чувства может быть названо элегантностью. Когда мы говорим об элегантном решении, то имеем в виду превращение сложного в простое [1].

«Минимализм», «простота», «лаконизм» – потребности сегодняшнего дня. Теоретические исследования о дизайнерских разработках, особенно в сфере полиграфии, интерьера и одежды, наполнены этими терминами. Однако можно согласиться с тем, что «минимализм» и «лаконизм» стали настоящим трендом в современном дизайне. Отсутствие времени на восприятие сложного рисунка как раз и является той теорией, объясняющей актуальность простого в современном дизайне. Современная жизнь стала намного активнее динамичнее и разнообразнее. Общество перенасыщено эмоциями и впечатлениями, люди привыкли к тому, что все необходимо делать быстро и с минимальными, в том числе и трудовыми, издержками. Воздействие простых форм извне не опасно для человека, поскольку его восприятие подготовлено благодаря наличию архетипов – тех же простых форм, генетически передаваемых на уровне коллективного бессознательного. Поэтому данное воздействие универсально, оно не детерминировано социальными, знаковыми и иными культурными обстоятельствами [2].

В искусстве стремление к идеальному всегда начинается с удаления лишнего, именно поэтому минимализм, по нашему мнению, является в настоящее время одним из самых востребованных направлений во всевозможных сферах – от строительства до музыки. Структура минимализма использует относительно простой, доступный и элегантный дизайн. Красота

структуры определяется и выявляется игрой с освещением, использованием основных геометрических форм как контуров и направляющих. Для минимализма характерна простота форм и компонентов, природные текстуры и натуральные цветовые сочетания.

Мы видим, что минимализм в его различных вариантах входит в моду периодически. Стремление к нему возникает, как правило, на рубеже эпох, когда художественные ценности предыдущей эпохи отменяются, и им на смену приходят новые. В такие периоды человек обычно испытывает ощущение усталости, настроения декаданса, тогда и возникает эта тяга к простым, чистым формам и решениям. Так возрождается мода на минимализм [6].

По нашему мнению, важным будет рассмотрение истоков зарождения минимализма в историческом ракурсе. Предпосылки минимализма можно увидеть в конструктивизме 1920-х годов. Большое влияние на возникновение и формирование минимализма оказала художественная группа «Стиль» (нидерл. De Stijl) – общество художников, образованное в Лейдене в 1917 г. Эстетический пуризм группы «Стиль» оказал огромное влияние на архитектуру XX столетия, и прежде всего, через Баухаус. Особенно проявилось оно в работах Вальтера Гропиуса, Миса ван дер Роэ, Ле Корбюзье, Эриха Мендельсона, Бруно Таута.

Однако основное влияние на возникновение этого стиля оказали архитектура и дизайн, чьи тенденции укрепились в Западном мире. Пресыщенность декоративными элементами, новые технологии, новый взгляд на мир и новые философские и религиозные течения требовали отображения в архитектуре и дизайне.

В наше время минимализм – это скорее мироощущение. Осознание обществом возможности глобальной экологической катастрофы породило тенденцию сознательного отказа от излишеств, возврата к традиционным экологически чистым материалам – дереву, бетону, стеклу, металлу. А ускорение ритма современной жизни, избыток впечатлений и информации привели к небывалому спросу на «успокаивающие интерьеры», во многом заимствованные у Востока [6].

Исходя из теоретического анализа проблемы, можно очертить понятие «минимализм» непосредственно в графическом дизайне. Это упрощение композиции, использование свободного пространства в своих работах, акцент только на главных деталях и их выделение, простое преподношение тематики, условий, продукции. Минимализм затрагивает такие критерии, как эргономика, использование меньшего для создания нужной композиции, соблюдение соотношений между элементами тематики (соответствия содержания и формы), творческой работы и т. д.

Если говорить доступно, то это правильное и простое использование только нужного. Убирая всё лишнее, мы получаем свободное пространство. Правильная постановка свободного пространства в работе и даёт эргономичность, не отвлекает и концентрирует на необходимом.

Цвет в минималистских графических работах мы считаем, является важным критерием, а именно цвет способствует восприятию. Часто для одной работы используется 1–2 основных цвета и несколько оттенков выбранных цветов. Чаще используются белый, чёрный, серый и жёлтый цвета, а также их

множество оттенков. Но это не есть правило, никто не ограничивает использовать только классические цвета.

Типографика также довольно важный критерий минималистского дизайна. Тут выбор шрифтовых гарнитур зависит от тематики или назначения работы. Шрифт должен быть осмысленным, визуально доступным и не нести в себе зрительную нагрузку. Желательно использовать не более 2–3 шрифтовых гарнитур (к примеру: 1. заголовок, 2. текст, 3. выноски и копирайты; или 1. название, 2. слоган, 3. текст.).

Главное, по нашему мнению – ограничиться в количестве шрифтовых гарнитур, правильное позиционирование текста в работе (размещение, положение, отступы, соотношение к другим элементам).

Стоит отметить, что композиция без лишних элементов, использование свободного пространства, выбор цвета, исходя из тематики или условий работы, меньше пёстрых цветов, меньшее количество цветов, подходящие к тематике или условиям работы шрифтовая гарнитура, меньше количества используемых шрифтов, придание акцента шрифту, правильное положение элементов и выделение важных деталей. У минималистского направления нет стандартов. Основное это избавление от лишнего, использование меньшего и сохранение функциональности, т.е. простая работа с нужным эффектом. Характерная особенность минималистского дизайна в том, что в нем все предельно просто и понятно. Для мгновенной передачи визуального сообщения используется только самое необходимое, никакие дополнительные средства не требуются [3].

За последние несколько лет web-дизайн был потрясен новыми стилевыми тенденциями, которые приходили и быстро уходили. Одна из тенденций, которая никуда не уходила и всегда актуальна в дизайне – минимализм. Так происходит, потому что минимализм – это не просто стиль, а скорее концептуальный взгляд на положение вещей в этом мире.

Простой дизайн, выставляющий напоказ в первую очередь контент, а потом уже все остальное. Простые двойные линейки над и под некоторыми областями помогают разделить содержимое без ущерба для дизайна.

Простая типографика и скупое использование цвета делают дизайн приятным и минималистичным. Простая навигация и графика создают ощущение минимализма. Графические элементы достаточно большие, чтобы не вносить сумятицу в макет [4].

Можно выделить основные принципы построения сайта:

1. Плоский дизайн. В нем нет теней, трехмерных эффектов, градиентов. Для того чтобы акцентировать внимание на какой-то части текста, используются яркие цвета и жирные шрифты.

2. Эффект пустого пространства. Настолько удачное решение, что многие воспринимают его как должное. Если на странице остается, лишь нужное поле, все внимание пользователя концентрируется только на нем.

3. Суженный выбор действий пользователя. Еще один ловкий прием, избавляющий посетителя сайта от раздумий. Предложите ему лишь одну-две опции, и он примет решение быстро!

4. Простая навигация. Именно она «включает» все остальные преимущества и делает сайт по-настоящему удобным и любимым посетителями. Запутанное навигационное меню не нравится никому [5].

Исходя из результатов нашего анализа источников, можно сделать вывод, что в дизайне понятие минимализм характеризуется простотой, ясностью и лаконичностью композиции. Дизайнеры, работающие в стиле минимализм, отвергают практически все классические приемы творчества тем самым создают свой неповторимый и пользующийся успехом в дизайн сообществе. Считается, что истоки минимализма лежат в конструктивизме и функционализме. Из конструктивизма минимализм позаимствовал лаконичность и монолитность, а из функционализма – соответствие каждого элемента максимальному количеству выполняемых функций. Дизайн в стиле минимализм требует выбора минимального количества рабочих цветов и графических элементов. Распространенными комбинациями не всегда являются вариации с использованием светлых, нейтральных тонов, таких как серые и белые оттенки. Все зависит от банального соответствия содержания и формы.

Действительно, простота в современном дизайне является актуальным явлением, более того, «минимализм» становится настоящим трендом во всех направлениях современного дизайна. Потребность в простоте объясняется желанием людей видеть дизайнерские вещи наиболее простыми и естественными, понятными и легкими для восприятия.

1. Герчук Ю. История графики и искусства книги / Ю. Герчук. – М.: Аспект-пресс, 2000. – 501 с.
2. Evenless.ru // Стиль в архитектуре, интерьере и дизайне / Минимализм / Что такое минимализм? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://evenless.ru>.
3. Idealdomik.ru // Уютный дом / Создание интерьера / Благородство минимализма – Режим доступа: <http://www.idealdomik.ru/uyutnyi-dom/sozdanie-interera/blagorodstvo-minimalizma.html>.
4. Getclientsnow.ru // Рубрики: Дизайн / Минимализм в дизайне – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://getclientsnow.ru/minimalizm-v-dizajne>.
5. Lpgenerator.ru // Истоки минимализма в web – дизайне – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lpgenerator.ru/blog/2015/07/24/istoki-minimalizma-v-veb-dizajne>.
6. Stilys.com // Архитектурные стили / Минимализм – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://stilys.com/styles/minimalism>.

УДК 378.147:7.05

РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ДИЗАЙНЕРОВ

Гурова Н.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
hopen@meta.ua

Дизайн-образование в современных условиях характеризуется существенными изменениями, затрагивающими все компоненты педагогического процесса. Оно нацелено на обеспечение личностно-ориентированной и профессионально направленной образовательно-воспитательной деятельности, способствующей художественному развитию личности будущего специалиста по дизайну.

Целью обучения дизайнеров является подготовка профессионала, обладающего проектной компетентностью, включающей в себя знания и умения по основам дизайн-проектирования, ценностно-эстетическим отношением к средовым пространствам, творческими качествами и способностями, которые помогают конструировать различные технологические подходы к решению нестандартных задач, проектировать собственную деятельность в соответствии с траекторией личностного роста.

В процессе профессиональной подготовки студентов необходимо обеспечивать межпредметную связь блоков общенаучных и профессиональных дисциплин, преемственность среднего и высшего профессионального образования во взаимосвязи с социокультурным, фундаментальным, художественно-проектным, техническим, педагогическим, методическим и производственным аспектами.

Результатом профессиональной подготовки в области дизайна должен стать образ выпускника, ценностно-ориентированного человека культуры, обладающего профессиональными компетенциями, умеющего принимать самостоятельные решения в различных ситуациях, прогнозировать их последствия, способного к конструктивному сотрудничеству, к творческой самореализации, постоянному профессиональному росту и самосовершенствованию, моральной саморегуляции и адаптации в современном обществе.

Построение эффективного образовательного процесса, ориентированного на профессиональную подготовку студентов-дизайнеров, определяет необходимость применения деятельностного подхода.

Подготовка будущих дизайнеров к профессиональной деятельности в рамках деятельностного подхода представляет собой комплекс взаимосвязанных условий и методов их реализации в процессе аудиторной и внеаудиторной деятельности.

Внедрение деятельностного подхода в обучении позволяет формировать у студентов основы теоретического мышления, способного в определенных условиях находить нужное решение, уметь действовать в нестандартных ситуациях.

Подготовка дизайнеров к решению профессиональных задач при деятельностном подходе определяется содержанием обучения и строится на основе постепенного увеличения степени сложности с учетом возможностей проявления обучающихся творческой инициативы и самостоятельности.

На наш взгляд, профессиональная подготовка дизайнеров должна проходить в условиях деятельностного подхода, основанного на овладении универсальными учебными действиями, самостоятельном усвоении новых знаний, умений и навыков, способствующих ориентации обучающихся в различных предметных областях познания, и мотивации к обучению.

Для реализации деятельностного подхода необходимо создание благоприятной обучающей и воспитывающей среды, что предполагает учёт личностных интересов и индивидуальных особенностей студентов, создание предпосылок для большей самостоятельности и активности обучения.

Особую значимость приобретают новые формы и методы работы, которые стимулируют активность, инициативность и творчество студентов.

Систематическое и активное участие студентов в проектной деятельности способствует формированию у них умений организовывать различные виды внеаудиторной деятельности.

Теоретический анализ проблемы реализации деятельностного подхода в профессиональной подготовке будущих дизайнеров позволяет сделать вывод, что для определения методов и содержания эффективного обучения студентов необходимо опираться на следующие основные положения:

1. Необходимость осуществления целенаправленного формирования профессионального мышления (теоретическое, аналитическое, практическое, репродуктивное – творческое, интуитивное и др.), как основы творческой профессиональной деятельности будущих дизайнеров.

2. Профессиональное мышление развивается в условиях инициативности и активного учебно-творческого действия, а не в условиях пассивного созерцания; становление профессионального мышления возможно лишь в процессе формирования у будущих специалистов представлений о динамике развития, целях и задачах самой деятельности.

3. В ходе профессиональной подготовки, будущих дизайнеров необходимо вооружать эффективными развивающими средствами, в качестве которых выступают мотивация, рефлексия, содержательный анализ; именно они позволяют совершать содержательные обобщения, извлечь существенную информацию для определения четких алгоритмов действий (планирование).

4. Использование методов организации учебно-творческой деятельности (дискуссионные, эвристические, проектные).

5. Реализации деятельностного подхода в профессиональной подготовке будущих дизайнеров не возможна без творческой самостоятельности.

6. Формирование показателей (количественных и качественных) творческой самостоятельности (участие в выставках, конкурсах и др.).

1. Пак Л.Г. Реализация деятельностного подхода в профессиональной подготовке студента вуза / Л.Г.Пак, Ю.П.Яблонских // [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21556> (дата обращения: 10.04.2016).
2. Андреева О.П. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности в процессе подготовки будущего дизайнера в вузе: автореф. дисс. канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2011.
3. Петрова В.Н. Формирование опыта креативной деятельности студентов / В.Н.Петрова // Фундаментальные исследования. – 2007. – № 12 (часть 3). – С. 491-493.
4. Даськова Ю.В. Подходы к формированию творческой самостоятельности студентов-дизайнеров / Ю.В.Даськова // Молодой ученый. – 2014. – № 6. – С. 698-700.
5. Даськова Ю.В. Методы организации учебно-творческой деятельности в процессе формирования творческой самостоятельности студентов-дизайнеров / Ю.В.Даськова // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/04/33240> (дата обращения: 10.04.2016).

ГУМАНИЗАЦИЯ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРОВ

Трошкин А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
avt63@mail.ru

Осмысление новых реалий социокультурного пространства одна из основных проблем современного общества. Тенденции к глобализации и технологичности общества становятся явно выраженными, осуществляется структурная трансформация визуальной культуры во многих аспектах. При этом активизируются процессы гуманизации, усиливается влияние универсальной значимости дизайна.

Вопросы, связанные с социальной ответственностью дизайнера в художественно-дизайнерской среде в настоящее время поднимаются все чаще и острее. Дизайнеры все больше осознают свое всестороннее влияние на формирование социокультурной среды. Перед дизайнерами актуализируется необходимость проанализировать и изучить значение и роль дизайна по отношению к обществу. Важными компонентами подготовки будущего дизайнера являются акценты на творческий подход к профессиональной деятельности, развитие профессионально-личностных качеств будущего дизайнера, его креативного потенциала с ориентацией при организации воспитательного процесса на нравственные идеалы и ценности гражданского общества. Важным в учебно-воспитательном процессе, на наш взгляд, является достижение целостной готовности будущего дизайнера к профессиональной деятельности. Мы считаем, что понятие готовность включает в себя осознанное и активно-деятельностное, инициативное состояние, которое обеспечивает личностную и профессиональную самореализацию и само актуализацию во время решения профессиональных проблем на основе идеи гуманизации содержания образования, личностного профессионального опыта, творческого использования индивидуально-психических особенностей и интеллектуального потенциала в процессе профессиональной деятельности.

В теории и практике высшего образования весомыми направлениями педагогического процесса являются не только всестороннее развертывание и развитие способностей индивида, усвоение им социальных ролей, принципов и норм жизни, но и формирование, наращивание его активности, инициативности, обеспечивающих ему возможность продуктивной, творческой деятельности, самостоятельности, жизненного успеха, высокого профессионализма. Современные общественные отношения способствуют стремлению студенческой молодежи к проявлению продуктивной активности в учебной деятельности, к овладению глубинными разносторонними знаниями, умениями и навыками.

Мы выделяем основные задачи гуманизации учебно-воспитательного процесса подготовки дизайнеров:

- освоение студентами гуманистических ориентаций, общечеловеческих ценностей, формирование ценностного отношения к явлениям действительности;
- развитие дизайна и его интеграции в профессиональные международные институции;
- формирование мировоззрения и мировосприятия, соответствующего реалиям сегодняшнего дня и современным достижениям в области изобразительного искусства и дизайна;
- содействие выявлению творческой и социальной активности будущих дизайнеров;
- организацию самопознания и самореализации студентов в учебно-творческой деятельности;
- развитие творческого мышления, усиление мотивации к участию в художественно-выставочной деятельности;
- популяризация и пропаганда художественного творчества, укрепление разносторонних культурных связей, творческих контактов студентов-дизайнеров;
- формирование гражданской позиции, толерантности, коммуникативной и правовой культуры, поведения, адекватного нравственно-этическим и социальным нормам;
- формирование профессионально значимых качеств личности, профессиональной направленности личности, уточнение социального смысла осваиваемой специальности;
- организация учебно-творческого пространства – свободного для реализации творческих идей;
- привлечение интереса общественности к культурной жизни вуза;
- организация студенческих выставок, охватывающих как можно большее количество участников;
- вовлечение молодежи в культурный диалог о тенденциях развития современного искусства;
- привлечение внимания общественности и СМИ к проблемам художественной культуры;
- создание методических центров с целью сосредоточения, сохранения и демонстрации лучшего достояния в отрасли дизайна, других видов искусства;
- создание условий для воспитания и реализации интеллектуально-творческого потенциала молодежи путем включения их в различные виды художественной деятельности, приобщения к духовным ценностям;
- художественно-эстетическое развитие творческой личности;
- пропаганда лучших образцов отечественного и зарубежного искусства, сохранение и обогащение традиций художественной жизни вуза, региона;
- открытие и поддержка молодых талантов. Важным, на наш взгляд, является создание условий для высокоэффективной образовательной, эстетической среды, обеспечивающей формирование профессиональной компетентности, соответствующей уровню и задачам развития современной визуальной, материально-художественной культуры.

По нашему мнению, региональная система художественного образования представляет собой сложный социально-педагогический феномен, обладающий собственной историей и специфической динамикой развития. При конкретизации общего представления о гуманизации учебно-воспитательного процесса подготовки дизайнеров нами были определены ряд фундаментальных задач учебно-воспитательного процесса, которые необходимо разрешить, учитывая значительные трансформации сущности художественного образования в вузе, в ходе построения новых художественно-образовательных подходов. Мы связываем начало нового видения проблемы гуманизации учебно-воспитательного процесса в вузе с осознанием реалий сегодняшнего дня.

1. Воспитательная работа и самоуправление [Электронный ресурс] // Социокультурная среда физико-математического факультета костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. URL: http://ksu.edu.ru/index.php?Itemid=2324&id=217&lang=ru&option=com_content&view=category (дата обращения: 20.03.2016).
2. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: [Учебн. пособие]. 2-е изд., перераб. М.: Издательство Московского психолого-социального института. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. – С. 390.
3. Расщепкина Е.Д. Специфика воспитательной работы в вузе / Е.Д.Расщепкина. – [Электронный ресурс] // Теория и технология металлургического производства. – 2010. – Вып.1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-vospitatelnoy-raboty-v-vuze> (дата обращения: 20.03.2016).
4. Розенсон И. А. Основы теории дизайна: [Учебник для вузов]. – СПб.: Питер, 2006. – С. 92.

УДК 378.147:7.05

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ДИЗАЙНА

Трошкина Ю.Ю.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
nebo_design@mail.ru

Пространство современного мира активно изменяется под воздействием информационных технологий, трансформируется коммуникация, происходит структурная перестройка культуры человечества, связанная с процессом глобализации, переосмысливается роль высшего образования и основные подходы к художественному образованию, обновляется понимание совокупного влияния культуры и искусства на личность.

В этой связи актуальными являются вопросы, связанные с гуманизацией и гуманитаризацией профессионального образования, доминирующим фактором развития которого, является повышение внимания к личности будущего специалиста, ее способности формировать художественно-эстетические ценности в процессе включения в активную творческую деятельность. Значимость эстетического развития личности особенно возрастает в профессиональном образовании специалистов художественно-творческой

направленности и лежит в основе организации учебно-воспитательного процесса с учетом требований современного общества к нравственному, интеллектуальному, общекультурному и профессиональному уровню подготовки будущих дизайнеров. Большое значение имеют задачи, связанные с созданием условий гармоничного личностного развития студентов с целью формирования профессионально-эстетической компетентности будущего дизайнера [1].

Таким образом, целью современного профессионального образования дизайнеров, по нашему мнению, становится не узкопрофильная подготовка, а общекультурное, социально значимое эстетическое развитие личности.

Научные исследования в области проблем эстетического развития личности в процессе художественной деятельности были направлены на изучение творческих способностей и процесса приобщения к искусству (В.Г.Бутенко, М.С.Каган, Л.В.Компанцева, А.А.Мелик-Пашаев, Б.И.Теплов, Е.М.Торшилова, Р.М.Чумичева, Б.П.Юсов, и др).

Исследования подтверждают, что эстетическое развитие направлено на развитие у человека художественно-ориентационного мировосприятия и свободы эмоционально-ценностного выбора установок личности, независимо от объекта восприятия [6].

В связи с этим, возникает новая ориентация учебно-воспитательного процесса, содержание которого определяется развитием личностной эстетической позиции, как мотивационно творческой активности и направленности на учебно-творческую деятельность, на освоение умений и навыков профессиональной деятельности, на эстетическое осмысление окружающей действительности.

В нашем исследовании мы определяем эстетическую позицию как основу становления и развития личности. Психолого-педагогическая природа эстетической позиции помогает нам определить направление педагогических воздействий. Схематически этот путь в условиях, руководимого педагогом, освоения основ дизайна как формы художественной культуры можно представить следующим образом:

1. Стадия избирательной мотивационно творческой направленности личности на определенный вид деятельности.
2. Стадия интеллектуально-творческой активности личности к определенному виду деятельности.
3. Стадия повышенной профессионально-творческой активности личности в определенном виде деятельности.
4. Стадия первых значительных творческих достижений.
5. Формирование индивидуального творческого стиля деятельности, характеризующегося сформированной эстетической позицией.

Вместе с формированием профессиональных компетенций у студентов будущих дизайнеров первостепенное значение приобретают общекультурные. Возрастает необходимость поиска новых технологий эстетического воспитания, которое в сложившихся современных условиях может способствовать выполнению социального заказа – формированию социально активной,

творческой личности, обладающей высоким уровнем гражданской культуры, духовно ценностными ориентациями, способностями к самоуправлению и самоусовершенствованию.

Предложенные методологические предпосылки развития эстетической позиции дают возможность перейти к рассмотрению воздействия именно дизайна на эстетическое развитие личности.

Известно, что дизайн, как инструмент технической эстетики, одновременно исполняет роль культурно-ценностной универсалии, которая интегрируется во все сферы человеческой деятельности, наполняя ее элементами новизны и обеспечивая условия для творческой самореализации личности. Дизайнер творит культуру, воспроизводит и использует её как средство для визуального выражения общественного эстетического идеала.

Мы думаем, что подлинная задача профессионально-художественного образования будущих дизайнеров – это выработка способности к саморазвитию, в результате которого студент превращается в субъекта культурно-исторического процесса и самостоятельно формирует свое художественно-творческое отношение к миру. Именно в этом плане роль эстетической позиции личности все более возрастает.

Дизайн как форма художественной культуры, как органичный элемент процесса глобализации достаточно чутко улавливает особенности межличностных отношений [7]. В своей работе дизайнер стремится к выявлению художественно-образных и общекультурных характеристик визуального мира невербальных коммуникаций. Основанием для всего этого, мы считаем, и является устойчивая эстетическая позиция.

Эстетическая позиция – необходимая психологическая первооснова деятельности человека в любом виде искусства на творческом уровне, а в особенности, если оно является сферой профессиональной деятельности. В своей активности эстетическая позиция выражается в специфически духовной потребности, которая порождает определенное отношение к внешнему миру, а затем и конкретные действия.

Разносторонний и многоуровневый процесс взаимодействия художественной культуры общества и формирования эстетической позиции личности, по нашему мнению, – один из важнейших факторов духовного обновления общества, всемерной активизации его интеллектуального и культурного потенциала, подъема инициативности деятельности и самостоятельности мышления, богатства чувств и высокой нравственности.

1. Винниченко Н.Л. Влияние воспитательного пространства вуза на профессиональное становление будущих специалистов / Н.Л.Винниченко // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2010. – Вып. 4 (94). – С. 34–39.
2. Лугина Я.А. Специфика дизайнерской деятельности / Я.А.Лугина // Визуальная культура: дизайн, реклама, информационно-коммуникационные технологии: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. – Омск: ОмГТУ, 2010. – С. 61–65.
3. Мелик-Пашаев А.А. Психологические основы способностей к художественному творчеству: дис. ...д-ра психол. наук: 19.00.01 / Российская академия образования, психологический ин-т им. Л.Г.Щукиной. – М., 1994. – 225 с.

4. Проектирование основных образовательных программ, реализующих федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: метод. рекомендации для руководителей и актива учебно-метод. объединений вузов. 1-я редакция. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2009. – 80 с.
5. Розенсон И.А. Основы теории дизайна: [Учебник для вузов]. – СПб.: Питер, 2006. – С.92.
6. Торшилова Е.М. Модель эстетического развития в онтогенезе / Е.М.Торшилова // Современные подходы к теории эстетического воспитания: Материалы и тезисы Буровских чтений. – М.: ИХО РАО, 1999. – С.111–115.
7. Чижиков В.В. Дизайн в системе культурных ценностей: диссертация доктора философских наук: 24.00.01. – М., 2006. – 382 с.

УДК 378,147:7.05

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-ДИЗАЙНЕРА В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Троянов А.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
a.g.trojanov@gmail.com

Социальная и экономическая модернизация в современном обществе, интеграция современной образовательной системы в мировую систему образования заставляют искать новые подходы и методы к подготовке специалистов – выпускников вузов, способных к самостоятельной профессиональной деятельности, умеющих адаптироваться к современным условиям, обладающих сформированным профессионально-образным мышлением и практическими навыками. Поэтому подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, ориентирующегося на современном рынке труда, компетентного, готового к постоянному профессиональному росту и развитию выступает в качестве основной цели профессионального образования.

Сегодня формирование конкурентоспособного современного производства в значительной мере зависит от развития и широкого распространения дизайнерской культуры. В то же время существующая система профессионального дизайнерского образования еще проходит стадию формирования в связи с тем, что дизайн как самостоятельная, новая область творчества по историческим меркам появился сравнительно недавно. Существующее на данный момент количество и качество подготовленных педагогов, работающих в области дизайна, не может удовлетворить возникшую в обществе потребность в услугах дизайнеров. Это резко увеличивает потребность в специалистах в области дизайна, повышает требования к их профессиональным навыкам и к качеству подготовки педагогов профессионального обучения (дизайн) для работы в средних специальных и высших учебных заведениях. Учитывая эти обстоятельства, представляется, необходимым развитие у педагогов

профессионального обучения (дизайн) творческого потенциала в процессе учебно-исследовательской деятельности.

Творческий потенциал будущих педагогов профессионального обучения (дизайн) – это сложное полифункциональное образование, так как основой из важнейших составляющих их подготовки является участие в творческой деятельности и в то же время обучение других этой деятельности. Подготовка педагогов-дизайнеров носит многофункциональный характер. Образовательная программа направлена на подготовку специалистов по таким направлениям профессиональной деятельности – педагогической и художественной. В связи с этим, в творческий потенциал входят те структурные компоненты, которые связаны с творчеством в области дизайна, и с педагогической деятельностью. Определение целостного единства художественной и педагогической составляющей является основной задачей подготовки педагогов-дизайнеров.

Проблема развития творческого потенциала будущих педагогов-дизайнеров в процессе учебно-исследовательской деятельности актуальна в психолого-педагогической науке. Однако, существует противоречие между необходимостью развивать творческий потенциал будущих педагогов-дизайнеров в процессе учебно-исследовательской деятельности и отсутствием теоретических и методических разработок, которые обеспечивают его развитие. На наш взгляд, следует выявить педагогические условия, которые способствуют активному развитию творческого потенциала будущих педагогов профессионального обучения в процессе учебно-исследовательской деятельности в вузе.

Творческая деятельность на прямую связана с личностным ростом. Развитие творческого потенциала не возможно без процессов саморазвития. Из этого следует, что его развитие возможно только на основе активного творческого самосовершенствования студента уже в процессе обучения в вузе.

Развитие творческих способностей, как составляющей творческого потенциала, будущего педагога дизайнера достигает наибольшей результативности в процессе обучения. Профессия дизайнера требует методически выверенной, последовательной и целенаправленной системы обучения, которая соответствует высоким стандартам данного профиля специальности. Профессия педагога-дизайнера предполагает наличие способности к самосовершенствованию и самореализации. Среди основных видов профессиональной деятельности педагога-дизайнера – аналитическая, экспериментально-исследовательская, учебно-творческая и проектная деятельность. Мы считаем, что в основе подготовки будущего педагога профессионального обучения (дизайн), лежит учебно-исследовательская деятельность.

Необходимость использования учебно-исследовательской деятельности в развитии творческого потенциала студентов, педагогов-дизайнеров обусловлена ее направленностью на решение практических профессиональных задач, на формирование необходимых в деятельности педагога-дизайнера качеств личности.

Как обобщение вышесказанного, мы предполагаем, что эффективное развитие творческого потенциала будущих педагогов-дизайнеров в процессе

учебно-исследовательской деятельности в вузе будет возможно при реализации следующих педагогических условий:

1. На основе выявления особенностей профессиональной деятельности педагогов-дизайнеров, образовательный процесс организуется с учетом развития их творческого потенциала в процессе профессиональной подготовки.

2. Готовность преподавателей к развитию творческого потенциала студентов, будущих педагогов профессионального обучения (дизайн) к использованию различных форм и методов обучения. А именно: культурологические семинары, мастер-классы, круглые столы, участие совместно со студентами в выставках, конкурсах и др.

3. Разработка теоретической модели развития творческого потенциала педагогов-дизайнеров в процессе учебно-исследовательской деятельности, которая базируется на совместной проектно-творческой деятельности педагога и студента. Модель предполагает поэтапный процесс развития творческого потенциала будущих педагогов-дизайнеров, с определенными каждому этапу целями, задачами, формами и методами.

4. Сочетание в учебно-творческом процессе проектной, поэтапной деятельности (с усложнением задач) с дополнительной деятельностью в студенческой научно-творческой дизайн-лаборатории.

1. Агранович-Пономарева Е.С. Интерьер и предметный дизайн жилых зданий Е.С.Агранович-Пономарева, Н.И.Аладова. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 352 с.
2. Алексеев, М.В. Ключевые компетенции в педагогической литературе / М.В.Алексеев // Педагогические технологии. – № 3. – 2006. – С. 3-18.
3. Ассесоров А.И. Формирование профессиональной культуры будущих специалистов-дизайнеров в вузе: Автореф. дис... канд. пед. наук А.И.Ассесоров. – Нижний Новгород, 2009. – 20 с.
4. Библер В.С. Мышление как творчество. – В.С.Библер. – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.
5. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: [учеб. пособие для вузов и институтов повышения квалификации]. – Г.К.Селевко. – М.: Народное образование, 1998. – 255 с.
6. Ткаченко Е.В. Дизайн-образование. Теория, практика, траектории развития Ткаченко Е.В., Кожуховская С.М. – Екатеринбург: Изд-во «Аква-пресс», 2004. – 240 с.
7. Ткаченко Е.В. Концепция дизайн-образования в современных условиях / Е.В.Ткаченко, С.М.Кожуховская // Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию [Текст]: специализированный выпуск. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». – 2007. – Вып. 2 (41). – 295 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Беспалова С.В.</i> Концепция развития Донецкого национального университета как научно-образовательного и инновационного кластера Донбасса	5
Секция «Актуальные проблемы лингвистики»	
<i>Бондарчук Т.А.</i> Ономастологические модели аббреконтруктора <i>броне</i>	17
<i>Будник С.А.</i> Структурный анализ аббревиационной группы с компонентом <i>эко-</i>	19
<i>Волчкова М.К.</i> Русскоязычная проповедь (из опыта преподавания русского языка иностранным стажерам-теологам)	21
<i>Гладкая Н.В.</i> Проблема интерпретации креолизированных текстов в интернет-коммуникации	23
<i>Горбунова Ю.С., Захарова Т.Ю.</i> Роль эпитетов в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	25
<i>Дмитриева О.А., Миронова О.С.</i> Специфика самопрезентации языковой личности «водитель»	28
<i>Казанцева И.Г.</i> О сопоставительном анализе языка учебной лекции и учебной литературы по специальности	31
<i>Квашина Л.П., Красицкая Н.С.</i> Принцип «изобразительности» в поэтике А. Пушкина	32
<i>Колесниченко Л.В.</i> Некоторые проблемы межкультурной коммуникации иностранных студентов-нефилологов	34
<i>Кулиш С.В., Груба О.Б.</i> Профессиональная коммуникация: детерминанты делового общения	37
<i>Курмакаева Н.П.</i> Концепция «асимметричного дуализма лингвистического знака» С. Карцевского в проекции на синтаксическую систему языка	38
<i>Малеева Е.С.</i> Заметки об одной экспедиции	41
<i>Маркова Т.Д.</i> Время и вечность в семантике форм славяно-русского перфекта	44
<i>Марченко Е.А.</i> Значение и образование глаголов с префиксом <i>воз-</i> и рефлексивным показателем в русском языке	47
<i>Новикова Ю.Н.</i> Варианты христианского имени <i>Михаил</i> в основах современных фамилий Донетчины	50
<i>Петров А.В.</i> Методика анализа топонимов с образным значением	52
<i>Сафронова Н.А.</i> К вопросу о полупредикативности уточняющих и поясняющих обособленных членов предложения	55
<i>Симашко Т.В.</i> Моделирование эстетической периферии денотативного класса <роса>	58
<i>Стебунова А.Н.</i> Словообразовательные процессы в слове и термине	62
<i>Сторчак Л.В.</i> Коммуникативная культура преподавателя в процессе обучения студентов русскому языку и культуре речи	63
<i>Теркулов В.И.</i> Проект толково-словообразовательного словаря сложносокращенных слов русского языка	65
<i>Факторович А.Л.</i> Своеобразие научного стиля молодых филологов: необходимость или возможность?	68
<i>Филатов В.А.</i> Смысловая связь как основа построения связной речи	71
<i>Шарандин А.Л.</i> Теория лексической грамматики и перспективы ее развития за пределами грамматики	74

Секция «Массовые коммуникации в условиях вызовов информационного общества»

<i>Анисимов Н.А.</i> О некоторых особенностях изучения русской литературы в академических группах специальности «Журналистика»	77
<i>Артамонова И.М.</i> Интернет-СМИ и социальные сети: стратегии коммуникационных практик	79
<i>Безродный В.П.</i> Гуманитарные вопросы в зеркале средств массовой информации	81
<i>Вовенко В.Ф.</i> Сергей Прокофьев в изобразительном искусстве Донбасса	84
<i>Дяговец И.И.</i> Концептуализация этнической составляющей Донецкого края	88
<i>Кордюков А.Ю.</i> Data-журналистика и традиционные медиа	88
<i>Кравченко В.Д.</i> Авторский замысел как образная концепция телевизионного произведения	90
<i>Куянцева Е.А.</i> Архетип героя как основа имиджа В.В.Путина	92
<i>Луценко И.В.</i> Язык и стиль современных средств массовой информации	94
<i>Лютикова А.А.</i> Имиджевые характеристики глянцевого рекламоносителя и рекламируемого объекта: коммуникативно-прагматические корреляции	98
<i>Москалёва С.Ю.</i> Дискурсивный жанр резюме в современной деловой коммуникации..	100
<i>Назар Р.Н.</i> Семантика аббревиатур в репортаже	102
<i>Наливайко Ю.Ю.</i> Дисциплины медиаобразовательного цикла как составляющая профессиональной подготовки журналистов	105
<i>Сереброва С.Б.</i> Функциональные характеристики использования агрессивной лексики в современном медиадискурсе	107
<i>Стеценко Н.М.</i> Фактуальные компоненты заголовков новостных медиатекстов в аспекте речевого воздействия	110

Секция «Культурные явления и процессы в научных парадигмах современной гуманитаристики»

<i>Агаркова А.А.</i> Образно-символические аспекты регионального пространства в контексте исторической трансформации культурной идентичности (опыт Донбасса)..	113
<i>Белых А.В.</i> Пословицы как культурный феномен	117
<i>Гаджибекова И.А.</i> Определение некоторых терминов из арсенала понятий, связанных с иллюзиями в аспектах дизайна костюма	119
<i>Журавлёва Е.А.</i> Формирование ключевых компетенций у студента-юриста в процессе изучения специального курса «Литература и право»	122
<i>Калиниченко Е.Н.</i> Вектор деятельности художественно-выставочного центра «АРТ-ДОНБАСС»	125
<i>Кравченко О.А.</i> Мемориал как анти-память (концепция Лиотара)	127
<i>Логвинова И.В.</i> Люди, вещи и культурная память в романах Дины Рубиной: культурологический аспект	130
<i>Магомедова Ю.Б.</i> Поэтические образы военного Донбасса	133
<i>Мазитова Л.З.</i> К вопросу о развитии и формировании ноосферного мышления в культурологическом контексте современного образования	136
<i>Могила С.</i> Язык электронных средств массовой коммуникации в контексте их дискурсивной деятельности	138
<i>Осадчий С.А.</i> Буддизм и христианство в русском культурном поле: аспекты соотношения	140
<i>Отин А.Е.</i> К вопросу о концептосфере христианской православной культуры	143

<i>Ревяков И.С., Швец А.О.</i> Образы Артура и Мерлина как воплощение воинского и жреческого начал в британской культуре	145
<i>Рубцова И.Н.</i> Влияние ландшафта на становление менталитета населения Донбасса (на материале «Дум о Донбассе» И.С. Костыри)	148
<i>Сенчина Л.Т.</i> К вопросу о жанровой трансформации в русской литературе XVIII в.	151
<i>Соболева И.А.</i> Современная языковая личность в пространстве дискурса	152
<i>Ущатовская Е.Н.</i> Музыкальное искусство в контексте постмодернистского мышления	156
<i>Черникова А.С.</i> Семиотика карнавала в картине Питера Брейгеля старшего «Битва между карнавалом и постом»	158
<i>Шульц С.А.</i> К художественной «философии имени» в «Мертвых душах» Гоголя	161

Секция «Актуальные проблемы современной украинской филологии»

<i>Бородинова М.В.</i> Художественные функции библейской притчи в повестях Г. Квитки-Основьяненко «Маруся» и «Сердешна Оксана»	163
<i>Ярошевич И.А.</i> Духовные и нравственные аспекты литературы Донетчины	165

Секция «Прикладные аспекты современной лингвистики»

<i>Белюсова Е.В.</i> Инновационные технологии в процессе языковой подготовки студентов ..	169
<i>Кудрейко И.А., Медведкин С.А.</i> О создании словаря русской разговорной речи Донбасса	170
<i>Мозговой В.И.</i> Темные пятна правовой ономастики	172

Секция «Актуальные проблемы изучения славянских языков»

<i>Борисова Л.П., Янышевская В.В.</i> Русская и украинская письменность: страницы общей истории	176
<i>Емельяненко А.В.</i> Суггестивный потенциал креолизированных текстов (на материале отзывов с сайтов http://otzovik.com и http://irecommend.ru/)	179
<i>Касьяненко Н.Е.</i> Концепткрот в поэтической картине мира Марины Цветаевой	181
<i>Першина К.В.</i> Ботаническая лексика в ономообразовании	184
<i>Юшкова С.А.</i> Категории реципрокальности и социативности (на материале русского и украинского языков)	187
<i>Ярошенко Н.А.</i> Неономинатии лица в русском языке: основные тенденции	189

Секция «Музыкальная наука и исполнительство»

<i>Волкова Л.В.</i> Алеаторика и хэппенинг как явление эволюции звукового музыкального мышления	193
<i>Колоней В.А.</i> Музыкальный абстракционизм	195
<i>Романец М.С.</i> Автоинтертекстуальность в музыкальном искусстве: к постановке проблемы	198

Секция «Дизайн как инструмент невербальной коммуникации»

<i>Абубекерова К.О., Гурова Н.А.</i> Минимализм в дизайне и WEB-дизайне	201
<i>Гурова Н.А.</i> Реализация деятельностного подхода в профессиональной подготовке будущих дизайнеров	204
<i>Трошкин А.В.</i> Гуманизация учебно-воспитательного процесса подготовки дизайнеров	207
<i>Трошкина Ю.Ю.</i> Эстетическое развитие студентов средствами дизайна	209
<i>Троянов А.Г.</i> Развитие творческого потенциала будущего педагога-дизайнера в процессе учебно-исследовательской деятельности	212

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2016.
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
I Международной научной конференции,
16–18 мая 2016 г.
г. Донецк

**ТОМ 4
Филологические науки. Культура и искусство**

под общей редакцией С.В. Беспаловой

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>В.Г. Медведева</i>

Адрес оргкомитета:

Донецкий национальный университет,
ул. Университетская, 24. г. Донецк, 28301
e-mail: donnu.science@mail.ru

Подписано в печать 05.05.2016 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 12,7
Тираж 300 экз. Заказ № 405 – май 16.
Донецкий национальный университет
28301, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.